

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГКОУ ВО
УФИМСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

С. В. Мотин

**РОССИЙКИЙ СЛАВЯНОФИЛ
НА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СЛУЖБЕ.
И. С. АКСАКОВ – СОТРУДНИК МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ И
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ**

Монография

Уфа 2017

УДК 351.74
ББК 67.401.133.+83.3(2Рос=Рус)1
М41

*Рекомендована к опубликованию
редакционно-издательским советом Уфимского ЮИ МВД России*

Рецензенты: кандидат юридических наук, доцент Д. А. Баринов
(Дальневосточный юридический институт МВД
России);
кандидат исторических наук, доцент М. О. Тяпкин
(Барнаульский юридический институт МВД России)

Мотин С. В.

М41 Российский славянофил на правоохранительной службе. И. С. Ак-
саков – сотрудник Министерства юстиции и Министерства внутрен-
них дел Российской Империи [Текст] : монография / С. В. Мотин. –
Уфа : Уфимский ЮИ МВД России, 2017. – 169 с.

ISBN 978-5-7247-0913-2

В монографии получили отражение жизнь, труды и взгляды Ивана Сергеевича Аксакова от рождения до апреля 1851 года. Это время его домашнего воспитания, обучения в Императорском Училище правоведения, служебной деятельности в качестве чиновника-правоведа при Министерстве юстиции и Министерстве внутренних дел, а также становления его славянофильских взглядов.

Работа предназначена для профессорско-преподавательского состава, обучающихся образовательных организаций, а также сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации. Издается в рамках подготовки к празднованию 300-летия российской полиции.

УДК 351.74
ББК 67.401.133.+83.3(2Рос=Рус)1

ISBN 978-5-7247-0913-2

© Мотин С. В., 2017
© Уфимский ЮИ МВД России, 2017

*Посвящается 200-летнему юбилею
«передового бойца славянофильства»
Константина Сергеевича Аксакова*

ВВЕДЕНИЕ.

Вехи биографии, труды и публикации И. С. Аксакова

«Следует еще также заметить биографам, что они указывают плохую услугу лицу, ими описываемому, выкапывая весь сор и хлам из всех углов его души. Надобно рассматривать в человеке дело его жизни, его цель, его стремление, идеал, живущий в его душе, и уже по отношению к этой существенной стороне можно касаться частных и мелочей его жизни. Человек сам себя очищает; внутренняя его работа над собою есть тайна между им и Богом, и только Богу известно, какие плевела жили в его душе и исторгнуты им»¹.

И. С. Аксаков – родным, 27.08.1854 г.

Иван Сергеевич Аксаков – фигура монументальная, поражающая своим размахом, настоящий микрокосм, требующий энциклопедического подхода. В свое время нам удалось собрать, составить и опубликовать об И. С. Аксакове «Материалы для летописи жизни и творчества»², но, естественно, что это далеко не полная версия, требующая еще многочисленных дополнений, уточнений и исправления отдельных неточностей.

Настоящая монография – это всего лишь наш небольшой вклад в *иванаксаковедение*³.

В монографии рассматривается становление впоследствии известного славянофила – от рождения и до его ухода со службы в апреле 1851 г., т. е. детство, отрочество, юность, обучение в Училище правоведения и почти 9 лет служебной и, одновременно, творческой жизни чиновника-правоведа, поэта и начинающего публициста.

Структурно монография состоит из введения, трех глав (12 параграфов), пяти приложений, заключения и списка использованной литературы. В основе монографии – 14 публикаций из научных журналов, сборников конференций и аксаковских изданий.

¹ И. С. Аксаков. Письма к родным. 1849–1856 / изд. подгот. Т. Ф. Пирожкова. М.: Наука, 1994. С. 303.

² Аксаков Иван Сергеевич: Материалы для летописи жизни и творчества: В 6 вып. / под ред. С. В. Мотина. Уфа: УЮИ МВД России, 2010, 2009, 2011, 2012, 2013, 2015. Вып. 1: в 2 частях. 1823–1848; <Вып. 2:> 1848–1851; Вып. 3: в 2 частях. 1851–1860; Вып. 4: в 3 частях. 1861–1869; Вып. 5: в 2 частях. 1870–1879; Вып. 6: в 2 частях. 1880–1886. 3122 с.

³ Иванаксаковедение – научное направление, посвященное изучению жизни, трудов, взглядов и наследия И. С. Аксакова. Подр. см.: Научно-исследовательская литература об И. С. Аксакове // Иван Сергеевич Аксаков: библиогр. указ. (1836–2014) / сост.: П. И. Федоров, С. В. Мотин; сост. фотоприложения: Г. О. Иванова; вступ. ст. С. В. Мотина; под ред. А. П. Дмитриева; Башк. гос. пед. ун-т им. М. Акмуллы, Мемориальный дом-музей С. Т. Аксакова, Уфимский юридический ин-т МВД России, Библиотека БГПУ им. М. Акмуллы. Уфа: Изд-во БГПУ, 2014. С. 156–214.

Во введении представлены вехи биографии, труды и публикации И. С. Аксакова.

Первая глава посвящена первым девятнадцати годам жизни Ивана Аксакова, его детству, отрочеству и юности. Здесь же содержится информация об Императорском Училище правоведения, в котором Иван обучался в течение четырех лет, а также его выпускное сочинение «О характере уголовного процесса».

Во второй главе речь идет о службе И. С. Аксакова в качестве чиновника-правоведа на разных должностях при Министерстве юстиции (1842–1848). Здесь воспроизводится, в частности, аттестат о служебной деятельности Аксакова с 1842 по 1851 гг., рассматривается славянофильская поэма «Зимняя дорога», анализируется служба Ивана Сергеевича в качестве товарища председателя Калужской уголовной палаты (1845–1847), наконец, речь идет об аксаковских «Судебных сценах», впервые опубликованных А. И. Герценом в «Полярной звезде» в 1858 г.

Третья глава дает представление о службе Аксакова в качестве чиновника по особым поручениям при министре внутренних дел Л. А. Перовском (1848–1851), описывается арест Аксакова III отделением в марте 1849 г. и последствия этого ареста, письмо Аксакова к чиновнику о служебной деятельности и «Ответ» на него старшего брата Константина (1849), разбор его служебных записок о расколе и переписка Аксакова с Министерством внутренних дел о самой известной аксаковской поэме «Бродяга».

В приложениях размещены: 1) автобиография И. С. Аксакова 1862 г.; 2) наиболее раннее из известных его сочинений 1841 г. («О возможности русским иметь народную литературу (Разговор)»); 3) опись документов и переписки И. С. Аксакова по Министерству юстиции и Министерству внутренних дел (1844–1854); 4) стихотворение И. С. Аксакова «Моим друзьям...» (декабрь 1851 г.); 5) обзорный очерк, посвященный жизни, творчеству и наследию К. С. Аксакова, оказавшего огромное влияние на становление славянофильских взглядов И. С. Аксакова.

В заключении подводятся итоги исследования.

Список использованной литературы содержит 217 позиций.

Иван Сергеевич Аксаков [26.09(08.10).1823, с. Надёжино (Куроедово) Белебеевского уезда Оренбургской губернии, ныне с. Надеждино Белебеевского района Республики Башкортостан – 27.01(08.02).1886, Москва; погребен на территории Свято-Троицкой Сергиевой лавры], чиновник-правовед, поэт, редактор, издатель, публицист, литературный критик, общественный деятель, лидер пореформенного славянофильства¹.

¹ Далее все даты даны по старому стилю. При подготовке введения использованы следующие основные источники: <Автобиография И. С. Аксакова>, впервые: Русская мысль. 1917. № 3–4. Отд. II. С. 68–70; Формулярный список о службе Ивана Сергеевича Аксакова. Подлинник. 2 мая 1849 г. // РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 131. 5 л.; Аттестат о службе Ивана Сергеевича Аксакова. Подлинник. 2 июня 1851 г. // РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 132. Л. 2–3; Осповат А. Л. Аксаков Иван Сергеевич // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 1. М., 1989. С. 29–32.

И. С. Аксаков – автор стихотворений, поэм, пьесы, публицистических (передовых) и литературно-критических статей и очерков; статистического исследования, посвященного украинским ярмаркам; также оставил большое эпистолярное наследие, далеко еще не в полном объеме опубликованное. Иван Сергеевич стоял на твердых православно-монархических позициях, отстаивал нерушимость русских национальных основ, традиций и идеалов. Считал, что основой духовного возрождения человечества может стать союз славянских народов под руководством русского народа.

Развивая периодизацию А. Ф. Аксаковой (старшей дочери Ф. И. Тютчева и жены И. С. Аксакова с 1866 г.)¹, жизнь И. С. Аксакова, можно разделить на семь периодов: 1. Детство, отрочество юность (1823–1842); 2. Служебная деятельность или Служба и поэзия (1842–1851); 3. В поисках своей колеи (1851–1860); 4. Во главе славянофильских изданий: «День», «Москва» и «Москвич» (1861–1869); 5. Активная общественная деятельность (1870–1879); 6. Редактор-издатель газеты «Русь» (1880–1886).

Первый период. От рождения до 1838 г. – период домашнего воспитания и образования; начало переписки (с 1836 г., с братом Григорием). С 1838 по июнь 1842 г. – период обучения в Императорском Училище правоведения; первые поэтические и литературно-критические опыты (конец 1830-х – начало 1840-х гг.).

Иван Сергеевич родился в семье Сергея Тимофеевича Аксакова и его жены Ольги Семеновны, урожденной Заплатиной. В это время в семье Аксаковых было уже четверо детей (Константин, Вера, Григорий и Ольга). В сентябре 1826 г. семья переехала в Москву, где Иван получил домашнее воспитание и образование.

26 февраля 1832 г. определением Оренбургского дворянского депутатского собрания Иван вместе с братьями Константином, Григорием и Михаилом был внесен в VI часть дворянской родословной книги Оренбургской губернии².

А. Ф. Аксакова отмечает: «О первоначальном обучении Ивана Сергеевича осталось мало сведений. Его дома готовили к поступлению в общественное заведение, и, судя по его успехам, учение было серьезно и основательно, хотя без педантизма и формализма. Иван Сергеевич сам относил свое раннее развитие тому, что в его семействе *Детская* не существовала, т. е. не существовал тот сомкнутый, разгороженный уголок, где под надзором наемных педагогов возрастает молодое поколение в какой-то искусственной, пресной атмосфере, не имеющей ничего общего с действи-

¹ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах: Эпистолярный дневник 1838–1886 гг. с предисловием, комментариями и воспоминаниями А. Ф. Аксаковой: в 3 т.; составление, подготовка текста, примечания, указатель имен Т. Ф. Прокопова. М.: Русская книга, 2003–2004. Т. I. Письма 1844–1849 гг. М., 2003. С. 5–6.

² РГИА. Ф. 1343. Оп. 16. № 751. Л. 156 об. Цит. по: Кулешов А. С., Наумов О. Н. Аксаковы: поколенная роспись. М.: Территория, 2009. С. 151.

тельною жизнью. В семействе Аксаковых дети были постоянно с родителями, со старшими, жили их жизнью, интересовались их интересами»¹.

Анна Федоровна поведала нам и замечательно точное предсказание отесиньки² – С. Т. Аксакова: «В детстве Иван Сергеевич был очень молчаливым и угрюмым ребенком и между многочисленными, гораздо более его оживленными, братьями и сестрами, особенно в сравнении со старшим братом, маленьким оратором Константином, он слыл не очень даровитым мальчиком. Семи лет он заболел скарлатиной, и, чтобы оградить других детей от прилипчивой болезни, сослали маленького Ивана в мезонин дома, где жило семейство. Он там очень скучал в одиночестве и ради развлечения написал братьям и сестрам в нижний этаж красноречивое и живое послание, которое так удивило родителей, что они переменили взгляд на дарования молчаливого мальчика. <...> И, по прочтении одного из детских произведений сына, Сергей Тимофеевич сказал: “Иван будет великий писатель”»³.

С 10-летнего возраста Иван увлеченно читал газеты, заинтересовано следил за политическими событиями в Европе. Наказанием за какую-нибудь провинность служит ему лишение читать газеты. В нем уже сказывается будущий страстный публицист. С 1836 по 1840 г. Иван заполнял «Тетрадь стихов» с пометкой на обложке: «1839 г.», где были записаны стихотворения К. С. Аксакова, Д. И. Минаева, В. И. Красова⁴.

Первое письмо Ивана, которое нам удалось обнаружить, было написано около 9 мая 1836 г. в виде приписки на 2-м оборотном листе к брату Григорию в Петербург: «Что это значит, милый Гриша, что мы не получаем от тебя писем? Я не знаю, к чему это приписать. Здесь поднимают колокол, но он не дается. Костинька в субботу ходил смотреть, но оборвались канаты, и дело стало. Поздравляю тебя со днем рождения Олиньки, 9 мая. Не был ли ты в театре и не видал ли Ревизора, или по крайней мере, читал ли ты его? Прощай, обнимаю тебя, твой друг и брат Ив<ан> Ак<саков>»⁵.

В 1838 г. отец определил Ивана в четвертый класс недавно созданного Императорского Училища правоведения в Петербурге. Среди первых воспитанников училища был и брат Григорий, обучавшийся там с 1836 г. В Петербурге у юных Аксаковых был и один родной дом – Карташевских. Надежда Тимофеевна была любимой сестрой их отца и любимой их теткой. Кроме нее они особенно любили ее дочь, Машеньку, которая считалась очень умной и симпатичной девушкой.

¹ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах: Эпистолярный дневник 1838–1886 гг. с предисловием, комментариями и воспоминаниями А. Ф. Аксаковой: в 3 т. / сост., подгот. текста, примеч., указатель имен Т. Ф. Прокопова. М.: Русская книга, 2003–2004. Т. I. Письма 1844–1849 гг. М., 2003. С. 20.

² Так в детстве стал называть отца старший сын Константин, а вслед за ним и все его братья и сестры. И мы в дальнейшем будем так называть главу большого семейства – Сергея Тимофеевича Аксакова.

³ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах... С. 4.

⁴ См.: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 5. № 1. 10 л.

⁵ РГБ. Ф. 3. ГАИС/III. Карт. III. № 17. Л. 2 об.

Поколение Аксакова обязано своим первоначальным «воспитанием» первому собранию сочинений А. С. Пушкина (СПб., 1838–1841). Несмотря на все несовершенства этого издания, оно сыграло большую роль в формировании целостного представления о пушкинском творчестве. К поэзии Аксаков обратился еще в конце 1830-х гг., стихотворения, написанные до 1841 г., неизвестны; есть упоминание о ранней «Оде к Лицинию». Сохранилась надпись Ивана в альбоме А. П. Воскресенского: «Что же мне написать тебе в альбом? Стихов я не пишу решительно... Я, боже упаси, избавился от этой болезни, что и для меня и для тебя лучше. И<мператорское> училище> пр<авоведения>. Марта 9-го 1840 г. Ив. Аксаков».

В 1883 г. товарищ Аксакова по третьему выпуску Л. И. Бутовский опубликовал свои воспоминания, в которых перечислил дисциплины, изученные ими в Училище правоведения: богословие; логика; наука о душе; энциклопедия, или пропедевтика права; римское право; государственное право; уголовное право; межевые законы; судебная медицина; экономия политическая; судебная практика гражданская; судебная практика уголовная; физика; технология; алгебра; история; география; словесность, русская преимущественно; правописание; латынь; французский язык; немецкий язык; английский язык; рисование; чистописанье; фехтованье; пение; музыка; танцы; гимнастика¹. Кроме того известно, что в училищные годы Иван самостоятельно изучал древнегреческий, а в последующие годы – польский и сербский языки.

Первые известные аксаковские труды этого периода – труды 1841 г.: так называемый «Пушкинский дневник» и ранний критический опыт под названием «О возможности русским иметь народную литературу»², а также рукопись сочинения Аксакова «О характере уголовного процесса»³, подготовленная на выпускном курсе Императорского Училища правоведения в 1842 г.

Второй период. С июня 1842 по апрель 1851 г.: раннее творчество – период служебно-поэтический и критический по отношению к формирующемуся славянофильскому мировоззрению; расцвет поэтического творчества; подготовка документов служебного характера (в т. ч. астраханские ревизионные «отчеты», «записки о раскольниках»); ранняя публицистика ярославского периода.

14 июня 1842 г. Аксаков был выпущен из училища с чином 9-го класса (титулярного советника) и определен в канцелярию 2-го отделения 6-го (уголовного) департамента Правительствующего Сената в Москве, где в 1842-1843 гг. исправлял должность сначала помощника секретаря, а затем секретаря. Аксаков в письме к И. С. Тургеневу от 22 января 1853 г. отмечает: «...я служил почти десять лет в разных должностях и в разных уг-

¹ См.: Бутовский Л. Воспоминания об Императорском Училище Правоведения. Посвящаются товарищам третьего выпуска, 12 июня 1842 г. СПб., <1883>. С. 3–8.

² Вихрова Н. Н. 1) Пушкин в дневнике молодого Ивана Аксакова // Русская литература. 1999. № 2. С. 169–181; 2) Ранний критический опыт И. С. Аксакова // Русская литература. 2011. № 2. С. 173–183.

³ ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 41. 10 л.

лах России, и изнанка жизни, лицевую сторону которой представляют законы, именно быт судебный, мне коротко знакома».

В начале 1843 г. Аксаков написал свое первое крупное художественное произведение – мистерию «Жизнь чиновника». Спустя 34 года, в письме к Д. Ф. Тютчевой от 12 марта 1877 г. он напишет: «"Чиновник" <...> выражает борьбу и двойственность, подчас мучительную, моего тогдашнего бытия: стихотворца и чиновника, службы и поэзии!» Десятилетие с 1844 по 1853 гг. – это пора расцвета поэтического творчества Аксакова. В последующие годы жизни им было написано немногим более десяти стихотворений. Его поэзия, по мнению А. Г. Дементьева, осталась явлением 40-х годов, и притом достаточно характерным явлением.

С 16 декабря 1843 г. был при сенаторе князе П. П. Гагарине, ревизовавшем Астраханскую губернию, в качестве младшего чиновника, и по окончании возложенных на него поручений, явился к своей должности 31 декабря 1844 г. По представлению князя П. П. Гагарина об усердии и трудах Аксакова¹ и по удостоверению Комитета Министров 18 июня 1845 г. пожалован в коллежские асессоры.

В печати Аксаков дебютировал в 1845 г. со стихотворением «Христофор Колумб с приятелями» во втором номере журнала «Москвитянин», издаваемого М. П. Погодиным. В этом же году он закончил свое «самое славянофильское» произведение – поэму «Зимняя дорога», посвященную К. С. Аксакову, которая была опубликована отдельным изданием в следующем 1846 г. и зафиксирована библиографами в качестве первой книги Ивана Сергеевича².

12 июля 1845 г. определен товарищем (то есть заместителем) Председателя Калужской палаты уголовного суда, вступил в эту должность 7 сентября 1845 г. и приказом уволен от сей должности с причислением к департаменту Министерства юстиции 12 мая 1847 г. Два года, проведенные Иваном Сергеевичем в Калуге, были очень плодотворны для его стихотворной деятельности – он написал в Калуге более 30 стихотворений. В 1846 и 1847 гг. Аксаков принял участие в славянофильском «Московском литературном и ученом сборнике».

По предписанию министра юстиции исправлял должность обер-секретаря 2-го Отделения 6-го департамента Правительствующего Сената в Москве с 21 мая 1847 г. По такому же предписанию перемещен к исправлению должности обер-секретаря в 1-е отделение 6-го департамента Правительствующего Сената 18 октября 1847 г.

Приказом по гражданскому ведомству, согласно прошению причислен к Министерству внутренних дел 21 сентября 1848 г.; предписаниями министра внутренних дел Л. А. Перовского от 19 и 21 октября 1848 г. ко-

¹ И. С. Аксаковым в рамках астраханской ревизии были подготовлены 11 отчетов: военного штаба; губернаторской (гражданской) канцелярии; губернского правления; дворянской опеки; земского суда; казенной палаты; комиссии народного продовольствия; рыбной экспедиции; строительной комиссии; уголовной палаты; уездного суда.

² Зимняя дорога. (Licentia poetica). Соч. Аксакова. Март. Радонежье. 1845 г. [М.], тип. А. Семена, [1846]. 32 с. Дата из ценз. разрешения. Прил. к изд.: Московский литературный и ученый сборник. 1847.

мандирован в Бессарабскую область: а) для обозрения сельских запасных магазинов, обревизования городских дум и для удостоверения, каким образом делается переселение евреев из мест прилегающих к границам с Австриею и Турциею и б) по особому секретному делу (имеется в виду изучение религиозных сект). Объездив в течение трех месяцев почти всю Бессарабию, возвратился в начале января 1849 г. в Петербург, где представил министру отчет о своем путешествии, или записку о расколе в Бессарабии¹.

18 марта 1849 г. Аксаков был арестован в Петербурге за выраженное в частном письме возмущение арестом Ю. Ф. Самарина и резкие высказывания в адрес петербургской аристократии. Прочитав письменные ответы Аксакова на вопросы III отделения, император Николай I написал замечания, которые препроводил начальнику III отделения А. Ф. Орлову вместе с резолюцией: «Призови, прочти, вразуми, отпусти!»². 22 марта он был освобожден с учреждением за ним негласного надзора полиции.

В апреле 1849 г. Аксаков отправил родителям «небольшую статью, вроде письма», в которой ставил и решал важнейшие теоретические вопросы славянофильства. Сам он придавал ей большое значение и говорил, что в ней заключается вся его вера, все его убеждения³.

В 1849 г. композитор А. А. Алябьев написал романс на слова песни «Жаль мне и грустно, что ты, молодая...» из поэмы Аксакова «Зимняя дорога», который был тогда же опубликован в ежемесячном петербургском музыкальном журнале «Нувеллист».

Известность Аксакову как поэту доставила неоконченная поэма «Бродяга» (1846–1850; отрывки из ч. 1 – «Московский сборник» 1852, целиком ч. 1 – Письма, т. 2, 1888; отрывки из ч. 2 – «Парус», 1859, № 2). «Очерк в стихах», герой которого – крестьянин Алёшка – явился первым в русской литературе опытом народной эпопеи, непосредственно предваряющим поэму Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» как в сюжетном плане, так и ритмически; высоко оценена Н. В. Гоголем, А. С. Хомяковым, Ф. И. Тютчевым и др.

Предписаниями министра внутренних дел от 2 мая 1849 г. и 25 июля 1850 г., командирован в Ярославскую губернию по особым, в том числе и секретным делам – поручение о раскольниках⁴. С мая 1849 г. по апрель

¹ Аксаков И. С. «О бессарабских раскольниках». Копия, исправленная и подписанная автором. (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 46. 12 л.). Также см.: Аксаков, Иван Сергеевич. «Докладная записка... министру внутренних дел о запасных хлебных магазинах в Царанских селениях Бессарабской Области». С предписанием Мин<истерства> вн<утренних> дел от 19 октября 1848 г. за № 2799 (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 42. 8 л.).

² Ответы И. С. Аксакова на вопросы III Отделения см.: И. С. Аксаков Письма к родным. 1844–1849. М., 1988. С. 497–508.

³ Впервые: Аксаков И. С. О служебной деятельности в России. Письмо к чиновнику // Человек. 1993. № 3. С. 70–72.

⁴ Напр., см.: Аксаков И. С. 1) Бумаги, относящиеся к исследованию раскола в Ярославской губернии. Выписки из следствия о раскольниках, переписка и др.; рукою И. С. Аксакова и др. (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 90, 102 л.); 2) «О расколе и об единоверческой церкви в Ярославской губернии». Копия (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 47. 20 л.); 3) Материалы для изучения сектантства и раскола. Письмо о священстве. (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 104. 12 л.); 4) Материалы для его биографии. Официальная переписка о

1851 г. Аксаков находился в Ярославской губернии. Приказом по гражданскому ведомству 20 июля 1849 г. произведен за выслугу лет в надворные советники.

В 1850 г. Аксакову велено было состоять членом в комиссии, бывшей под председательством графа Стенбока, для исследования секты странников. Это исследование, т. е. описание учения, догматов и проч., произведено большей частью самим Аксаковым. В феврале 1851 г. ответил отказом на предложение министра «прекратить авторские труды» (Л. А. Перовскому поступил донос о чтении Аксаковым своей поэмы «Бродяга») и подал в отставку. Уволен от службы, согласно прошению, по домашним обстоятельствам 5 апреля 1851 г.

Третий период. 1850-е годы – весьма насыщенное десятилетие в жизни и творчестве Аксакова, время окончательного становления его политических взглядов. В это время Иван Сергеевич собирал, редактировал и издавал ряд славянофильских изданий: «Московский сборник» (1851–1852), журнал «Русская беседа» (1858–1859), газету «Парус» (1859). В 1853–1854 гг. по поручению Императорского Российского географического общества Аксаков исследует украинские ярмарки. В 1855–1856 гг. служил квартирмейстером и казначеем Серпуховской дружины № 111 Московского ополчения. Во второй половине 1856 г. работал в составе комиссии князя В. И. Васильчикова. В 1857 и 1860 гг. Аксаков совершил два заграничных путешествия по Западной Европе и славянским землям.

Аксаков дебютировал как публицист и редактор в апреле 1852 г. выпуском «Московского сборника», издаваемого на средства А. И. Кошелева. Кошелев готов был обеспечить в 1852 г. издание четырех его томов, что должно было заменить славянофилам журнал, которого им так недоставало. Аксаков написал для сборника статью-некролог «Несколько слов о Гоголе», в которой Н. В. Гоголь был назван «великим писателем» (и это несмотря на запрет печатать статьи о нем и даже упоминать его имя в печати). Помимо этого в сборник вошли отрывки из его «очерка в стихах» «Бродяга»¹.

Во втором томе «Московского сборника» Аксаков намеревался опубликовать две статьи ярославского периода: «Об общественной жизни в губернских городах» и «О замечательном ремесленном устройстве в некоторых селениях Ярославской губернии». Однако в начале 1853 г. на издание был наложен запрет, основным его авторам (братьям К. С. и И. С. Аксаковым, И. В. Киреевскому, А. С. Хомякову, кн. В. А. Черкасскому) впредь позволялось выступать в печати только после рассмотрения их сочинений в Главном управлении цензуры. На практике это оборачивалось невозможностью печататься вообще. Аксаков был лишен права редактировать какие-либо издания. Славянофилы оказались под явным полицейским

раскольников. (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 5. Ед. хр. 6. 62 л.); 5) «Исследования о секте странников в Ярославской губернии». Донесения и пр. (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 48. 39 л.).

¹ См.: Московский сборник. М., 1852. Т. 1. С. VII–XII, 383–427.

надзором. Следующие несколько лет, до окончания «мрачного семилетия», они провели почти в полном молчании.

В 1853 г. Аксаков с удовольствием принял предложение Императорского Русского географического общества описать украинскую ярмарочную торговлю. И в ноябре отправился в Малороссию, где и путешествовал в течение года – до ноября 1854 г. Результатом этого труда явился богатый опыт по наблюдению народной жизни на местах и замечательное в экономическом и статистическом отношении исследование, опубликованное в 1858 г. на средства петербургских купцов¹. Представленный Аксаковым отчет в 1857 г. рецензировал профессор кафедры политической экономии и статистики Киевского университета Н. Х. Бунге, после чего труд удостоили высшей награды Географического общества – Константиновской медали (в честь великого князя Константина Николаевича – председателя общества) и Демидовской премии Академии наук. Экономист и публицист В. П. Безобразов в статье, специально посвященной аксаковскому труду, назвал «Обозрение украинских ярмарок» «важным приобретением для науки»; похвальный отзыв на сочинение Аксакова напечатали И. К. Бабст и Н. А. Добролюбов. Впоследствии П. П. Семенов оценил труд Аксакова как «превосходный», посвятив ему две страницы².

Вернувшись в Москву во время самого разгара войны, Аксаков в феврале 1855 г. добровольно вступил в Серпуховскую дружину Московского ополчения, вместе с дружиной совершил поход до Одессы, а потом в Бессарабию. Штабс-капитан Аксаков был квартирмейстером и казначеем дружины, ведал всем ее хозяйством: провиантом, амуницией, фуражом, оружием.

В марте 1856 г., при первом известии о мире, Аксаков оставил дружину и возвратился в Москву, но в мае того же года был приглашен князем В. И. Васильчиковым принять участие в следственной комиссии, назначенной по делу о злоупотреблениях интендантства во время войны. К комиссии Аксаков был прикомандирован временно, т. к. официальный приказ об отставке его от службы в ополчении был издан только 29 сентября 1856 г. Он отправился в Крым, но, не дождавшись конца комиссии, в декабре 1856 г. возвратился в Москву.

В 1857 г., с марта по октябрь, Аксаков впервые находился за границей и побывал в Польше, Германии, Франции, Италии, Швейцарии, Англии, Австрии и Чехии. В августе в Лондоне встречался с А. И. Герценом. Как вспоминал сам Герцен, они «очень сошлись». До 1863 г. Аксаков был его тайным корреспондентом, и несколько лет они поддерживали переписку.

¹ Аксаков И. С. Исследование о торговле на украинских ярмарках / И. С. Аксаков, д. чл. Имп. Рус. геогр. о-ва. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1858. [10], 384, IV с., с табл. На шмуцтит.: Труды Императорского Русского географического общества.

² Безобразов В. П. Вестник Императорского Русского географического общества. 1857. Кн. II. С. 229; Бабст И. К. [Рец. на кн.: «Исследование о торговле на украинских ярмарках» (1858)] // Атеней. 1858. № 37, 38; Добролюбов Н. А. Современник. 1858. № 10 (Полн. собр. соч.: в 9 т. Т. 3. М.–Л., 1962); Семенов П. П. История полувековой деятельности императорского Русского географического общества 1845–1895. СПб., 1896. Ч. 1. С. 135.

ку. Пьеса Аксакова «Судебные сцены» была опубликована в «Полярной звезде»¹. Это была первая публикация славянофилов в герценовских изданиях. В 1861 г. А. И. Герцен опубликовал еще одно сочинение Аксакова – мистерию «Жизнь чиновника»², которая была написана молодым автором в 1843 г. и отличалась сатирическим изображением русского чиновничества. Такого рода произведение не могло быть издано в России; оно получило распространение в списках, один из которых и попал в Лондон.

О тесном сотрудничестве Аксакова в «Колоколе» А. И. Герцена стало известно лишь после издания «Систематизированной росписи», которая установила авторство статей и заметок корреспондентов журнала «Колокол». Аксаков выступал в «Колоколе» под псевдонимом Касьянов. Его авторству принадлежит 37 статей и заметок обличительного характера³. В своей книге Н. Я. Эйдельман подробно исследует переписку Аксакова с А. И. Герценом, а также историю издания «Судебных сцен» в «Полярной звезде»⁴.

В 1857 г. Аксаков хотел взяться редактировать и издавать газету «Молва» после своего брата К. С. Аксакова, фактически отстраненного от издания цензурой. Однако и он не сумел преодолеть цензурные трудности. Газета так и не увидела света. В 1858 г. Аксаков попытался продолжить свою публицистическую деятельность, добившись снятия запрета на редакторскую деятельность. Также ему разрешили издавать собственную еженедельную газету «Парус». Однако в январе 1859 г. вышло всего два номера, а на третьем газета была запрещена.

С августа 1858 г. (с 4-го номера), по предложению А. И. Кошелева, Аксаков фактически, но неофициально, возглавил славянофильский журнал «Русская беседа». Новый энергичный редактор в 1859 г. выпустил шесть книжек вместо четырех, увеличив количество славянских материалов. В 6-м номере за 1859 г. Аксаков публикует «Заключительное слово», так как А. И. Кошелев решил прекратить издание и в 1860 г., уже без Аксакова, издал последние два тома «Беседы».

10 ноября 1858 г. состоялось 114-е распорядительное заседание Общества любителей российской словесности при Императорском Московском университете, на котором общество пополнилось 17-ю новыми молодыми членами. Среди них – братья К. С. и И. С. Аксаковы, П. А. Бессонов, Н. П. Гиляров-Платонов, М. Н. Катков, М. Н. Лонгинов, А. Н. Островский, О. Ф. Миллер, Ю. Ф. Самарин.

¹ Самые достоверные записки чиновника-очевидца. Присутственный день уголовной палаты. Судебные сцены, изложенные отставным надворным советником, бывшим секретарем Правительствующего Сената, бывшем товарищем председателя Уголовной палаты, бывшим обер-секретарем Правительствующего Сената, бывшим чиновником Министерства внутренних дел // Полярная звезда. Кн. 4. Лондон, 1858. С. 9-106. Также см.: [Аксаков И. С.] Судебные сцены. Отрывок из книги «Самые достоверные записки чиновника очевидца». Лондон: Вольная русская книгопечатня, 1857. 100 с. Автор установлен по изд. «Сводный каталог рус. нелегальной и запрещенной печати XIX в. М., 1971, с. 4. Отд. оттиск из «Полярной звезды». Кн. 4. 1858.

² [Аксаков И. С.] Жизнь чиновника // Русская потаенная литература XIX столетия. Лондон, 1861.

³ Колокол. Систематизированная роспись статей и заметок. М., 1957. С. 412.

⁴ См.: Эйдельман Н. Я. Тайные корреспонденты «Полярной звезды». М., 1966.

С начала 1860 г., в течение 4-х месяцев, Аксаков жил в Германии (в Гейдельберге и Мюнхене), затем несколько месяцев путешествовал по славянским землям и, наконец, сопровождал сначала один, а позже с матерью и двумя сестрами, больного брата Константина, отправленного на лечение виноградом. Однако с 6 на 7 декабря К. С. Аксаков в окружении родных скончался на греческом острове Занте. Аксаковым с телом Константина пришлось совершить скорбный путь домой – до Москвы они добрались уже в самом начале 1861 г.

Четвертый период. С января 1861 по декабрь 1869 г.: зрелое творчество, период славянофильской публицистики и пропаганды наследия «старших» славянофилов: издатель-редактор газет «День» (1861–1865), «Москва» и «Москвич» (1867–1868); в 1866 г. – женитьба на старшей дочери Ф. И. Тютчева – Анне Федоровне Тютчевой.

С 15 октября 1861 г. по субботам начала выходить газета «День». Задачей газеты было формирование славянофильского взгляда на проблемы современной жизни. В первую очередь этому служили передовые статьи «Дня». Как правило, они появлялись без подписи, что подразумевало авторство редактора издания – Аксакова. Если в начале выхода газета имела около 1 тыс. подписчиков, а максимальный ее тираж поднимался до 4 тыс., то в 1865 г. он был несколько более 2 тыс. экземпляров. Сокращение тиража увеличивало убытки, и Аксаков в конце 1865 г. решил прекратить выпуск газеты.

С 16 февраля 1863 г. и до начала 1866 г. Аксаков исполнял обязанности временного председателя Общества любителей российской словесности. В 1865 г., с 13 июня по 26 июля, Аксаков путешествует по России вместе с сестрой Софьей. «Еду я вниз по Волге, вниз по Дону, в Черное море и потом на пароходе же вверх по Днепру в Киев – и в Москву. Не будь это так дорого и имей я больше времени, я бы возвратился Дунаем через Вену» (из письма Аксакова к М. Ф. Раевскому от 11 июня 1865 г.).

12 января 1866 г. у Колычевых-Бодее, в домовый церкви Филиппа Митрополита в доме графини Е.Ф. Соллогуб (ул. Поварская, 52) состоялось венчание Ивана Сергеевича Аксакова и Анны Федоровны Тютчевой. Из письма Ф. И. Тютчева к жене Эрн. Ф. Тютчевой от 12 января: «Когда возложили венцы на головы брачующимся, милейший Аксаков в своем огромном венце, надвинутом прямо на голову, смутно напомнил мне раскрашенные деревянные фигурки, изображающие императора Карла Великого». Сразу же после свадьбы Аксаков увез жену в Абрамцево. Эти месяцы были для четы Аксаковых месяцами сплошного счастья. Между Аксаковыми и Тютчевым, живущим в Петербурге, идет переписка, подтверждающая счастье этого союза.

В 1867–1868 гг. на средства московских купцов и по их предложению Аксаков выпускал и редактировал газеты «Москва» и «Москвич». В отличие от «Дня», это издание возникло на надежной экономической основе. Его учредителями стали крупнейшие купцы Москвы и московского промышленного региона, а инициаторами – Ф. В. Чижов, в то время круп-

ный предприниматель, и видный ученый-экономист И. К. Бабст. За два неполных года, что выходила «Москва» (и «Москвич»), она получила 9 предостережений (из них 8 – за статьи Аксакова) и трижды приостанавливалась. Газета «Москвич», созданная как временная замена «Москвы», в феврале 1868 г. была закрыта (всего вышло 38 номеров). А 7 апреля 1869 г. Государственный совет вынес решение об окончательном закрытии «Москвы».

Изданием в 1860-е гг. двух газет Аксаков сделал себе имя в журналистских кругах. И по праву: у него был журналистский темперамент, острое перо. Резкость и запальчивость его публицистических выступлений делали их притягательными для читателей. Он пропагандировал славянофильские воззрения энергичнее, чем его идеологи. Аксаков, непосредственно вмешиваясь в общественную жизнь, в журналистские схватки, прочно вошел в сознание своих современников.

21 октября 1867 г. А. Ф. Аксакова родила мертвого ребенка. Из письма Аксакова к М. Ф. Раевскому от 22 ноября 1867 г.: «Роды были самые мучительные. Муки продолжались 80 часов и завершились с помощью инструментов. Наконец, родился мальчик, совсем сформированный, 15 вершков, но мертвый, умерший от продолжительности мук».

В июле 1869 г. учредители Московского купеческого общества взаимного кредита занялись выборами должностных лиц в Правление и Совет. Избранными в члены Правления оказались: Ф. В. Чижов, А. В. Штром, И. С. Аксаков, П. Д. Сырейщиков и А. П. Щербачев. Аксаков состоял членом Правления общества до 1877 г., а потом до своей кончины являлся его председателем. Это давало ему доход первоначально 3 тыс. руб., а позже – более 10 тыс. руб. Одновременно он являлся акционером ряда крупных железнодорожных компаний.

12 сентября 1869 г. скончалась сестра Аксакова – Надежда Сергеевна (1829–1869). Из всего большого семейства Аксаковых к этому времени осталось только пятеро: маменька и ее дети – Григорий, Иван, Мария и София.

Пятый период. С января 1870 по декабрь 1879 г.: переход от зрелого творчества к позднему творчеству – период активной общественной деятельности (председатель Общества любителей российской словесности; председатель Московского славянского благотворительного комитета (общества); гласный Московской городской думы; председатель совета правления Московского купеческого общества взаимного кредита); публикация биографии Ф. И. Тютчева; речи в Московском славянском благотворительном комитете (обществе)¹; усиление панславистских и консервативных тенденций.

С 3 января 1872 г. по 9 ноября 1874 г. Аксаков – председатель Общества любителей российской словесности при Императорском Московском университете. 25 февраля 1873 г. на 287-м публичном заседании Общества

¹ Подр. см.: Аксаков И. С. Собрание сочинений: В 12 т. Т. 1: Славянский вопрос. Кн. 1, 2 / Изд. подгот. А. П. Дмитриев и Д. А. Федоров. СПб.: Росток, 2015. С. 303–382.

Аксаков произнес «Речь о А. Ф. Гильфердинге, В. И. Дале и К. И. Невоструеве», где дал оценку деятельности трех ученых, их вклада в развитие науки. 20 января 1874 г. на 289-м публичном заседании Общества Аксаков сделал предварительное сообщение «Воспоминания о покойном действительном члене Общества Ф. И. Тютчеве и очерк поэтической его деятельности».

Лишившись собственного печатного органа, Аксаков в 1870-е годы неохотно пользовался страницами чужих изданий. Так, в апреле 1871 г. на страницах журнала «Заря» он опубликовал «Судебные сцены, или Присутственный день Уголовной палаты». После кончины в 1873 г. тестя, Аксаков написал свой главный историко-литературный труд – «Биографию Федора Ивановича Тютчева»¹, в котором подробно (с привлечением материалов семейного архива) восстанавливал судьбу поэта. В этой работе Аксаков впервые обратил внимание на ряд статей Ф. И. Тютчева, посвященных судьбе России и ее роли в европейской истории.

У Ф. И. Тютчева, а еще более у Н. Я. Данилевского (чья книга «Россия и Европа» была опубликована в 1869 г. в журнале «Заря») Аксаков увидел ряд воззрений, укрепивших его на почве панславизма. Идея политического объединения всех славян не была свойственна славянофилам в 1840–50-х гг. У самого Аксакова она стала вызревать лишь на рубеже 1860–70-х гг. и получила развитие в его дальнейшем творчестве.

Сведения о себе Аксаков давал крайне неохотно. Так, на просьбу А. С. Суворина прислать биографические данные, он писал: «Вы задали мне пренеприятную задачу. До сих пор я отказывал всем в автобиографических сведениях, ненавидя автобиографии и считая для публики совершенно излишним знать обо мне более того, что известно из моих изданий и моей публичной деятельности»². Но, боясь кривотолков в изложении своей биографии, все-таки послал Суворину предельно краткую информацию. Она была напечатана в «Русском календаре» за 1873 г. – год 50-летия Аксакова.

Летом 1875 г. в Боснии и Герцеговине вспыхнуло антитурецкое движение. Восставшие встретили сочувствие в Сербии и Черногории. Аксаков попытался возбудить общественное мнение, организовав отправку к восставшим русского отряда во главе с генералом М. Г. Черняевым.

По данным Аксакова, за 14 месяцев – с сентября 1875 г. по октябрь 1876 г. – только в Московский славянский благотворительный комитет поступило пожертвований в сумме 742 328 руб. 73 коп. Петербургский отдел славянского комитета за этот же период собрал 800 тыс. руб. Общую сумму пожертвований Аксаков определил за этот период в сумме свыше 3 млн. руб. В этой связи приведем письмо ученика Уфимской гимназии К. Преображенского к Аксакову от 27 ноября 1875 г. с препровождением собранных гимназистами денег для семей герцеговинских повстанцев:

¹ Федор Иванович Тютчев: (Биографический очерк) / [Соч.] И. С. Аксакова. С гравированным портретом Тютчева. М.: тип. В. Готье, 1874. 408 стлб. (Русский архив. 1874. Кн. 10).

² Письмо от 15 августа 1872 г. // Письма русских писателей к А. С. Суворину. Л., 1927. С. 3.

«Милостивый государь Иван Сергеевич! Имею честь передать вам деньги – 13 рублей, пожертвованные моими соучениками в пользу наших братьев герцеговинцев. Ваш покорный слуга ученик VI класса Уфимской гимназии К. Преображенский»¹.

После смерти М. П. Погодина (8 декабря 1875 г.) Аксакова избрали председателем Московского славянского благотворительного комитета, активным членом которого он был с самого его основания в 1858 г. Под руководством Аксакова комитет играл ведущую роль в организации действий других славянских комитетов страны. Здесь Аксаков достиг своего высшего значения, и без преувеличения можно сказать, что в годы кризиса славянского и восточного вопроса (1875–1878) вся Россия и Европа следили за пламенными речами отставного надворного советника. Осенью 1876 г. было принято решение о создании Болгарского ополчения. Московскому славянскому комитету и особенно его председателю Аксакову принадлежит несомненная заслуга в деле формирования болгарского ополчения².

12 апреля 1877 г. Манифестом Александра II объявлена Русско-турецкая война, которая стала кульминацией Восточного кризиса. Значительную роль в возбуждении русского общественного мнения, в оказании помощи южным славянам (сбор пожертвований, покупка оружия, посылка добровольцев) сыграли Славянские комитеты и особенно Московский славянский комитет, во главе которого стоял Аксаков.

Речь Аксакова 22 июня 1878 г. стала высшей точкой его публицистической деятельности, принесла ему международную известность, признание всех славянских народов, страдавших от турецкого и австрийского гнета. Впечатление от речи Аксакова в Западной Европе было столь велико, что именно она послужила толчком к созданию мифа о том, что Восточный кризис 1875–1878 гг. был «делом рук» Аксакова и руководимых им Славянских комитетов³. За эту речь Аксаков в 1878 г. был подвергнут ссылке в имение сестры его жены, фрейлины Е. Ф. Тютчевой, расположенном в Варварино Юрьевского уезда Владимирской губернии.

¹ ГАРФ. Ф. 1750. Оп. I. Д. 268. Л. 187. Автограф. Цит. по: Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. 1875–1878. Документы. М.: «Индрик», 2008. С. 183.

² См., напр., документы за 1876–1877 гг., сохранившиеся в фонде И. С. Аксакова Отдела рукописей Российской национальной библиотеки: Московский Славянский Благотворительный Комитет. Дело о покупке и доставке оружия для болгарских дружин (РНБ. Ф. 14. № 440. 324 л.); Московский Славянский Благотворительный Комитет. Денежные документы к отчету по покупке, доставке и хранению оружия для болгарских дружин. I (РНБ. Ф. 14. № 446. 51 л.); Московский Славянский Благотворительный Комитет. Денежные документы к отчету об обмундировании и снаряжении первых шести дружин болгарского ополчения. II (РНБ. Ф. 14. № 447. 56 л.); Московский Славянский Благотворительный Комитет. Документы и различные записи, относящиеся к отправке на Балканский полуостров военного снаряжения и различных вещей пожертвований (РНБ. Ф. 14. № 449. 94 л.); Московское Славянское Благотворительное Общество. Дело о снаряжении болгарских дружин (РНБ. Ф. 14. № 442. 123 л.).

³ Речь И. С. Аксакова, произнесенная 22-го июня 1878 г., в Московском славянском благотворительном обществе. Berlin: V. Behr (E. Bock), 1878. 24 с. Также см.: Адо В. И. Выступление И. С. Аксакова против Берлинского конгресса 1878 г. и отклики на него в России и Болгарии // История СССР. 1962. № 6. С. 125–139.

Консервативный характер воззрений Аксакова ясно выявился в 1879–1881 гг., когда под впечатлением роста революционного движения, в обстановке демократического подъема и связанной с ним поляризации общественных сил он открыто встал в ряды сторонников самодержавия и твердо отстаивал свои убеждения.

Шестой период. С января 1880 по 27 января 1886 г.: период позднего творчества – издатель-редактор газеты «Русь»; основан на сочетании славянофильских, панславистских и консервативных взглядов.

С 15 ноября 1880 г. выходит еженедельная газета «Русь». Аксаков не ставил перед «Русью» коммерческих задач. Она должна была представлять мировоззрение и позицию ее редактора. В начале издания Аксаков считал целью «Руси» оказать влияния на высшую власть, но с переменой политической ситуации в 1882 году он назвал целью воздействие на сознание общества. Основные политические идеи, которые выдвигал Аксаков, – создание Земского собора и развитие земского самоуправления. Важнейшей целью, которой осознанно служил Аксаков и которой были подчинены иные, частные задачи, являлась борьба с грядущей революцией. Аксаков, как очень немногие его современники (в их число не входят даже Л. Н. Толстой и В. С. Соловьев), почувствовал и осознал угрозу будущей революционной катастрофы¹.

В 1881 г., собрав свои передовые статьи для «Руси» за первые полгода, Аксаков намеревался издать их в качестве сборника под названием «Взгляд назад». Но цензура, увидев в нем проект глубокого изменения государственного строя, запретила его.

1 марта 1881 г. в Петербурге на набережной Екатерининского канала по приговору исполнительного комитета «Народной воли» был смертельно ранен Александр II. Через три недели, 22 марта, Аксаков произнес речь в Петербургском Славянском комитете, в которой снова обращал внимание слушателей на уникальность русского народа, отличие России от стран Западной Европы, бесполезность и вредность западноевропейских конституций, выражал восхищение Земскими соборами допетровских времен и обращался с призывом к обновлению союза Царя с народом.

Попытка созыва Земского собора 1882 г. часто связывается в литературе с именем Н. П. Игнатьева, однако вдохновителем этого предприятия был, без сомнения, И. С. Аксаков, что доказывает переписка последнего с единомышленниками и самим министром внутренних дел. Для того чтобы воплотить свои идеи в жизнь, Аксаков рекомендовал Игнатьеву специалиста по истории Земских соборов П. Д. Голохвастова, задачей которого было разработать проект собора и манифест, объявляющий о нем.

К 1883 г. политическая актуальность публицистики Аксакова заметно снижается, его политическая программа теряет четкость. В 1883 г.

¹ См.: Бадалян Д. А. И. С. Аксаков и газета «Русь» в общественной жизни России: дис. ... канд. ист. наук. СПб.: Санкт-Петербургский институт истории РАН, 2010. С. 266; Бадалян Д. А. «Колокол призывный»: Иван Аксаков в русской журналистике конца 1870-х – первой половины 1880-х годов. СПб.: ООО «Издательство «Росток», 2016. С. 316.

«Русь» изменила структуру и начала выходить в журнальном формате раз в две недели, однако через два года, увеличив формат, снова стала еженедельником. Газета выходила весьма умеренным тиражом. Так, в марте 1884 г. он составлял 2300 экземпляров.

9 февраля 1885 г. на первой странице газеты «Русь» № 6 было помещено объявление о приостановке издания в связи с болезнью И. С. Аксакова. Утомленный душевно и физически, Аксаков приостановил свое издание и провел вместе с женой несколько месяцев в Крыму. Он отдохнул там, но не излечился. У него была болезнь сердца. Издание возобновилось 17 августа 1885 г.

С осени 1885 г. Аксаковы снимали квартиру на территории большой городской усадьбы на углу Волхонки, 14 и Малого Знаменского переулков, принадлежавшей гвардейскому полковнику князю С. М. Голицыну. Это было последнее московское пристанище Ивана Сергеевича. В настоящее время здесь располагается Институт философии Российской академии наук. 29 июня 2004 г. на фасаде этого дома Аксакову, а также Б. Н. Чичерину, который также жил здесь, были торжественно открыты две мемориальные доски.

В ноябре 1885 г. «Русь» получила первое и, как оказалось, последнее предостережение от министра внутренних дел за неуважение к правительству и за тон, «несовместимый с истинным патриотизмом». Формулировка распоряжения министра внутренних дел от 26 ноября 1885 г. больно задела Аксакова, и он посвятил всю передовую следующего номера (Москва, 6 декабря) размышлениям о сущности «истинного патриотизма».

Для Аксакова это было последнее столкновение с властями – 27 января 1886 г. он скончался. За день до кончины в письме Г. П. Галагану Аксаков писал: «Как трудно живется на Руси!.. Есть какой-то нравственный гнет, какое-то чувство нравственного измора, которое мешает жить, которое не дает установиться гармонии духа и тела, внутреннего и внешнего существования. Фальшь и пошлость нашей общественной атмосферы, и чувство безнадежности, беспроглядности давят нас». Аксаков до конца дней оставался ярким, темпераментным публицистом и энергичным редактором.

Хоронили Аксакова 31 января 1886 г. На его похоронах было громадное скопление народа. Отклики на кончину Аксакова составили целый сборник: в газетах было помещено множество статей, заметок и некрологов. С Аксаковым уходила в прошлое целая эпоха – эпоха напряженной полемики, публичных диспутов, столкновений между западниками и славянофилами. Даже люди, не разделявшие убеждений Аксакова, принадлежавшие к другим течениям общественной мысли, не могли не признать его заслуг, его влияния на русскую общественность. Аксакова похоронили как прямого продолжателя дела Сергея Радонежского в знаменитой Троице-Сергиевой Лавре – за алтарем Успенского собора с северной стороны.

Становление и развитие иванаксаковедения. Публицистические статьи Аксакова были впервые собраны и изданы сразу же после его смерти вдовой писателя А. Ф. Аксаковой¹. Вышедшее в 1886–1887 гг. собрание сочинений Аксакова в семи томах не было полным – в нем не были опубликованы поэтическое и эпистолярное наследие Аксакова. В 1886 г. А. Ф. Аксаковой дважды были опубликованы стихотворения Аксакова², в том же году была переиздана биография Ф. И. Тютчева³.

В 1888 г. были впервые изданы записки о бессарабских и ярославских раскольниках⁴. Тогда же вышли первые два тома писем Аксакова родным, подготовленные А. Ф. Аксаковой⁵. Письма, изданные А. Ф. Аксаковой, не были прокомментированы, но обычно циклу писем предшествовали небольшие заметки биографического характера, иногда пояснения были даны в конце цикла писем. В сносках к очень небольшому числу писем были даны выдержки из ответных писем С. Т. Аксакова и К. С. Аксакова.

Издание писем родным после смерти А. Ф. Аксаковой 11 августа 1889 г. было продолжено племянницей Аксакова О. Г. Аксаковой (1848–1921), выпустившей в 1892 г. третий том⁶. Прежние принципы издания были сохранены – письма определенного периода сопровождались краткими пояснениями, написанными Ольгой Григорьевной. В состав третьего тома вошли приложения: стихотворения Аксакова, судебные сцены «Присутственный день в уголовной палате», отрывки из дневников Аксакова, статья «Несколько слов об общественной жизни в губернских городах», программа «Московского сборника» 1852 г. Но в отличие от предыдущих

¹ Аксаков И. С. Собрание сочинений: Т. 1–7. М.: Типография М. Г. Волчанинова, 1886–1887. Всего в семитомнике была издана 631 публикация – главным образом, конечно, передовые статьи. Позже три тома из этого собрания были переизданы, см.: Аксаков И. С. Сочинения. 2 изд. Т. 2, 3, 4. СПб.: тип. А. С. Суворина, 1891, 1900, 1903.

² Сборник стихотворений И. С. Аксакова († 27-го янв., 1886 г.). С портр. авт. / [Предисл.: От А. Ф. Аксаковой]. М.: тип. Т. И. Гаген, 1886. [8], 176, IV с., 1 л. портр. На тит. л.: Москва, 1886 г., марта 7-го дня. Прил. к № 33-му газ. Русь»; Сборник стихотворений И. С. Аксакова († 27-го янв. 1886 г.). С портр. авт. 2-е изд., без перемен. М.: тип. М. Г. Волчанинова (б. М. Н. Лаврова и К°), 1886. [4], 180 с., 1 л. портр. Также см.: Иван Сергеевич Аксаков, неизданные его стихотворения: 1841–1844: Астрахань / Сообщ. барон Ф. А. Бюлер. [СПб.]: тип. В. С. Балашева, ценз. 1886. 16 с. На тит. л.: Умер 27 янв. 1886 г.

³ Аксаков И. С. Биография Федора Ивановича Тютчева. М.: тип. М. Г. Волчанинова (б. М. Н. Лаврова и К°), 1886. 327 с., 1 л. фронт. (портр.).

⁴ Записка «О бессарабских раскольниках» // Русский архив. 1888. № 3. С. 434–451; Записка «О ярославских раскольниках» // Труды Рязанской ученой археографической комиссии за 1888 год. Рязань, 1889. Вып. 3. С. 80–84. Ранее на эту тему было опубликовано извлечение из служебного донесения, поданного Аксаковым министру внутренних дел Л. А. Перовскому: Краткая записка о странниках или бегунах // Русский архив. 1866. № 4. С. 627–644. Еще одна записка Аксакова о расколе была впервые опубликована в собрании сочинений: О расколе и об единоверческой церкви в Ярославской губернии // Аксаков И. С. Соч. в 7 т. Т. 7. М., 1887. С. 848–864.

⁵ И. С. Аксаков в его письмах. Часть первая. Учебные и служебные годы. М., 1888. Т. I. Письма 1839–1848 гг. [2], 466, 100, [1] с., 1 л. портр.; И. С. Аксаков в его письмах. Часть первая. Учебные и служебные годы. М., 1888. Т. II. Письма 1848–1851 гг. [4], 409, [1], 56 с.

⁶ И. С. Аксаков в его письмах. Часть первая. Учебные и служебные годы. М., 1892. Т. III. Письма 1851–1860 гг. [4], XXIV, 514, 166 с., [1] л. портр.

томов в 3-м томе были помещены письма не только родным: А. И. Кошелеву, Д. А. Оболенскому, Е. И. Елагиной. Как и в первых томах, в письмах третьего тома были сделаны купюры. Небольшую помощь оказал О. Г. Аксаковой С. И. Пономарев, которым был составлен указатель «лиц, мест и предметов» к трем томам и список дополнений и опечаток.

Последний, четвертый том писем – не родным, а разным лицам – в 10-летнюю годовщину кончины Аксакова издала Императорская Публичная библиотека в Петербурге (к которой перешли права собственности на сочинения Аксакова) во главе с академиком А. Ф. Бычковым¹. В 1894 г. были опубликованы письма отца и братьев Аксаковых писателю И. С. Тургеневу².

В конце XIX – начале XX в. О. Г. Аксакова продолжала печатать материалы из аксаковского архива: в журнал «Русское обозрение» передала письма Аксакова к Н. С. Соханской (псевдоним – Кохановская), опубликованные в 1897 г., в журнал «Голос минувшего» – переписку разных лиц (А. Ф. Гильфердинга, А. И. Кошелева, П. А. Кулаковского, М. Г. Черняева) с Аксаковым, которая была напечатана в 1915–1918 гг. До 1917 г. были изданы еще две статьи Аксакова, в свое время предназначавшиеся для публикации в газетах «Парус» и «Молва»³.

Первым научным изданием стихотворений Аксакова стал сборник, подготовленный А. Г. Дементьевым и Е. А. Колмановским и вышедший в Большой серии «Библиотеки поэта»⁴. Впервые литературная критика Аксакова была собрана в сборнике 1981 г., еще несколько статей Аксакова вошли в сборник, подготовленный и изданный в 1986 г. М. А. Чвановым⁵.

Первое научное издание 477 писем Аксакова родным, подготовленное Т. Ф. Пирожковой, вышло в свет в 1988, 1994 гг. в серии «Литературные памятники»⁶. В этом издании были восстановлены купюры, опубликованы новые, не печатавшиеся раньше письма (17 в издании 1988 г. и 45 в

¹ И. С. Аксаков в его письмах. Часть вторая. Письма к разным лицам. СПб., 1896. Т. IV. Письма 1858–1886 гг. IV, [2], 297, 31, [2] с., [4] л. факс.

² Письма И. С., К. С. и С. Т. Аксаковых к И. С. Тургеневу. С введением и историко-литературными комментариями Л. Н. Майкова. М.: Унив. тип., 1894. 152 с.

³ Статья, предназначавшаяся к помещению в третьем номере газеты «Парус» // Литературный вестник. Издание русского библиологического общества. Т. VII. Кн. 3. 1904. С. 4–8; Хроника «Новый год» // Русский Библиофил. 1916. № 5. С. 68–71. (Статья предназначалась для № 1 «Молвы» за 1858 г.).

⁴ Аксаков И. С. Стихотворения и поэмы / общ. ред. А. Г. Дементьева; вступ. ст. А. Г. Дементьева и Е. С. Колмановского, с. 5–30; подг. текста и примеч. Е. С. Колмановского. Л.: Советский писатель, 1960. 298 с.

⁵ Аксаков И. С., Аксаков К. С. Литературная критика / Сост., вступит. статья и комментарий А. С. Курилова. М.: Современник, 1981. 383 с.; Аксаков И. С. «И слово правды...» Стихи, пьесы, статьи, очерки. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1986. 316 с.

⁶ И. С. Аксаков. Письма к родным. 1844–1849. М.: Наука, 1988. 704 с., [9] л.; И. С. Аксаков. Письма к родным. 1849–1856. М.: Наука, 1994. 654 с., [8] л.

издании 1994 г.), дан научный аппарат. В 1990-е гг., помимо писем родным, увидели свет еще две книги Аксакова¹.

В начале XXI в. выходят из печати два сборника публицистики Аксакова². Последнее издание знакомит читателя с историософской публицистикой Аксакова, его журнальной и газетной полемикой в защиту основ народной жизни, по проблемам земского самоуправления, по крестьянскому вопросу, свободе слова, народному образованию и многим другим проблемам жизни пореформенной России. В книгу включены статьи, ранее вошедшие в Собрание сочинений, некоторые письма и вновь найденные архивные материалы. В частности напечатан черновой автограф статьи Аксакова, которая при его жизни не публиковалась, не входила в сочинения и сборники, выпущенные уже после его смерти³.

В 2003–2004 гг. были переизданы письма И. С. Аксакова, опубликованные в 4-х книгах в 1888–1896 гг.⁴ В 2006–2010 гг. вышли в свет еще четыре сборника, в которые вошли как избранные аксаковские статьи, так и его художественные произведения⁵.

В 2007 г. впервые в полном объеме была опубликована переписка Аксакова с Н. Н. Страховым⁶, в 2016 г. – переписка Аксакова с Ю. Ф. Самаринным⁷.

Таким образом, в целом за последние тридцать шесть лет в советской и постсоветской России (а также в Белоруссии) увидело свет 15 книг И. С. Аксакова (две из них в соавторстве с братом Константином Сергее-

¹ Аксаков И. С. Письма из провинции. Присутственный день в уголовной палате. М.: Правда, 1991. 543 с.; Аксаков И. С. Биография Федора Ивановича Тютчева. Репр. воспр. изд. 1886 г. М.: АО «Кн. и бизнес», 1997. 327 с. Последняя книга сопровождалась научным комментарием: Иван Сергеевич Аксаков и его «Биография Федора Ивановича Тютчева»: Комментарий / [Науч. ред., авт. сопровод. ст., с. 5–43, В. Н. Касаткина; Авт. сопровод. ст. и коммент., сост. указ. и альбома ил. Г. В. Чагин]. М.: АО «Кн. и бизнес», 1997. 175 с.

² Аксаков И. С. Еврейский вопрос: Ст. из газет «День», «Москва» и «Русь»: 1862–1883 гг. М.: Социздат, 2001. 156 с.; Аксаков И. С. Отчего так нелегко живется в России? / сост., вступ. ст., примеч. В. Н. Грекова. М.: РОССПЭН, 2002. 1007 с.

³ [Самодержавие не есть религиозная истина] (1869 г.) // Аксаков И. С. Отчего так нелегко живется в России? М., 2002. С. 897–900. Название дано по начальным словам рукописи.

⁴ И. С. Аксаков в его письмах: Эпистолярный дневник 1838–1886 гг. с предисл., коммент. и воспоминаниями А. Ф. Аксаковой: в 3 т. / Сост., подгот. текста, примеч., указ. имен Т. Ф. Прокопова. М.: Русская книга, 2003–2004.

⁵ Аксаков И. С. У России одна-единственная столица...: Стихотворения и поэма. Пьеса. Статьи, очерки, речи. Письма. Из воспоминаний и мнений об И. С. Аксакове. Венок И. С. Аксакову. Москва И. С. Аксакова (путеводитель) / Сост., вступ. ст., путеводитель, примеч. Г. В. Чагина. М.: Русский мир, 2006; Аксаков И. С. Наше знамя – русская народность / Сост. и коммент. С. Лебедева. М.: Ин-т рус. цивилизации, 2008; Аксаков И. С. О державности и вере. Минск: Белорус. правосл. церковь, 2010; Аксаков К. С., Аксаков И. С. Избранные труды / сост., авт. вступ. ст. и коммент. А. А. Ширинянц, А. В. Мырикова, Е. Б. Фурсова. М.: РОССПЭН, 2010.

⁶ И. С. Аксаков – Н. Н. Страхов. Переписка / Сост. М. И. Щербакова. <Оттава>, 2007.

⁷ Переписка И. С. Аксакова и Ю. Ф. Самарина (1848–1876) / подгот. изд. Т. Ф. Пирожковой, О. Л. Фетисенко и В. Ю. Шведова; вступ. ст. Т. Ф. Пирожковой; подготовка текстов Т. Ф. Пирожковой и О. Л. Фетисенко; примеч. Т. Ф. Пирожковой и В. Ю. Шведова. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2016. 712 с.: [16] с. ил.

вичем и две переписки – с Н. Н. Страховым и Ю. Ф. Самариным), а в 2015 г. издан первый том (в двух книгах) его нового 12-томного Собрания сочинений¹.

На сегодняшний день нашему герою посвящены шесть монографических исследований и «опыт подробного биографического очерка»².

Начиная с 1972 г. о деятельности, трудах и взглядах И. С. Аксакова защищены 12 кандидатских диссертаций: 5 на соискание ученой степени кандидата филологических наук, 5 – исторических наук, 1 – политических наук и 1 – философских наук³.

¹ Аксаков И. С. Собрание сочинений: в 12 т. Т. 1: Славянский вопрос. Кн. 1, 2 / Изд. подгот. А. П. Дмитриев и Д. А. Федоров; Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Центр по изучению традиционалистских направлений в русской литературе Нового времени. СПб.: Росток, 2015. 639, 768 с.

² 1) Lukashevich S. Ivan Aksakov (1823–1886). A Study in Russian Thought and Politics. Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press, 1965. 191 p., [1] l. portr. (Harvard Hist. Monogr.; 57); 2) Китаев В. А. Из истории идейной борьбы в России в период первой революционной ситуации: (И. С. Аксаков в общественном движении начала 60-х гг. XIX в.). Горький: Горьк. гос. ун-т, 1974. 72 с.; 3) Цимбаев Н. И. И. С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. 264 с.; 4) Фурсова Е. Б. И. С. Аксаков: апология народности и самодержавия / под ред. С. В. Перевезенцева. М.: Изд-во «Социально-политическая мысль», 2006. 244 с.; 5) Порох В. И. И. С. Аксаков в борьбе за свободу слова и печати. Саратов: Изд-во ФГБОУ ВПО «Саратовская гос. юридическая акад.», 2014. 177, [2] с.; 6) Бадалян Д. А. «Колокол призывный»: Иван Аксаков в русской журналистике конца 1870-х – первой половины 1880-х годов. СПб.: Росток, 2016. 360 с.; 7) Тесля А. А. «Последний из „отцов“»: биография Ивана Аксакова. СПб.: «Владимир Даль», 2015. 799 с.

³ 1) Цимбаев Н. И. И. С. Аксаков в общественной жизни России 1860-х годов: дис. <...> канд. ист. наук / Моск. гос. ун-т. М., 1972; 2) Порох В. И. Общественно-политическая и литературно-издательская деятельность И. С. Аксакова в годы первой революционной ситуации: дис. <...> канд. ист. наук / Рост. гос. ун-т. Ростов н/Д, 1974; 3) Греков В. Н. И. С. Аксаков – журналист, 40-60-е годы XIX века: дис. <...> канд. филол. наук / Моск. гос. ун-т. М., 1988; 4) Вихрова Н. Н. И. С. Аксаков и «Пушкинский вопрос» в русской литературе: дис. <...> канд. филол. наук / Новгород. гос. ун-т. В. Новгород, 1999; 5) Валитов А. Р. Федор Тютчев и Иван Аксаков: Поэт и его биограф: дис. <...> канд. филол. наук / Яросл. гос. пед. ун-т. Ярославль, 2002; 6) Фурсова Е. Б. Политические принципы консерватизма в творчестве И. С. Аксакова (1823–1886): дис. <...> канд. полит. наук / Моск. гос. ун-т. М., 2006; 7) Бадалян Д. А. И. С. Аксаков и газета «Русь» в общественной жизни России: дис. <...> канд. ист. наук / С.-Петерб. ин-т истории РАН. СПб., 2010; 8) Сташневa М. А. Социально-политическая программа газеты И. С. Аксакова «Русь» (1880–1886 гг.): дис. <...> канд. ист. наук / Нижегород. гос. архит.-строит. ун-т. Н. Новгород, 2011; 9) Кунильский Д. А. Ф. М. Достоевский и братья К. С. и И. С. Аксаковы: Проблема восприятия русской литературы: дис. <...> канд. филол. наук / Петрозавод. гос. ун-т. Петрозаводск, 2011; 10) Атякшев М. В. Идея христианской общественности в позднем славянофильстве: И. С. Аксаков, Н. Н. Страхов, П. Е. Астафьев, Л. А. Тихомиров: дис. <...> канд. филос. наук / Российский гос. гуманитар. ун-т. М., 2013; 11) Ожерельев К. А. Художественная картина мира в лирике К. С. Аксакова и И. С. Аксакова: дис. <...> канд. филол. наук / Омский гос. ун-т. Омск, 2014; 12) Степченко В. А. Отражение в творчестве Аксаковых 1830–1880-х гг. трансформации помещичьего хозяйства России: дис. <...> канд. ист. наук / Омский гос. ун-т путей сообщения. Омск, 2014.

ГЛАВА 1. ДЕТСТВО, ОТРОЧЕСТВО И ЮНОСТЬ И. С. АКСАКОВА (1823–1842)

1.1. Домашнее воспитание в семье: первые пятнадцать лет жизни

«...родился в Оренбургской губернии Белебеевского уезда в селе Надёжине (Куроедово тож) 1823 года сентября 26-го. На третий год он был привезен в Москву, где воспитывался дома до 1838 года»¹.

И. С. Аксаков

Детство И. С. Аксакова (1823–1833). К моменту рождения Ивана у Сергея Тимофеевича и Ольги Семеновны Аксаковых было два сына и две дочери: Константин, Вера, Григорий и Ольга². Родители и старшие братья и сестры, особенно Константин, оказали важнейшее влияние на становление личности Ивана. Через год, 18 сентября 1824 г. в Надеждино у Ольги Семеновны родилась двойня – Михаил и Федор, однако Федор вскоре умер от скарлатины³.

Летом 1826 г. сгорел большой усадебный дом Аксаковых. В настоящее время усадебный дом Аксаковых в Надеждино восстановлен и в нем располагается Музей семьи Аксаковых.

И. С. Аксаков в вводном очерке посвященном брату Константину пишет: «Деревня надоела окончательно Сергею Тимофеевичу, дети подрастали, их надо было учить, в Москве можно было искать должность, и в августе 1826 года Сергей Тимофеевич простился с деревней – и навсегда. <...> В сентябре 1826 года Сергей Тимофеевич, вместе с женою и шестью детьми (из которых 4 сына), приехал в Москву, где скоро получил место цензора по покровительству А. С. Шишкова, тогдашнего министра народного просвещения»⁴.

По приезду в Москву Аксаковы поселились в доме А. А. Кавелина – друга С. Т. Аксакова еще по Петербургу⁵. А позже, как уточняет С. Т. Аксаков: «Я нанял себе большой дом на Остоженке, и мало-помалу начала устраиваться моя городская жизнь»⁶. Своего дома у Аксаковых не было, а чужой снимался только на зимние месяцы. Выезжая весною на дачу, Аксаковы, чтобы не платить лишнее, оставляли дом, а по возвращении снимали новый. Исследователи насчитывают более двадцати московских адресов Аксаковых (дом за Мясницкими воротами, большой дом на Остоженке,

¹ Аксаков И. С. Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель, 1960. С. 31.

² См.: Кулешов А. С., Наумов О. Н. Аксаковы: поколенная роспись. М.: Территория, 2009; Летопись жизни и творчества С. Т. Аксакова / сост. В. В. Борисова, Е. П. Никитина. Уфа: Изд-во БГПУ, 2010.

³ Кошелев В. А. Сто лет семьи Аксаковых. Бирск: Бирск. гос. пед. ин-т, 2005. С. 49.

⁴ И. С. Аксаков в его письмах: Эпистолярный дневник 1838–1886 гг. ... Т. I. Письма 1844–1849 гг. М., 2003. С. 16.

⁵ Манн Ю. В. Семья Аксаковых: историко-литературный очерк. М.: Дет. лит., 1992. С. 108, 109.

⁶ Аксаков С. Т. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. М., 1956. С. 68.

дом Побойнина, дом в Чудовом переулке, дом Штюрмера на Сенном рынке и др.)¹.

И. С. Аксаков следующим образом писал об отце: «Дом его был открыт для всех друзей и знакомых. Театр, участие в издании “Московского вестника” Погодина, служба, карты и клуб охватили Сергея Тимофеевича. По экспансивности его вся семья принимала участие в его интересах. <...> Константин Сергеевич между тем, с одной стороны, принимал живое участие во всех интересах отца (вообще у Сергея Тимофеевича дети не были отдаляемы от родителей; гости принимались всею семьею), с другой стороны, учился у Венелина латинскому языку, у Долгометьева греческому языку, у Фролова географии. Он много читал и в особенности любил чтение русской истории»².

С лета 1829 по 1833 г. С. Т. Аксаков по адресу Большой Афанасьевский переулок, 12 снимал дом с мезонином в три окна, принадлежавшей вдове коллежского секретаря Т. Д. Слепцовой и находившийся с правой стороны, ближе к Гагаринскому переулку. Этот дом сохранился до наших дней. Здесь проходили знаменитые «аксаковские субботы». В этом доме, как вспоминал И. С. Аксаков, они часто играли в детские игры, и одной из самых любимых была придуманная братом Константином игра в кораблики³.

Уже с конца 1820-х годов семья С. Т. Аксакова славилась в Москве как пример крепкого, проникнутого единым духом союза старших и младших⁴. В Москве в семье Аксаковых появлялись на свет 5 дочерей: 14.09.1829 г. – Надежда и Анна (последняя умерла в том же году)⁵, 26.11.1830 г. – Любовь⁶, 4.10.1831 г. – Мария⁷, 9.04.1834 г. – последний ребенок в семье Аксаковых – Софья⁸. Таким образом, к 1835 г. в семье Аксаковых было десять детей. В письме С. Т. Аксакова к К. А. Трутовскому и его жене Софье (родной племяннице Ольги Семеновны) от 29 мая 1853 г. читаем: «у меня было 14 человек детей», это – Константин, Мария, Вера, Григорий, Ольга, Николай, Иван, Михаил, Федор, Надежда, Анна, Любовь, Мария, Софья; четверо из них – Мария, Николай, Федор и Анна – умерли в младенчестве.

И. С. Аксаков вспоминал: «Будучи старшим в многочисленной семье, Константин Сергеевич, конечно, давал направление всем своим бра-

¹ Манн Ю. В. Семья Аксаковых: историко-литературный очерк. М.: Дет. лит., 1992. С. 110–111. Также см.: Пути-дороги и адреса проживания И. С. Аксакова (опыт краткого путеводителя) // Аксаковские чтения: (материалы XIV Международных Аксаковских чтений. Уфа, 26-27 сентября 2013 г.) / отв. ред. д.ф.н., проф. В. В. Борисова; Башк. гос. пед. ун-т им. М. Акмуллы. Уфа, 2013. С. 147–166.

² И. С. Аксаков в его письмах: Эпистолярный дневник 1838–1886 гг. ... Т. I. Письма 1844–1849 гг. М., 2003. С. 17.

³ Аксаков И. С. У России одна-единственная столица... М., 2006. С. 486–487.

⁴ Кошелев В. А. Сто лет семьи Аксаковых. Бирск: Бирск. гос. пед. ин-т, 2005. С. 54.

⁵ Лобанов М. П. С. Т. Аксаков. М.: Мол. гвардия, 2005. С. 85; Гудков Г. Ф., Гудкова З. И. С. Т. Аксаков. Семья и окружение. Краеведческие очерки. Уфа: Башк. кн. изд., 1991. С. 110.

⁶ Гудков Г. Ф., Гудкова З. И. С. Т. Аксаков. Семья и окружение. Краеведческие очерки... С. 111.

⁷ Там же.

⁸ Пирожкова Т. Ф. Примечания // И. С. Аксаков. Письма к родным. 1844–1849. М., 1988. С. 578; Лобанов М. П. С. Т. Аксаков. М., 2005. С. 85.

тьям и сестрам. Прочитав Карамзина, он тотчас же собирал в своей комнате наверху своих сестер и братьев и заставлял их слушать его историю. Она воспламеняла в нем патриотическое чувство. Не знаю, почему именно в особенности возбудил его восторг эпизод о некоем князе Вячко, который, сражаясь с немцами при осаде Куксгавена, не захотел им сдаться и, выбросившись из башни, погиб. <...> Константин Сергеевич, будучи лет 12-ти, установил праздник Вячки 30-го ноября. <...> Константин Сергеевич писал повесть о приключениях дружины молодых людей, “любивших древнее русское вооружение.” <...> Несмотря на то, что она постепенно достигла объема целого тома in 8°, она никогда не была кончена». В РГАЛИ, наверное, сохранился только отрывок этой повести, написанный детьми С. Т. Аксакова и датированный 1830-м годом¹. «Разыгрывались иногда по выбору и по инициативе самого Константина Сергеевича сцены из “Чудаков” Княжнина, из “Трисотин” Дмитриева и некоторые другие. <...> Употребление французского языка в разговоре резко осуждалось Константином Сергеевичем, – да и вообще великосветскость была предметом постоянной его насмешки»².

Один из бывших товарищей Ивана Сергеевича по астраханской ревизии 1844 г., барон Ф. А. Бюлер, писал о нем уже после его смерти при издании его астраханских стихотворений: «Сравнительную зрелость свою и восприимчивость к труду объяснял он тем, что ему родители дали физически окрепнуть и довольно поздно начали учить грамоте, так что вообще наука досталась ему легко»³.

Лето 1832 г. Аксаковы провели в Богородском на даче⁴. Село Богородское – дачное место под Москвой, куда Аксаковы выезжали в тридцатые годы на лето. Виды этого села неоднократно рисовались детьми⁵. Кстати, сохранилось стихотворение С. Т. Аксакова «К Грише», написанное летом 1832 г. и посвященное рыбной ловле⁶.

В августе 1832 г. Константин был зачислен в Императорский Московский университет на словесное отделение⁷. Дмитрий Топорнин вводит Константина в новый «союз» – кружок Н. В. Станкевича, у которого собираются: В. Красов, И. Ключников, А. Ефремов, В. Белинский, М. Бакунин, В. Боткин. Участники кружка через Константина познакомились с С. Т. Аксаковым, стали бывать в его доме. Интересы и заботы кружка Станке-

¹ РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. № 78. 10 л.

² См.: И. С. Аксаков в его письмах: Эпистолярный дневник 1838–1886 гг. ... Т. I. Письма 1844–1849 гг. М., 2003. С. 17–19.

³ Там же. С. 32.

⁴ Манн Ю. В. Семья Аксаковых: историко-литературный очерк. М., 1992. С. 112.

⁵ См.: Семейный альбом Аксаковых: стихотворения, рисунки, воспоминания. Рукопись. Крайние даты: 1832 г. – 20 июня 1868 г. // РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 2. № 3. 20 л. Цит. по: Аксаков И. С. У России одна-единственная столица... М., 2006. С. 487.

⁶ Аксаков С. Т. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. М., 1956. С. 775, 677.

⁷ См.: Личное дело студента Московского университета К. С. Аксакова, крайние даты: 21.02.1832 г. – 25.10.1835 г. // РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. № 76. 17 л.

вича через Константина проникали в атмосферу аксаковского дома и оставили след в сознании даже малых детей¹.

Сохранилась шуточная шестая строфа из стихотворения И. С. Аксакова «Простая история» («История старой девушки. Предсказание»)², посвященная учению брата Константина в Московском университете: «Иной был дух в том университете, Там Каченовский мыслью всех смущал, Что не бывало Рюрика на свете; Качаяся, коленки потирал Надеждин во словесном факультете, Когда студентам лекции читал. Свои уста пространно разверзая, Эстетику свою преподавал»³.

Отрочество И. С. Аксакова (1833–1838). Аксакова А. Ф.: «С 10-летнего возраста мальчик Иван страстно читал газеты, страстно следил за политическими событиями в Европе; его уже волнует революционное брожение в Испании; он восторженный карлист. Наказанием за какую-нибудь провинность служит ему лишение читать газеты. В нем уже сказывается будущий страстный публицист»⁴. Карлисты – политическая партия в Испании, в XIX в. принявшая активное участие в трех гражданских войнах. Карлизм был активен на протяжении полутора веков, с 1830-х до 1970-х годов. Первая гражданская война началось восстанием карлистов в баскских провинциях в первых числах октября 1833 г.⁵. Именно этот факт в жизни Ивана мы рассматриваем в качестве условного перехода от детства к отрочеству.

Лето 1833 г. Аксаковы провели в Богородском⁶. В 1834–1836 гг. Аксаковы жили на Сенной площади у Красных ворот (Красноворотский проезд, 3). Переезд сюда состоялся в 1833 г. после назначения С. Т. Аксакова инспектором, а затем и директором Константиновского межевого института (до 1839 г.).

В своих воспоминаниях, относящихся к 1835 г., К. С. Аксаков отмечает: «Перед самым нашим выходом из университета Надеждин оставил профессорство, и мы: я, Сазонов, Толмачев, Дм. Топорнин – поднесли ему кубок. Мы явились на сей раз в полной форме, желая придать делу торжественность»⁷. В дом на Сенной пришли студенты, чтобы преподнести Н. И. Надеждину золоченый кубок по случаю выхода его из университета (профессор временно жил у Аксаковых). Иван запомнил, что среди пришедших были Станкевич и Строев⁸.

И лето 1835 г. Аксаковы проводили в имении Богородское под Москвой. Здесь Иван впервые попробовал ездить на лошади. Об этом он пишет к родным из Симферополя спустя 21 год – 1 сентября 1856 г.: «Я в

¹ Кошелев В. А. Сто лет семьи Аксаковых. Бирск, 2005. С. 58, 72–78, 80.

² См.: Аксаков И. С. Стихотворения и поэмы. Л., 1960. С. 37–39.

³ Там же. С. 250.

⁴ И. С. Аксаков в его письмах: Эпистолярный дневник 1838–1886 гг. ... Т. I. Письма 1844–1849 гг. М., 2003. С. 20.

⁵ См.: Майский И. М. Испания 1808–1917: исторический очерк. М., 1958.

⁶ Манн Ю. В. Семья Аксаковых: историко-литературный очерк. М., 1992. С. 112.

⁷ Аксаков К. С. Воспоминание студенчества 1832–1835 гг. // Московский университет в воспоминаниях современников: сборник. М., 1989. С. 199.

⁸ См.: Русь. 1881. № 8. С. 15.

1-й раз в своей жизни сел на лошадь (езжал как-то в Богородском 11-ти лет) и почувствовал себя счастливым, что могу вольно двигаться во все стороны без посредства экипажей и кучеров»¹.

В начале 1836 г. С. Т. Аксаков отвез своего второго сына Григория в Петербург с тем, чтобы отдать его в Училище правоведения. <...> ...в определении его детей на казенный счет ему энергично помогал его всегдашний благодетель Кавелин»².

В 1836–1839 гг. Семья Аксаковых проживала в здании Константиновского межевого института (Старая Басманная, 21 – Смоленский рынок)³. С 1836 по 1840 г. Иван заполнял «Тетрадь стихов» с пометкой на обложке: «1839 г.», где были записаны стихотворения К. С. Аксакова, Д. И. Минаева, В. И. Красова⁴.

1836 год в духовном развитии И. С. Аксакова важен тем, что в это время начинается его почти полувековая переписка. По этому поводу А. Ф. Аксакова пишет следующее: «Едва ли не самую интересную часть оставленных бумаг составляет громадная переписка самого Ивана Сергеевича с родителями, родными и друзьями, которая почти в целости сохранилась. <...> В некотором смысле эта переписка может быть названа продолжением “Семейной хроники”»⁵.

Первое письмо Ивана, которое нам удалось найти, написано около 9 мая 1836 г. в виде приписки на 2-м оборотном листе к брату Григорию в Петербург: «Что это значит, милый Гриша, что мы не получаем от тебя писем? Я не знаю, к чему это приписать. – Здесь поднимают колокол, но он не дается. Костинька в субботу ходил смотреть, но оборвались канаты, и дело стало. Поздравляю тебя со днем рождения Олиньки, 9 мая. Не был ли ты в театре и не видал ли Ревизора, или по крайней мере, читал ли ты его? Прощай, обнимаю тебя, твой друг и брат Ив<ан> Ак<саков>»⁶.

Сохранились и другие письма И. С. Аксакова, написанные в 1836 году⁷. Например, письмо Ивана от октября, адресованное брату Григорию, дает представление о ходе его домашних занятий: «Любезный Гриша! Вчера было 10 уроков Коссовичу, и я кончил всего Федра. У меня было издание А<п>та. В нем прибавлены 32 басни Федра же, недавно открытые в Геркулануме. Теперь я начал перевод из Буколик Вергилия. На днях закончил с Косовичем по Латыни, и я переводил сначала по 3, а к концу уже он начал задавать по 30 басен. Однако же не всегда мог для него все кон-

¹ И. С. Аксаков. Письма к родным. 1849–1856. М.: Наука, 1994. С. 448–450.

² Шенрок В. И. Аксаков и его семья: биографический очерк // Журнал министерства народного просвещения. 1904. № 10. С. 402.

³ Аксаков И. С. У России одна-единственная столица... М., 2006. С. 487.

⁴ См.: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 5. № 1. 10 л.

⁵ И. С. Аксаков в его письмах: Эпистолярный дневник 1838–1886 гг. ... Т. I. Письма 1844–1849 гг. М., 2003. С. 4–5.

⁶ РГБ. Ф. 3. ГАИС/Ш. Карт. III. № 17. Л. 1–2 об. 19 апреля 1836 г. в Петербургском Александринском театре состоялась премьера комедии Н. В. Гоголя «Ревизор». Почти одновременно в Петербурге пьеса вышла отдельным изданием. В Москве премьера комедии состоялась 25 мая 1836 г. в Малом театре.

⁷ См.: Аксаков Иван Сергеевич. Материалы для летописи жизни и творчества. Вып. 1: в 2 частях. 1823–1848. Ч. 1. Уфа: УЮИ МВД России, 2010. С. 87–88.

чить. Посуди сам, как возможно в продолжение 2х дней, имея других учителей, перевести 40 басен. В прошедший раз задал он мне 20 басен, которые я должен был перевести в продолжение только одного дня, потому что он был в Субботу вечером, и хотел прийти в Понедельник поутру. Я в Воскресенье приготавлился еще для Мерзлякова, и чтоб кончить для Косовича, то я принужден был не спать всю ночь; даже не раздевался. Зато я кончил перевод. Но на другой день, имея вечером свободное время, я лег сейчас после обеда, в 5 часов, и проспал до 7 часов утра. Маменька взяла танцевального учителя, а именно, Василия Аполонова. С Мерзляковым я кончил Францию и в будущий раз начну Германию. Из русского языка учу Синтаксис Греча; он заставляет меня переводить с Французского трудные статьи. С ним я прохожу Греческую историю. Но главное у меня еще нет Арифметического учителя. Маменька хочет взять Английского учителя, (не помню его фамилии), который берет по 5 рублей. Ем. Ант. больна и я не буду с ней заниматься нынче, а только стану приготавливаться к будущему Классу. Твой друг и брат Иван Аксаков»¹.

Переписка между братьями и сестрами продолжается и в следующем 1837 году².

Наступил 1838 год. И. С. Аксаков в автобиографии пишет: «В этом году поступил в Императорское Училище правоведения, где и окончил курс в 1842 году с чином 9 класса»³. Аксакова А. Ф.: «По первоначальному предположению родителей Иван Сергеевич должен был вместе с братом Михаилом поступить в Пажеский корпус. Но оказалось, что по годам он уже не мог держать экзамена, и тогда решено было отдать его в недавно открытое Императорское Училище правоведения, в котором воспитывался уже его старший брат Григорий»⁴.

В успехе Ивана семейные почему-то сомневались. Брат Константин писал: «Ваня слишком захотел: попасть в четвертый класс! Он хочет переводить уже Вергилия, когда не умеет переводить Корнелия». Но наконец все уладилось: Иван подготовил все, что было нужно, а постоянный покровитель Аксаковых, Кавелин, своей протекцией у принца сумел выхлопотать своему юному протеже разрешение подвергнуться экзамену для вступления в училище⁵.

Аксакова А. Ф.: «30 апреля 1838 г. приехали в Петербург С. Т. Аксаков с сыном Иваном, и на другой же день начались те предварительные испытания, которые должны были указать, может ли молодой человек быть допущен к публичному экзамену для поступления в IV класс? – На

¹ ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 16. Ед. хр. 15. Л. 1–1 об. См. цит. по: Тесля А. А. «Последний из „отцов“»: биография Ивана Аксакова. СПб.: «Владимир Даль», 2015. С. 13.

² См.: Аксаков Иван Сергеевич. Материалы для летописи жизни и творчества. Вып. 1: в 2 частях. 1823–1848. Ч. 1. Уфа: УЮИ МВД России, 2010. С. 90–91.

³ Аксаков И. С. Стихотворения и поэмы. Л., 1960. С. 31.

⁴ И. С. Аксаков в его письмах: Эпистолярный дневник 1838–1886 гг. ... Т. I. Письма 1844–1849 гг. М., 2003. С. 21. Также см.: Аксаков С. Т. Материалы для его биографии. Официальная переписка о воспитании его сыновей – М. С. и И. С. Аксаковых, 1835–1839 гг. // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 14. № 2. 5 л. 3 предмета.

⁵ Шенрок В. И. Аксаков и его семья: биографический очерк // Журнал министерства народного просвещения. 1904. № 10. С. 410.

этом предварительном испытании молодой Аксаков удивлял экзаменаторов обширностью своих познаний и толковостью ответов. – Профессор истории Кайданов, рассказывая об экзамене, говорил: “Как отлично отвечал мне Аксаков! Распространяет ответ шире поставленного вопроса, разбирает все относящиеся к событию обстоятельства. Отлично отвечал. Что твой профессор. Просто я слушал, а он мне лекцию читал. Я ужасно люблю таких”. В разговор вмешался воспитатель Иванов, экзаменовавший по русскому языку: “Вот также он отвечал и у меня. Прекрасно. Я написал: «Отлично знает все предписанные правила и с честью может вступить в IV класс»»¹.

Из письма С. Т. Аксакова к жене от 2 мая 1838 г.: «...в субботу, был парад майский, единственный в своем роде, так дети <Иван и Миша> отправились с раннего утра посмотреть невиданное зрелище. <...> ...в 10 часов отправляюсь с Ваней на экзамен математический и географический... <...> Я сегодня особенно был утешен. Принц, хваля Кавелину экзамен Вани, который в языках прошел блистательнейшим образом, сказал что Гриша прекраснейший молодой человек, а когда Кавелин возразил, что Иван лучше приготовлен и лучшие имеет способности, то принц отвечал: “Я лучше не желаю иметь воспитанников, как Аксаков: прилежен, благороден и горяч. Я и не слыхивал чтоб у него способности были ограниченные”»².

Аксакова А. Ф.: «Порядки Училища и программа занятий очень понравились Сергею Тимофеевичу, и в день последнего предварительного испытания он подал прошение о приеме сына. В тот же день (4 мая 1838 г.) он писал к Ольге Семеновне в Москву: “Будь спокойна, мой дражайший друг! Лучшего места для воспитания детей наших нельзя и найти в России... Грешно нам было бы и колебаться”. – На другой день отец уехал, Иван остался и в конце мая выдержал публичный экзамен, после которого был принят в IV класс»³.

Внутрисемейная переписка, в том числе переписка И. С. Аксакова, с годами возрастает: в первую очередь с отесинькой, а также с маменькой, с братьями и сестрами. Так, с 5 мая по 26 декабря 1838 г. известны 12 писем Ивана к родителям из Училища правоведения⁴. Сохранились также 18 писем, написанных в 1838 г. отесинькой к сыновьям Ивану и Григорию в Петербург⁵.

Из письма Ивана к родным от 5 мая 1838 г.: «Отесинька хочет скоро ехать... <...> До публичного экзамена мне остается пять недель, считая с будущего вторника, с 10 мая...»⁶. Судя по данному отрывку, публичный экзамен у Ивана должен был состояться 14 июня 1838 г.

В Петербурге у юных Аксаковых был и один близкий, родной дом – Картшевских. Надежда Тимофеевна Карташевская была любимой сестрой их отца и любимой их теткой. Кроме нее они особенно любили ее дочь,

¹ И. С. Аксаков в его письмах: Эпистолярный дневник 1838–1886 гг. ... Т. I. Письма 1844–1849 гг. М., 2003. С. 21.

² РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 3. № 5. Л. 89–91.

³ И. С. Аксаков в его письмах... С. 21.

⁴ См.: РГБ. Ф. 3. ГАИС/III. Карт. III. № 15а. 23 л.

⁵ Письма Аксакова С. Т. к Аксаковым, Г. С. и И. С. 1838 г., 2 февр. – 5 дек. // РГБ. Ф. 3. ГАИС/III. Карт. III. № 24в., 25.

⁶ РГБ. Ф. 3. ГАИС/III. Карт. III. № 15а. Л. 1–2.

Машеньку Карташевскую, которая считалась очень умной и симпатичной девушкой¹. 9 мая Иван пишет к родным: «В пятницу вечером тетенька (с Машенькой, Юлинькой, Наденькой и Митей) были в театре. Был и я. <...> В первый раз пишу тебе, милый брат Костя, по отъезду своему из Москвы»².

С 1 июня по середину октября 1838 г., т. е. четыре с половиной месяца, продолжалось первое заграничное путешествие Константина, который задержался в Петербурге на неделю: с 9 по 16 июня. Выехал он из Петербурга 16 июня дилижансом. Провожали его брат Иван, Н. И. Надеждин, Г. И. и Н. Т. Карташевские и их старший сын Александр³.

Время после экзаменов Иван провел со своими на даче близ Москвы, но лето было короткое, так как экзамены кончились к 1 июня, а вернулся он после каникул уже 31 июля и с 1 августа поселился в Училище, ходя в отпуск по воскресеньям и праздничным дням в семейство Н. Т. Карташевской⁴. Здесь, нам кажется, описка – экзамены окончились не 1 июня, а 1 июля.

Из письма отесиньки к Ване и Грише от 30 июля из Петровского: «Вот уже скоро двое суток, как мы проводили вас, милые друзья – дети наши, Гриша и Ваня!»⁵. А 31 июля Иван пишет родителям: «Мы в Петербурге, дражайшие родители; в Петербурге. Не могу вообразить, что нынче же отправлюсь в училище»⁶. И последнее письмо Ивана, которое мы используем, написано к родным 7 августа: «Вот уже нынче неделя, как я вступил в училище, дражайшие родители, и уже довольно узнал жизнь училищную. Я вам опишу все по порядку. <...> Вот примеры нашего учения: Закон Божий, латинский, немецкий, французский, русский, английский (тот кто хочет) <...> статистика, пропедевтика прав, римское право, геометрия, алгебра, логика, эстетика, история, физика. <...> У нас три часа свободного времени в день: от 10 до 11, от 2 до 3, от 6 до 7. В эти часы нас водят в сад»⁷.

В заключении выделим следующие важнейшие факты из ранней биографии И. С. Аксакова: решающее влияние родителей и старшего брата Константина на становление мировоззрения и личности Ивана Сергеевича; предсказание С. Т. Аксакова о том, что «Иван будет великий писатель»; 10-летний рубеж в жизни Ивана, когда он страстно увлекся чтением газетных политических статей; в 1836 г. начинается полувековая переписка И. С. Аксакова; в 1838 г. Иван по итогам экзаменов был принят сразу в 4-й класс Училища правоведения.

¹ Шенрок В. И. Аксаков и его семья: биографический очерк // Журнал министерства народного просвещения. 1904. № 10. С. 411–412.

² РГБ. Ф. 3. ГАИС/III. Карт. III. № 15а. Л. 5–6 об.

³ Манн Ю. В. Семья Аксаковых: историко-литературный очерк. М., 1992. С. 223, 224.

⁴ И. С. Аксаков в его письмах: Эпистолярный дневник 1838–1886 гг. ... Т. I. Письма 1844–1849 гг. М., 2003. С. 21–22.

⁵ РГБ. Ф. 3. ГАИС/III. Карт. III. № 24в. Л. 17–17 об.

⁶ РГБ. Ф. 3. ГАИС/III. Карт. III. № 15а. Л. 7–7 об.

⁷ РГБ. Ф. 3. ГАИС/III. Карт. III. № 15а. Л. 8–9 об.

1.2. Императорское Училище правоведения и обучение в нем

«Quidquid agis, prudenter agas et respice finem»¹.
Гораций

В 1833 г. завершилась подготовка к изданию Полного Собрания и Свода законов Российской империи. Император Николай I назвал эту работу «главным предметом, к которому было устремлено его внимание», так как неимение полных законов или смешение их от чрезвычайного множества указов, нередко противоречащих один другому, создают условия для неоправданных решений судов, «ябедничества и лихоимства»². Этим объяснялись и трудности в изучении российского права, сказывавшиеся на подготовке юристов, чиновников, их правовой культуре, что, по замечанию И. С. Аксакова «становилось причиной тех вопиющих злоупотреблений... которыми богата память каждого послужившего на своем веку человека»³.

Многочисленные жалобы и критика деятельности государственного аппарата, судебных учреждений, профессиональный и моральный уровень чиновничества беспокоили правительство. Поэтому в 1835 г. Николай I одобрил идею создания Училища правоведения⁴ и выделил на это большие денежные средства. Создание этого училища также связано с именем крупнейшего сановника, племянника императора Александра I, представителя династии, известной в России своей государственной и научной деятельностью, принца П. Г. Ольденбургского (1812–1881)⁵.

Во время службы в Петербурге принц Ольденбургский в письме от 26 октября 1834 г. обратил внимание государя на «недостаток образованных и сведущих чиновников в канцеляриях судебных мест»⁶. Ольденбургский предлагал решить эту проблему, учредив среднее учебное заведение для дворян, специализировавшееся на преподавании юриспруденции. В нем юные дворяне готовились бы к исполнению основных канцелярских должностей в ведомстве юстиции, и тем самым было бы снято клеймо презрения с канцелярской работы⁷.

¹ «Что бы ты ни делал, делай благоразумно, не упуская из виду цели» (лат.). Есть и другой вариант перевода: «Что бы ты ни делал, поступай рассудительно и смотри, к чему приведут твои поступки» – это девиз Императорского Училища правоведения.

² Государственный совет в России. 1801–1901. СПб., 1902. С. 56.

³ Аксаков И. С. Присутственный день в Уголовной палате // Аксаков И. С. Письма из провинции. М., 1990. С. 420.

⁴ См.: Стояновский Н. И. Краткий очерк об основании и развитии Императорского Училища правоведения. СПб., 1885; Корнев А. В., Борисов А. В. Правовая мысль и юридическое образование в дореволюционной России: Учебное пособие. М., 2005. С. 213–215; Уортман Р. С. Властители и судии: Развитие правового сознания в императорской России / пер. с англ. М., 2004. С. 114–116; 353–371.

⁵ См.: Папков А. Жизнь и труды принца Петра Георгиевича Ольденбургского. СПб., 1885; Анненкова Э. А., Голиков Ю. П. Принцы Ольденбургские в Петербурге. СПб.: Росток, 2004. 480 с.: ил.

⁶ Корф М. А. Записки. М., 2003. С. 51.

⁷ Сюзор Г. Ко дню LXXV юбилея Императорского Училища правоведения. 1835–1910. СПб., 1910. С. 20–22.

Письмо это государь передал М. М. Сперанскому с следующей записью: «Благородные чувства принца достойны уважения. Прошу, прочитав, переговорить с ним и мне сообщить как ваши замечания, так и то, что с принцем вами условлено будет»¹. Еще в 1832 г. Сперанский утверждал, что лишь слой образованных дворян, обученных бюрократическому делопроизводству, сможет заставить суд в России работать: «Для судей везде нужны способные и благовоспитанные делопроизводители; у нас они нужнее, нежели где-нибудь: ибо у нас нет и долго еще не будет ни ученых судей, ни ученых адвокатов. При добром делопроизводителе судья, избранный доверием сословия, с здравым смыслом и чистою совестью, хотя и без технического знания, вообще может быть полезнее, нежели судья просто ученый. Но тот же избранный доверием судья, при худом производстве, будет прикрывать только собою его пристрастие или невежество»².

Ольденбургский совместно со Сперанским разработал проекты устава и штата училища. Проекты были внесены в Государственный Совет, где подверглись подробному разбору и многим переменам, пока были наконец утверждены 29 мая 1835 г. и изданы при указе государя³. Ольденбургский вызвался дать «сумму, потребную на приобретение дома и на первоначальное обзаведение Училища правоведения». На покупку и перестройку дома он пожертвовал более миллиона (ассигнациями) рублей⁴. Николай I назначил Ольденбургского попечителем образованного Училища. Великолепное здание, в котором когда-то размещалось Императорское Училище правоведения, по-прежнему тянется вдоль набережной Петербурга, обращенное фасадом к Летнему саду по другую сторону Фонтанки⁵.

Открытие Училища состоялось 5 декабря 1835 г. На торжественный акт прибыл Николай I с наследником в. к. Александром Николаевичем и братом в. к. Михаилом Павловичем. Принц Ольденбургский встретил почетных гостей и провел по залам Училища, где их уже ожидали министры, члены Государственного совета, другие гости и первые воспитанники. Первый набор составил 54 человека, хотя заявление подали 292 претендента. 7 декабря в новом юридическом учебном заведении начались занятия.

Устав Училища, утвержденный 29 мая 1835 г., был временным, но основные его положения вошли в переработанный и дополненный Устав от 27 мая 1838 г. Получение статуса Императорского означало, что Училище находится под особым покровительством государя. Цель создания Училища изложена в § 1 Устава: «Училище правоведения имеет целью образование благородного юношества по части судебной». Форма воспитанников Училища – темно-зеленый мундир и введенная позднее фуражка с желтым околышем – послужила причиной сравнения правоведов с птичкой чижилом, что нашло отражение в популярной петербургской песенке «Чижик-пыжик, где ты был?».

¹ Корф М. А. Записки. М., 2003. С. 52–53.

² Сперанский М. М. Императорское Училище правоведения // Русская старина. 1885. № 12. С. i–iii.

³ Корф М. А. Указ соч. С. 53; ПСЗ. Собр. II. Т. 10. № 8185.

⁴ Корф М. А. Указ. соч. С. 52, 53.

⁵ В настоящее время в этом здании располагается Ленинградский областной суд.

Училище было привилегированным, приравненным в «правах и преимуществах» к Царскосельскому лицее. Прием в училище базировался на принципах рождения и выслуги. По Уставу 1835 г. в училище могли поступать только потомственные дворяне. Согласно, Уставу 1838 г. поступающие должны были происходить из семей, внесенных в шестую часть губернских родословных книг (т. е. получивших дворянство в допетровские времена), или быть сыновьями чиновников не ниже 5-го ранга или офицеров не ниже 6-го ранга (не ниже полковника)¹.

Воспитанники начинали обучение в возрасте от 12 до 17 лет. Поступающие в Училище после сдачи вступительных экзаменов (русский, немецкий, французский и латинский языки, математика, история, география) зачислялись, в зависимости от возраста и уровня знаний, в тот или иной класс. Срок обучения составлял шесть лет, позже был продлен до семи. Учебные программы Училища предусматривали подготовку воспитанников с гимназического возраста до уровня университетского образования с практическим уклоном для государственной службы. Помимо обязательных уроков в Училище проводились внеклассные занятия. Особенно популярными были уроки музыки, рисования, ваяния, драматического искусства. В первые годы существования Училища воспитанники обязательно обучались танцам.

В училище, несмотря на некоторое смягчение казенных порядков и нравов, характерных для закрытых учебных заведений того времени, был установлен довольно строгий, полувойсковой режим. Шесть дней в неделю ученики вставали в 6 часов утра и ложились в 10 часов вечера, семь часов из учебного времени отводилось на классные занятия, три на приготовление уроков, два часа оставалось на прием пищи, два на церковные службы и два на свободные занятия. Ежегодно ученики сдавали экзамены, а на время школьных каникул получали многочисленные задания. Существовала развернутая система наказаний: от лишения последнего блюда за обедом и выставления к «столбу» до карцера и сечения розгами. Домой их отпускали только в воскресенье на несколько часов с «печатным билетом», в котором родители должны были сделать отметки о времени прихода и ухода. Так, Иван по воскресным и праздничным дням посещал семейство Надежды Тимофеевны Карташевской – родной сестры С. Т. Аксакова.

В первые четыре года обучения ученики, носившие отличительную зеленую форму и треуголку училища, занимались по общей программе, включавшей классические предметы – математику, физику, естественную историю, географию, языки и литературу. Много внимания уделялось занятиям спортом, светскому воспитанию.

Последние три года обучения были отведены изучению права, основанному на программе, сходной с университетской, хотя и менее высокого уровня². Читались курсы по энциклопедии законоведения, римскому праву, государственному праву, гражданскому и уголовному праву и процессу,

¹ Сюзор Г. Указ. соч. С. 21–22.

² Там же. С. 122–123.

местному законодательству, финансовому и полицейскому праву, судебной медицине, сравнительной судебной практике и практическое законоведение. Некоторые из этих предметов преподавались в высших классах профессорами Петербургского университета.

Воспитанники понимали, что порядки в училище отличаются от строгой официальности других государственных учебных заведений. Как вспоминал В. В. Стасов, в училище было «что-то, напоминавшее семейство и домашнее житье»¹. Эта теплая атмосфера сохранялась до 1849 г., когда Николай I, заподозривший одного из правоведов в связях с петрашевцами, установил суровый военный режим в училище, как и в других учебных заведениях. Режим был смягчен после смерти Николая, но прежние взаимоотношения так никогда и не вернулись².

Ежегодно училище выпускало примерно 25 человек³. «Своекоштные» воспитанники после окончания училища были обязаны прослужить в Министерстве юстиции четыре года, а «казеннокоштные» – шесть лет. На их выпускных экзаменах присутствовали министр юстиции и другие высокопоставленные чиновники. Им присваивался 9-й, 10-й или 12-й класс по Табели о рангах, в зависимости от результатов экзамена. В первые сорок лет существования училища 44 % выпускников получили 9-й класс (который присваивался магистрам в университете) и 35 % – 10-й (ранг кандидатов в университете)⁴. После вступления в службу выпускники пользовались особым покровительством и принца Ольденбургского, и министра юстиции, что давало им льготы в чиновничьем производстве и наградах. Нуждающиеся выпускники получали денежную помощь⁵.

Первый выпуск в составе 14 выпускников состоялся в Училище 15 июня 1840 г. Их привели к присяге на верность службы царю и отечеству. Имя лучшего из них по поведению и успехам в учебе Алексея Волоцкого, награжденного золотой медалью, было вписано золотыми буквами на белой мраморной доске в одном из залов старшего курса, и это стало традицией. Попечитель П. Г. Ольденбургский подарил всем выпускникам на память золотые перстни, на которых был выгравирован девиз Училища: «res-
pice finem» – сокращение от стиха Горация: «Quidquid agis, prudenter agas
et respice finem» («Что бы ты ни делал, делай благоразумно, не упуская из виду цели»). Петр Георгиевич собственноручно вручил выпускникам дипломы, медали, а переведенным в старший класс – шпаги.

До 1849 г. принц Ольденбургский навещал Училище почти каждый день, чтобы наблюдать за ходом дел. Он составлял расписание занятий, посещал занятия и беседовал с воспитанниками. Будучи лютеранином, он тем не менее часто присутствовал на службах в церкви. Любитель

¹ Стасов В. В. Училище правоведения сорок лет тому назад. 1836–1842 // Русская старина. 1880. № 12. С. 1023.

² Стасов В. В. Указ. соч. С. 1023–1024; Сюзор Г. Указ. соч. С. 141–145, 150.

³ Уортман Р. С. Указ. соч. С. 373.

⁴ Конюченко Т. Статистические сведения о личном составе воспитанников и хозяйственной части Императорского Училища правоведения за 50 лет его существования. СПб., 1886. С. 114–116.

⁵ Сюзор Г. Указ. соч. С. 125–126.

музыки, он всячески поощрял проведение в училище концертов. Одаренные воспитанники участвовали в представлениях на регулярных вечерах, где бывали принц и другие важные лица. На других концертах выступали сам принц и приезжие знаменитости. Так что, возможно, среди выпускников училища не случайно оказались П. И. Чайковский и А. Н. Серов¹. Ольденбургский оставался на посту попечителя училища до самой своей смерти в 1881 г. Обязанности попечителя Училища по распоряжению Александра III перешли к принцу Александру Петровичу Ольденбургскому (1844–1932), сыну П. Г. Ольденбургского.

Как и было задумано Ольденбургским, училище способствовало притоку дворянства в судебные учреждения. Правоведы быстро превратились в группу внутри ведомства юстиции, которая нарушала сложившийся порядок и приводила в замешательство других чиновников. Вследствие особого благорасположения императора выпускники Училища правоведения стояли особняком от чиновников администрации. Училище было элитным заведением, и выпускники на своих местах службы вели себя и воспринимались сослуживцами как молодые аристократы.

Отпечаток аристократизма, с которым выпускники покидали училище, определяли не столько социальным происхождением учащихся, сколько элитарным духом и характером самого заведения. Модест Чайковский, который, как и его брат Петр, учился в Училище правоведения, писал, что большинство воспитанников принадлежало к «среднему кругу» дворянства, и лишь очень малое число воспитанников происходило из знати². В выпускных классах за первые десять лет существования училища лишь немногим более 10 % выпускников имело дворянские титулы³.

Половина воспитанников находилась на казенном коште, многие из них были бедны. В. В. Стасов вспоминал, что в начале 1840-х годов уплатить крошечную сумму, в которую обходился утренний чай, не была в состоянии добрая половина его однокашников – они должны были ограничиваться на завтрак белой булкой всухомятку. При этом, согласно всем свидетельствам, богатые юноши избегали расточительства, и социальные различия не играли роли во внутренней жизни училища. Выпускники училища вспоминали, что все они были на равных друг с другом и обращались между собой на «ты»⁴.

Уже в начале своего существования училище создало собственный образ, который воспитанники выносили с собой во взрослую жизнь и в дальнейшем старались сохранить. Правоведы усвоили, что их миссия – задавать стандарты честности и надежности в системе правосудия. К. П. По-

¹ Стасов В. В. Училище правоведения сорок лет тому назад. 1836–1842 // Русская старина. 1881. № 3. С. 577–581; Молчанов М. М. Александр Николаевич Серов в воспоминаниях старого правоведа // Русская старина. 1883. № 8. С. 341. Сюзор Г. Указ. соч. С. 216–222.

² См.: Чайковский М. Жизнь Петра Ильича Чайковского. М.; Лейпциг, 1900. Т. 1. С. 86.

³ Памятная книжка Императорского Училища правоведения. СПб., 1871.

⁴ Стасов В. В. Училище правоведения сорок лет тому назад 1836–1842 // Русская старина. 1881. № 2. С. 394–395; Мещерский В. П. Мои воспоминания. СПб., 1897. Т. 1. С. 80; Арсеньев К. К. Воспоминания об Училище правоведения // Русская старина. 1886. № 4. С. 29.

бедоносцев в 1860 г. так вспоминал наследие училища: «Они <учителя> влагали в юные души наши: добрую мысль, доброе слово, доброе предание, завет добрый»¹. Он же признавал, что именно в училище зародились те идеалы, к которым он стремился в жизни. Впоследствии, достигнув высокого положения, Победоносцев благоволил выпускникам училища².

Преподаватели Училища правоведения составляли цвет и гордость российской юридической науки. Среди них были К. А. Неволин (1806–1855), Д. И. Мейер (1819–1857), Н. И. Стояновский (1820–1900), В. Д. Спасович (1829–1906), И. Е. Андреевский (1831–1891), Н. С. Таганцев (1843–1923), А. Ф. Кони (1844–1927), Ф. Ф. Мартенс (1845–1909) и др. Большое внимание уделялось практическим занятиям. Правительствующему сенату и Министерству юстиции предписывалось направлять в училище все нормативные акты, издаваемые ими, а также некоторые «решенные дела» и все связанные с ними материалы. Эти дела в качестве учебных заданий разбирались на практических занятиях.

На протяжении второй половины XIX столетия высшие должностные лица в царской России выходили почти исключительно из Училища правоведения и Александровского лицея. С 1840 по 1893 год 46,3% выпускников этих двух учебных заведений достигли четырех наивысших рангов на государственной службе. В этот период одно только Училище правоведения дало одиннадцать государственных министров, сорок три члена Государственного совета и восемьдесят одного сенатора³.

Выпускники Училища правоведения сыграли важную роль в подготовке крестьянской реформы 1861 г., особенно – судебной реформы 1864 г. Не будет преувеличением утверждать, что успех последней был невозможен без участия в ней выпускников Училища правоведения⁴. Среди них были министры юстиции, внутренних дел, а также другие государственные деятели и ученые России, такие, как Г. С. Аксаков (1820–1891), К. К. Арсеньев (1837–1919), В. А. Арцимович (1820–1893), Е. И. Барановский (ум. в 1914), А. Г. Булыгин (1851–1919), И. Л. Горемыкин (1839–1917), М. И. Зарудный (1834–1883), С. А. Корф (1876–1924), Н. А. Манасеин (1835–1895), В. П. Мещерский (1839–1914), Д. Н. Набоков (1827–1904), Д. А. Оболенский (1822–1881), А. Д. Оболенский (1855–1933), К. П. Победоносцев (1827–1907), А. А. Половцов (1832–1909), Д. А. Ровинский (1824–1895), В. К. Случевский (1844–1926), Н. И. Стояновский (1820–1900), В. Д. Философов (1820–1894), А. А. Ширинский-Шихматов (1862–1930), И. Г. Щегловитов (1861–1918) и др.

Из стен училища вышли не только государственные деятели и ученые, но и люди, оставившие свой след в отечественной и мировой культуре: композиторы А. Н. Серов (1820–1871) и П. И. Чайковский (1840–1893), поэты и писатели И. С. Аксаков (1823–1886), А. Н. Апухтин (1840–1893),

¹ Цит. по: [Молчанов М. М.]. Полвека назад: Первые годы Училища правоведения в Петербурге. СПб., 1892. С. 33.

² Стояновский Н. И. Воспоминание о 5-м и 7-м декабря 1860 г. СПб., 1860. С. 27–28.

³ Холден Э. Петр Чайковский. М., 2003. С. 41–42.

⁴ Журнал Министерства юстиции. 1913. № 1. С. 89.

А. М. Жемчужников (1821–1908), И. Ф. Тютчев (1846–1909), М. И. Чайковский (1850–1916), театральный деятель Н. Н. Евреинов (1877–1953), известный художественный и музыкальный критик В. В. Стасов (1824–1906), чемпион мира по шахматам А. А. Алехин (1892–1946).

В 1885 г. вместе с другими выпускниками Училища правоведения активное участие в праздновании пятидесятилетия учебного заведения принял П. И. Чайковский. Незадолго до юбилейных торжеств он написал для училищного юбилея «Правоведческую песню» для смешанного хора, которую на празднике должны были исполнить воспитанники. Текст песни был написан также самим композитором. Вот с какими словами обращался Чайковский к будущим правоведам:

«Будь врагом ты всякой лжи
И, стремясь ко благу смело,
Помни школьных дней завет,
Что стоять за правды дело
Твердо должен правовед»¹.

Императорское Училище правоведения просуществовало до 18 июня 1918 года. Последний 79-й выпуск Училища, состоявший из 18 воспитанников старшего курса, ускоренно сдал экзамены в конце 1917 и начале 1918 годов. За 83 года в стенах Училища было подготовлено Училище воспитало и образовало 2317 юристов, из них 46 стали членами Государственного совета, 168 – сенаторами, 64 правоведа были губернаторами. В среднем каждый год количество выпускников составляло 25–27 человек. Наименьшее число пришлось на первый выпуск в 1840 г. – 14 человек, наибольшее – в 1883 г. – 39².

Здание Училища, занятое Агрономическим институтом, навсегда осталось для правоведа родным домом. Правоведы не теряли связи друг с другом, по традиции они старались отмечать 5 декабря – день основания своей alma mater.

В 1935 г., в год 100-летия Училища, в одном из парижских залов на торжественный акт собралось более 400 бывших правоведа с семьями. Торжественные юбилейные вечера прошли также и в столицах других стран – Белграде, Берлине, Варшаве, Хельсинки, Софии и др. Несмотря на то, что Училище правоведения было закрыто в 1918 г., его бывшие воспитанники продолжали встречаться вплоть до 1960-х годов³. В 1967 г. выпускник предпоследнего ускоренного 78-го выпуска (11 февраля 1917 г.)

¹ Цит. по: Алексеев А. И. Музы и право. М., 2003. С. 118.

² См.: Анненкова Э. А. Императорское Училище правоведения // Пространство и Время. 2013. № 1 (11). (Научная библиотека КиберЛенинка: <http://cyberleninka.ru/article/n/imperatorskoe-uchilische-pravovedeniya#ixzz3gyiQgHmn>).

³ Холден Э. Холден Э. Петр Чайковский. М., 2003. С. 43.

Н. Л. Пашенный (1896–1972), проделав большую работу по сбору материалов о судьбах правоведов после революции, издал в Мадриде книгу¹.

В 1992 г. была учреждена Петербургская школа права, позже – Петербургский институт права имени принца П. Г. Ольденбургского. Это негосударственное высшее учебное заведение поставило целью возродить дух и лучшие традиции Императорского Училища правоведения.

При институте создан историко-музейный совет, в который вошли преподаватели и студенты. Ими собраны уникальные материалы о прошлом Училища и семье принцев Ольденбургских. Удалось установить контакты с потомками попечителей Училища правоведения герцогами Ольденбургскими в Германии (герцог Гуно фон Ольденбург стал почетным членом Попечительского совета Института), а также с теми, кто преподавал и учился в Училище: это потомки преподавателей Ф. Ф. Мартенса, Н. С. Таганцева, В. Д. Набокова, А. Ф. Кони, потомки бывших правоведов из семей Булацелей, князей Оболенских, Рогге, Филипповых.

5 декабря 2005 г., в день 170-летия со дня основания Училища, в вестибюле его бывшего здания на Фонтанке, 6, была открыта мемориальная доска с текстом на русском и немецком языках следующего содержания: «В этом доме находилось с 1835 по 1918 год Императорское Училище правоведения, основанное принцем П. Г. Ольденбургским». В 2006 г. о самом известном в России юридическом учебном заведении закрытого типа была опубликована монография².

Таким образом, идеи принца П. Г. Ольденбургского, одобренные и поддержанные Николаем I и М. М. Сперанским, остались актуальными до наших дней и получили новую жизнь и развитие в стенах Института права.

А. Ф. Аксакова в своих комментариях к письмам мужа описывает поступление и четырехлетнее обучение Ивана в Училище правоведения. Это описание целиком основано на письмах Ивана Сергеевича к родителям с 1838 по 1842 год и их к нему³.

«Первоначально, пишет А. Ф. Аксакова, шумная школьная жизнь не понравилась задумчивому и сосредоточенному Аксакову. Очевидно, 15-летний Аксаков был старше своих лет и своих товарищей. В эти ранние годы он уже занимается анализом своих и чужих чувств, обсуждает свое поведение и чужие поступки и с замечательной серьезностью говорит о

¹ Императорское Училище правоведения и правоведы в годы мира, войны и смуты / составитель Н. Л. Пашенный (78-го вып.). Мадрид: издание Комитета правоведской кассы, 1967. 457 с.: ил. (См.: <http://www.genrogge.ru/isj/index.htm>).

² Анненкова Э. А. Императорское Училище правоведения. СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2006. 384 с.

³ См.: Аксакова А.Ф. Училищные годы <1838–1842> // Иван Сергеевич Аксаков в его письмах: Эпистолярный дневник 1838–1886 гг. с предисловием, комментариями и воспоминаниями А.Ф. Аксаковой: В 3 т. М., 2003–2004. Т. I. Письма 1844–1849 гг. М., 2003. С. 21–29.

занятиях»¹. Ивану Аксакову, происходившему из знатного московского семейства, объединенного прочной душевной связью, поначалу было одиноко в училище, он сильно скучал по родителям. Иван с трудом сближался со сверстниками и питал особую неприязнь к учащимся из мелкого провинциального дворянства. Однако со временем Аксаков избавился от тоски по дому и крепко подружился с однокашниками, с которыми он поддерживал близкие отношения и в годы службы².

Воспользовавшись разрешением конференции, воспитанники Училища составляли складчину и выписывали на общие деньги несколько журналов. Аксаков отдал на эту складчину заветный золотой, подаренный ему еще дома, и с тех пор во всяком письме его к родителям мы находим суждения обо всех статьях, которые он читал. Он знакомится с В. Г. Белинским и подробно описывает отцу свои встречи с ним³.

Будучи правоведом, Аксаков постоянно ездил и в оперу, и во французский театр (который он очень любил), и в русский драматический. Под влиянием петербургской и училищной атмосферы Иван Сергеевич несколько уклонился от ригоризма Константина Сергеевича относительно всего французского; он в письмах к брату храбро отстаивает свой вкус к Михайловскому театру и откровенно сознается, что вообще из французских спектаклей выносит всегда самое приятное впечатление и от души смеется иногда пошлым, но мастерски сыгранным фарсам⁴.

Последнюю зиму пребывания своего в училище Аксаков провел в Петербурге один. Старший брат Григорий кончил курс еще в 1840 г., а младший брат Михаил, воспитывавшийся в Пажеском корпусе, скончался почти внезапно 5 марта 1841 г. на руках Ивана.

Оставляя училище в июне 1842 г. Иван Аксаков испытывал чувство утраты:

Мне грустно расставаться с вами,
 Себя от братства оторвать,
 Проститься с близкими друзьями
 И вновь свиданья ожидать!
 Мне грустно. Странно! оттого ли,
 Что власть привычки я люблю,
 Что покидаю прежней доли
 И прежней скуки и неволи
 Своих товарищей семью!⁵

¹ Аксакова А.Ф. Указ. соч. С. 22.

² Аксаков И. С. Письма родным. 1844–1849. М., 1988. С. 58–61, 80–85.

³ Аксакова А. Ф. Указ. соч. С. 23.

⁴ Там же. С. 24–25.

⁵ Аксаков И. С. Стихотворения и поэмы. Л., 1960. С. 40–41. Из стихотворения «На прощанье (При отъезде из Петербурга)».

По окончании курса в Училище правоведения И. С. Аксаков вернулся в Москву к своим родителям и поступил прямо на службу во 2-е отделение 6-го (Уголовного) департамента Правительствующего Сената, где он через три недели назначен был исправлять должность секретаря. Выражением чувств, мыслей, сомнений, тоски, волновавших душу молодого чиновника, при первых шагах на поприще служебном, явилось его первое крупное произведение в стихах: «Жизнь чиновника, мистерия в трех периодах»¹.

Р. С. Из письма И. С. Аксакова к сестре М. С. Томашевской от 7 ноября 1885 года: «Имел я приглашение на юбилей Училища Правоведения, который празднуется в двух приемах: 23го Ноября – день освящения Церкви, – на котором и будет присутствовать Гриша, – и 5 Декабря, день открытия самого Училища, на который может быть я поеду, может быть и нет. Я собственно терпеть не мог Училища, и тип “Правоведа”, которого я на себе не ношу, мне противен. К тому же я убежден, что Училище сослужило свою службу, заменив старых поьячих людьми более или менее образованными и из хороших семейств, но теперь, с преобразованием судов оно совершенно лишнее. Так что я не могу участвовать в тосте “за процветание”, а мой бы тост был “за уничтожение”. Конечно, не лишено интереса повидаться с теми, кого не видал слишком 45 лет, с кем виделся чуть не в отроческие годы, – сосчитаться сколько умерло, сколько еще бродит живых... Лучшие мои товарищи – все умерли...»².

¹ Аксакова А. Ф. Указ. соч. С. 29; см.: Аксаков И. С. Стихотворения и поэмы. Л., 1960. С. 123–142.

² Тесля А. А. «Последний из „отцов”»: биография Ивана Аксакова. СПб.: «Владимир Даль», 2015. С. 19.

1.3. «О характере уголовного процесса»: выпускное сочинение 1842 года

«Fiat justitia et pereat mundus!»¹.

В Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук в г. Санкт-Петербурге в фонде С. Т., И. С. и К. С. Аксаковых отложилась рукопись сочинения И. С. Аксакова «О характере уголовного процесса» (Фонд 3. Опись 1. Ед. хр. 41. 10 л.), подготовленная на выпускном курсе Императорского Училища правоведения в 1842 году. Эта рукопись – одно из первых известных нам сочинений И. С. Аксакова². Рукопись состоит из 10 листов (размером 35 x 22 см), из которых на 16 страницах располагается текст сочинения.

Должность инспектора классов в 1841–1842 учебном году в училище исправлял надворный советник А. И. Кранихфельд (он упомянут на титульном листе рукописи). По состоянию чинов на 1 ноября 1841 г. в училище занятия правоведческого цикла вели следующие преподаватели: адъюнкт-профессор надворный советник Н. А. Палибин (Государственное право), ординарный профессор надворный советник П. Д. Калмыков (Уголовное право), профессор статский советник В. В. Шнейдер (Римское право), ординарный профессор коллежский советник Р. А. Штскгард <так, с какой-то опечаткой!> (Пропедевтика и Энциклопедия прав), надворный советник Ф. Л. Малиновский (Межевые законы), статский советник и кавалер И. Т. Спасский (Судебная медицина), статский советник А. М. Яковлев (Практическое гражданское судопроизводство), коллежский советник Г. А. Гизетти (Практическое уголовное судопроизводство)³.

Сочинение Аксакова являлось выпускной работой, примерно соответствующей объему и уровню современных контрольных или курсовых работ. Уголовный процесс, как и Гражданский процесс, был в Училище правоведения одним из профильных предметов, то есть предметом будущей специализации выпускников. А. Ф. Аксакова отмечала: «Аксаков, не находясь в религиозном настроении и не имея возможности уединиться в среде товарищей, посвятил досуг говения и весь пост усиленным занятиям и писанию выпускных сочинений по Гражданскому и Уголовному праву»⁴. Напомним, что пост в 1842 году продолжался со 2 марта по 18 апреля. В мае же месяце выпускники уже сдавали экзамены – 7 мая, в письме к род-

¹ «Да свершится правосудие и да погибнет мир!» (лат.). Девиз Фердинанда I, императора (1556–1564) Священной Римской империи, выражающий желание восстановить справедливость любой ценой и несмотря ни на что повернуть события так, как они должны были бы происходить по его мнению.

² Ранее исследовательницей Н. Н. Вихровой были опубликованы две рукописи И. С. Аксакова 1841 года: Вихрова Н. Н. Пушкин в дневнике молодого Ивана Аксакова // Русская литература. 1999. № 2. С. 169–181; Она же. Ранний критический опыт И. С. Аксакова // Русская литература. 2011. № 2. С. 173–183.

³ См.: Месяцослов и Общий штат Российской империи на 1842 год. СПб.: При Императорской Академии Наук, <1842>. Ч. I. С. 385. За информацию благодарю А. П. Дмитриева.

⁴ <Аксакова А. Ф.> Училищные годы // Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Часть первая. Учебные и служебные годы. Том первый. Письма 1839–1848 годов. М., 1888. С. 34.

ным Аксаков напишет: «Еще один экзамен сбыли с рук»¹. 14 июня 1842 года в Училище правоведения состоялся третий выпуск, в составе которого Аксаков вышел с чином титулярного советника².

Уголовный процесс (уголовное судопроизводство) – установленный законом порядок осуществления карательной власти в отдельных случаях. Под уголовным судопроизводством понимали как самые приемы производства уголовных дел, так и совокупность правил, определяющих порядок этого производства. В каждой стране правила производства уголовных дел устанавливались законами и обычаями, совокупность которых составляла ее уголовно-процессуальное законодательство³.

В публикации рукописи сочинения пунктуация приближена к современным нормам. В квадратных скобках размещены слова, зачеркнутые Аксаковым. Поля рукописи занимают примерно треть каждой страницы. На полях сочинения размещены замечания преподавателя, написанные карандашом. Исходя из информации, представленной выше, можно предположить, что преподавателем, проверившим сочинение Аксакова, был коллежский советник Г. А. Гизетти. Слова, переданные курсивом, – это слова подчеркнутые самим Аксаковым, а все подчеркнутые слова – подчеркивания проверявшего сочинение преподавателя. Переписывал ли Аксаков свое сочинения на чистовик, получив замечания преподавателя, – неизвестно⁴.

На первом, титульном, листе рукописи, сверху – надпись карандашом: «Г. Инспектор класса просит Вас рассмотреть это сочинение и что найдете нужным – исправить». Ниже по центру – название сочинения: «О характере Уголовного Процесса», еще ниже, справа – эпитафия: *Fiat justitia et pereat mundus!* Далее по центру подпись: Ив. Аксаков. Ниже, слева, друг под другом – сокращенные названия города, училища и год: С.П.Б. 1842 И.У.П. Второй лист начинается с повторения названия сочинения и эпитафии. Далее полностью воспроизводим следующие 15 страниц рукописи.

«Прежде чем мы представим характер и свойства Уголовного судопроизводства вообще и у нас в особенности, обратимся к происхождению его в Государстве.

Государство, высшее проявление действительного мира, есть та истинная норма, в которой человечество совершает свое развитие, ибо толь-

¹ Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Фонд 3. ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 15д. Лист 22.

² Аттестат о службе И.С. Аксакова, 2 июня 1851 года / Публикация С.В. Мотина // Аксаковские чтения: Материалы XI Всерос. научн. конф. Уфа, 2 окт. 2009 г. Уфа: «Вагант», 2009. С. 82.

³ См.: Баршев Я. И. Основания уголовного судопроизводства, с применением к российскому уголовному судопроизводству / Соч. орд. проф. уголов. и полиц. законов в Имп. С.-Петербур. ун-те, д-ра прав Я. Баршева. СПб.: тип. 2 отд-ния Собств. е. и. вел. канцелярии, 1841.

⁴ За переводы выражаю благодарность Н. А. Курашкиной и А. П. Дмитриеву. Также благодарю аспирантов Института права БашГУ И. И. и А. А. Мельниковых, которые студентами-второкурсниками по моим фотокопиям осуществили первую попытку прочтения публикуемой рукописи. См.: Козлова А. А., Мельников И. И. «О характере уголовного процесса» – рукопись И. С. Аксакова 1842 года // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: материалы курсантско-студенческой конференции, г. Уфа, 15 мая 2008 г. В 2 ч. Ч. 2 / под общ. ред. Р. В. Нигматуллина. Уфа: УЮИ МВД России, 2008. С. 3–7.

ко в Государстве достигает оно настоящей свободы и настоящего слияния между частною и общественною, между внутреннею и внешнею действительною жизнью. Лишившись непосредственного союза с Богом, через грехопадение, человечество проявилось в союзе семейном, но на пути своем к достижению истинной нормы бытия (в пространнейшем значении слова), оно покинуло прежнее, неопределенное состояние, основанное на внутреннем, субъективном чувстве, и явилось не в виде нестройной массы, но в виде организованного общества, в которое оно принесло прежние элементы [бытия] своего первобытного состояния. Религия, согласующаяся с существованием Государства, не стесняя свободы человека, обняла, так сказать, влиянием своим все части бытия его, но чувство субъективное, чувство морали [ограничилось] явилось ограниченным внешними объективными отношениями человека и явлениями действительности, ибо в Государстве внутренняя жизнь человека берется во столько в рассмотрение, во сколько она приходит в соприкосновение с внешнею. Это – то определение состояния человека, как члена Государства, отношений его, как объекта, к внутреннему частному человеку; это возведение морали на степень действительности. (die Verwirklichung der Moral¹) – все это проявилось в *Праве*. Поэтому право не должно противоречить морали: только круг действия их разграничен, потому, что право, не распространяясь на внутреннюю жизнь и оставляя субъективные отношения человека в области морали и нравственности, берет только то из нее, что имеет связь с действительностью, и *внешнюю, объективную жизнь*. Стало <быть>, в Государстве для человека, как члена его, – существует право; для человека внутреннего, в отношении к себе самому – закон нравственный.

Они ограничивают себя взаимно. Закон положительный, подверженный влиянию обстоятельств места и времени (rationes temporis et loci²), не должен попираť законов разума и нравственности. Нравственный же закон не должен простираť участия своего более меры истиной и необходимой для общества. Нарушение закона положительного наказывается внешнею объективною силою целого Государства, проявляющеюся в Суде. Поругание законов нравственных наказывается судом частной совести. Уголовные положительные законы и преступления являют в себе точку соприкосновения этих двух областей, и поэтому требуют нашего рассмотрения. Все, что нарушает только один нравственный закон, не есть еще преступление, но то, что, нарушая его, оскорбляет притом общественное сознание и чувство правосудия граждан, или преступает положительный уголовный закон – есть преступление (в тесном смысле). Это преступление есть, стало <быть>, общественное зло, сопровождаемое вредом не только материальным, но и нравственным (der ideelle Schaden³), и этот вред может быть уничтожен только соответствующим злом – наказанием. Но каким образом уничтожается этот нравственный ущерб и восстанавливается пору-

¹ Осуществление морали (нем.).

² Условия времени и места (лат.).

³ Моральный вред (нем.).

ганный закон; каким образом совершается этот процесс общественного правосудия, твердым оплотом связующий части Государства? Он совершается посредством исследования – и удостоверения в существовании преступления; – взвешения – известными лицами, представителями общественного правосудия, – вреда, преступлением причиненного; произнесения и исполнения приговора, основанного или на положительном законе, или на разуме всего законодательства. – Эта-то совокупность форм и путей, законом огражденных, посредством которых достигаются вышеозначенные результаты, – называется Уголовным Процессом или Судопроизводством.

Рассмотрев, таким образом, явление Уголовного Процесса в Государстве, обратимся к предмету его, составу и форме, в которой он проявляется.

Предметом Уголовного Процесса могут быть только внешние деяния и обнаружившиеся покушением умыслы, нарушающие положительный закон или оскорбляющие общественное сознание. Поэтому никаким образом не могут подлежать его исследованию – не внешнее поведение и внутренние помыслы человека, и такие его поступки, которые не принадлежат к области *права*, не противны положительным законам, даже и не простирающимся на них. Итак, предметом Уголовного Процесса должно быть *всякое* преступное деяние (в смысле сделанного нами определения), даже и тогда, когда бы молчал объект, над которым совершен был вред материальный, когда бы не было истца по делу, или истец не искал расправы. В таком случае вопиющий голос поруганного правосудия – сам громко требует уничтожения его оскорбляющего зла; представители избранные – Суд – сам делается истцом по делу. И везде, где только есть следы преступного деяния, даже мало известного, но все таки существующего и существованием своим нарушающего гармонию Царства Правды, – суд должен произвести исследование. Это-то и составляет отличия Уголовного судопроизводства от Гражданского, ибо в последнем никто не обязывается требовать исполнения своих прав, а обязанности зависят от произвола того, в отношении кого они существуют: влияющие *omnes licentiam habent his, quae pro se introducta sunt renunciandi*¹. Не то при Уголовном Судопроизводстве. Здесь, если б обиженный и простил преступника, то все-таки, это не уничтожает деяние, которое продолжает оставаться предметом исследования. Поэтому справедливы слова Русского Закона, которые в статье 792 XV т<ома> Св<ода> Уг<оловных> З<аконов>² предписывают Полиции прибегать к следствию по всякому сведению, дошедшему к ней о каком либо преступлении; а в ст<атье> 798 говорят: «не запрещается истцу и по принесении жалобы мириться с ответчиком в иске, *но сей мир не пре-*

¹ На каждого, наделенного правами, отказаться от того, что предоставлено ему ради собственного блага (лат.).

² Свод законов Российской Империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный: в 15 т. [Т. 15]: Свод законов уголовных. СПб., 1832.

кращает ни следствия, ни суда уголовного в отношении самого преступления».

Спрашивается теперь – может ли быть предметом Уголовного Процесса такого рода деяние, которое в продолжение многих лет было оставлено без исследования? Конечно – да, ибо время не уничтожает преступности деяния и закон положительный не может считать не существующим то, что существует, поэтому давность, позволительная в делах гражданских, – здесь не может иметь места. Впрочем, в некоторых преступлениях давность должна быть допущена, именно в маловажных, которые, нарушая какую-нибудь полицейскую меру, частное правило, мало или вовсе не оскорбляют народного сознания: но при этом требуется долгое пространство времени, чтоб безнаказанность проступка не была слишком очевидною и памятною, – и постоянно доброе поведение виновного.

Показавши – что может быть предметом Уголовного Процесса, рассмотрим части его.

Прежде всего надлежит удостовериться, точно ли было совершено преступление, над чем, кем и в какой мере. Это удостоверение составляет одну из труднейших частей Уголовного Процесса, и называется *следствием*. Производство следствия, или собрание предварительных сведений о преступлении, – имеет целью определить степень преступности данного лица, или найти по данному факту – виновного. Оно составляет отдельную часть от суда и поручается другим лицам, именно Полиции, которая во всяком благоустроенном Государстве имеет все средства для розыскания истины. – При производстве следствия опять сходятся между собою границы положительного права и морали: следователь не должен входить в рассмотрение внутренних и частных мнений подсудимого, его предварительного поведения, – собственно обязанность его состоит в собрании фактических подробных сведений о преступлении. Конечно, – внутренняя сторона жизни подсудимого может быть иногда взята во внимание, но надо стараться не слишком увлекаться психологическими наблюдениями, как это случается обыкновенно.

Следствие должно, начинаясь по определенным законом поводам, состоять из справок, допроса и собрания доказательств. Поводом к началу следствия служат, во 1^х, следы преступления, усмотренные самою полициею, найдение *corpus'a delicti*¹, и проч. Это лежит на обязанности ее и есть, как мы уже заметили выше, отличительный признак Уголовного Судопроизводства от Гражданского. В нашем Законодательстве мы находим точные и определенные правила касательно этого для Земских Судов. Во 2^х, жалоба самого обиженного, и в 3^х, донос или извещение посторонних лиц или самого преступника; – посторонних лиц потому, что при совершении преступления оскорбляется сознание и нарушается безопасность каждого гражданина, который обязан содействовать Правительству в уничтожении зла наказанием. Поэтому каждый *обязан доносить*. Но закон положительный не должен попираť закона нравственного, ибо в таком случае

¹ Состава преступления (*лат.*).

сам он, оскорбляя общественное мнение, теряет свою силу, авторитет и уважение и делается или ненавистным, или смешным. Поэтому закон положительный не может и не должен требовать, чтобы дети доносили на родителей, жены на мужей и т<ому> п<одобное>. И здесь законодательство Русское согласно с теорией: ст<атья> 800: *не приемлются доносы от детей на родителей* и крепостных людей на господ их. Что касается доносов жен на мужей, то хотя нет об этом прямого постановления, но Уголовная Практика в России показывает, что и в этом случае она действовала согласно с духом общих законов. См<отри> примеч<ание> к ст<атье> 800. Высочайше Утвержденное мнение Госуд<артственного> Совета¹ по одному подобному случаю, где сказано, что жене на мужа позволительно было не доносить.

Теперь о *допросе*. Главную целию его <ставится> дознать истину. Надо необыкновенное умение, чтоб заставить преступника признаться, — показать ему посредством сбивчивых вопросов, ложность его ответов. Кроме того, можно посредством психологических познаний действовать на душу преступника, не с целью довести его до раскаяния, но с целью — выведать обстоятельства дела². Что же касается до достоверности показаний, то она не должна основываться на одной присяге (ибо это не есть доказательство), а на прочих обстоятельствах, подтверждающих истину, на справках — повальных обысках, очных ставках и т<ому> под<обном>³. Подробное рассмотрение их не входит в план предлагаемого сочинения. — Что же касается до доказательств вообще, то надо стараться собрать как можно более вещественных доказательств, а не таких, которые основаны на вероятности и, следоват<ельно>, заставляют часто ошибаться. Поэтому такого рода сцепление обстоятельств, по-видимому обвиняющего подсудимого, которые однако же допускают и другое толкование, — должно быть почитаемо доказательством несовершенным и не должно служить основой слишком опрометчивых заключений Судьи.

Приступим теперь к рассмотрению 2-ой части Уголовного Процесса. Здесь опять сближаются границы морали и положительного права. Здесь судья должен по существующим данным обсудить и взвесить степень преступности подсудимого и произнести свой приговор. Личность его уничтожается, и он является орудием совершенно внешней, объективной силы, он должен остерегаться самого себя и внутреннего голоса сострадания. Он должен решать дело не по совести, а по логической силе слова самого закона; и помнить, что [он] здесь не совестный Судья, который может быть допущен только для [тех] того, для кого положительные постановления не

¹ Государственный Совет — высший законосовещательный орган Российской империи в 1810–1906 гг.

² На полях, напротив этого фрагмента (начиная со слов «Теперь о *допросе*») замечание преподавателя карандашом: «Не все законы требуют признания — тут, как и везде в процессе, теория неуместна — она может лишь объяснить, почему законы то и другое в процессе требуют, но не означают общие правила для процесса вообще».

³ На полях, напротив этого фрагмента (начиная со слов «...а на прочих обстоятельствах...») замечание преподавателя карандашом: «О свидетелях нет ни слова, между тем тут-то теории и следовало объяснить, почему мы даем веру двум свидетелям; одних опровергая, других принимаем безусловно».

восприняли еще вполне своей действительности¹. Если же ему кажется, что преступник, обвиняемый и обстоятельствами, и законами не виноват, что преступление извинительно, что закон слишком ограничен; если его собственная природа возмущается против приговора, которому он должен подвергнуть подсудимого; – в таком случае пусть он оставит звание Судьи или сделает воззвание к общественному Правосудию в лице Верховной власти, которая разрешит его недоумения, – конечно, не по Своему произволу, но согласно с разумом законодательства и безопасностью Государства. В ясных, определенных случаях, где от преступления – посылка прямая на закон, последний сам подвигается, сам карает, и участие Судьи здесь ограничено. В случаях – спорных – затруднения могут быть двоякого рода: или нет вполне строгих доказательств, которые по закону – обвиняли бы подсудимого, по-видимому виновного; или – преступление подсудимого доказано, но нет закона который бы упоминал об [этом] нем². В 1ом случае – преступник должен быть освобожден, без подозрения со стороны суда, ибо оставление в подозрении есть мера чисто полицейская, а по суду, строго говоря, невиновный по законам, – и вовсе не подлежит наказанию, какому бы то ни было. Впрочем, самое освобождение его зависит от того – нарушается ли тем общественная безопасность или нет. Решать же дело присягой – не совместно с характером положительного Закона и Суда, который должен решать дело по фактическим доказательствам, а не по совести каждого из подсудимых, – должен стараться в область права не вводить шаткости нравственного влияния, ибо часто подсудимый только ругается над святостью присяги. Надо, однако, согласиться, что эта мера, если не может быть принята как доказательство – по теории, может, однако, быть допущена как полезная и оказывающая некоторое влияние, впечатлением своим на толпу, – и то в которых случаях с общего согласия всех причастных делу. Согласно с этим несовместен с теориею суд присяжных³, когда они решают дело – по совести; ибо здесь значит допустить субъективное воззрение, часто единодушное многих лиц тогда, когда они могут решать только по объективной силе самих законов. Если же этого нельзя, то они должны или освободить преступника от суда или отказаться судить его. – Теперь обратимся ко 2^{му} случаю. При недостаточности законов надо обращаться с представлением к Высшей власти, [представительнице] как выражению народного правосудия, о пояснении, отмене или постановлении нового закона. Таким образом, практика будет идти наряду с развитием законодательства.

¹ На полях, напротив этого фрагмента (начиная со слов «...взвесить степень преступности...») замечание преподавателя карандашом: «Опять односторонняя теория, ибо в суде присяжных, существование и достоинство которого во многих отношениях отвергнуть нельзя – судьи сходят – лишь к внутреннему убеждению – к совести».

² На полях, напротив этих слов замечание преподавателя карандашом: «Когда нет закона, то и судить не следовало».

³ На полях, напротив этого выражения замечание преподавателя карандашом: «Какая теория?».

Но есть случаи, которые допускают усмотрение Судьи в позволенных законам пределах. Здесь¹ Судья может и должен, соблюдая выгоды своего Государства, т<о> е<сть> чтоб виновные не оставались без наказания, – руководствоваться притом следующим правилом, что так как по несовершенству человеческого правосудия часто невинный осуждается вместо виновного, то налагать там, где может возникнуть подобного рода сомнение, – наказания легко вознаградимые и отменяемые. И везде, где смягчение ради причин уважительных или милостивое толкование двусмысленного закона – не нарушает правомерности и общественной безопасности, везде судья должен в законных пределах руководствоваться мудрыми правилами правосудного сострадания². Вспомним – слова римских юристов: In poenalibus causis benignius interpretandum est³ (Paulus⁴ L. 108. D. de diversis reg. jur.); или: Rapienda est occasio, quae praebet benignius responsum⁵ (L. 168. pr. D. cod.)⁶. Наше законодательство особенно проникнуто духом правомерного снисхождения; для примера приведем хоть эти 2 статьи: 105 XV т<ома> Св<ода> Уг<оловных> 3<аконов> судья должен руководствоваться двумя главными началами: 1) чтоб не налагать наказания паче мере содеянного преступления; 2) *чтоб оказывать себя более милостивым, нежели жестоким, помятуя, что и судья человек есть. И 108 что лучше освободить от наказания 10 виновных, нежели приговорить невинного.*

При решении, – различному приговору подлежат умысел, покушение и деяние. Судья должен строго разграничивать эти три понятия. Естественно, что умысел, обнаруженный случайно, без покушения еще привести его в исполнение – должен быть более предметом административных, полицейских предосторожностей, а не судебного разбирательства, ибо суд наказует за внутренние помышления тогда только, когда они проявились в действии, и тем нанесли вред. Поэтому умысел, без соединения с преступлением и даже без покушения, – подлежит меньшему против последнего наказанию или даже вовсе не подлежит наказанию, а только полицейскому надзору. Покушение в свою очередь наказывается легче совершения деяния, опять по той же причине, ибо только преступление причинившие зло должно быть уничтожено злом равным или наказанием, но при покушении количество вреда нанесенного – меньше, ибо, если оно само по себе не имело никаких особенных последствий, то стало <быть> не всем своим составом проявилось в действительности, не всем своим составом вышло в сферу, подлежащую закону положительному, который карает только то,

¹ На полях, напротив этого слова замечание преподавателя карандашом: «Где же?».

² На полях, напротив этих слов замечание преподавателя карандашом: «а упомянутая выше объективная сила?».

³ В случае сомнения должен быть применяем закон, наиболее снисходительный к подсудимому (лат.).

⁴ Юлий Павел (лат. *Julius Paulus*) – римский юрист первой половины III века. Является одним из самых известных древнеримских правоведов, часто именуется только по второму имени – Павел. См.: Павел, Юлий. Пять книг сентений к сыну. М.: Зерцало, 1998.

⁵ Не следует упускать случая для более благосклонного толкования (лат.).

⁶ Подр. см.: Суд и судьи в избранных фрагментах из Дигест Юстиниана / пер. с лат. М.: Статут: Римская акад. правосудия, 2006.

что из внутреннего мира перешло в мир внешний, объективный. – Русский закон отличает эти три понятия (XV т^{ом} ст^{атьи} 8, 9 и 10) точно и определительно, и полагает за покушение легчайшее наказание нежели за самое деяние (ст^{атья} 115), но об наказании за один умысел не упоминает, хотя понятие об нем ясно выражено в ст^{атье} 8^й, вероятно потому что он не должен быть предметом судебного разбирательства. Кроме этих понятий судья должен взять во внимание и степень участия каждого подсудимого и другие побочные обстоятельства, не преступая однако границ справедливости.

Приступим теперь к рассмотрению 3^{ей} части Уголовного Процесса. Она есть необходимое окончание первых двух, которые без нее не имеют значения. Эта часть: исполнение самого приговора, следовательно фактическое возмездие злом за зло. Но кроме этой главной цели надо соблюдать и другие побочные. Так необходимо, чтобы наказание совершилось видимым образом и видимо удовлетворило правосудию народному, устранив притом порочных членов общества. Но для того, чтоб наказание, действуя страхом на одних, вполне вселяло чувство безопасности и удовлетворения правды в других, надо, чтоб оно было правомерно, соответственно преступлению, и не возбуждало бы жестокостью и варварским исполнением – негодования в зрителях, негодования которое часто заставляет рассматривать преступников, как невинных мучеников. Необходимо также пред самым исполнением – прочтение приговора, подробно излагающего обстоятельства дела.

И так наказание должно быть публичное, а для большого эффекта, если можно, так и на самом месте преступления, живо напоминаемого наказуемому и зрителям. Кроме того оно должно быть совершаемо *быстро*, чтоб не мучить преступника, *торжественно*, ибо что возбуждает смех, не действует на душу и не приносит желанных последствий¹.

В преступлениях важных, явно оскорбляющих народное сознание, наказание должно как можно скорее следовать за преступлением, чтоб скорее совершить акт поруганного правосудия. Но там, где преступление малой важности произошло больше от невежества, легкое наказание (обыкновенно тюремное заключение) должно быть сопровождаемо стараниями исправить преступника, для чего могут существовать особенные учреждения. Но это не есть необходимое распоряжение Суда, который в Государстве требует только внешнего исправления, т^о е^{сть} поведения, согласно с законами, до внутренней сферы ему нет дела. Внутреннее же направление преступника может быть предметом полицейской, правительственной меры – доставить Государству *добрых* граждан. Но эти старания, которых шаткий успех ускользает от проверки, могут только сопровождать наказание, а отнюдь не заменять его; и система исправления не должна брать перевеса над целью возмездия, как мы видим это в многих Государствах.

¹ На полях, напротив этого фрагмента (начиная со слов «Кроме того...») замечание преподавателя карандашом: «Быстрота должна состоять не в наказании, ибо при тюремном заключении этого исполнить нельзя – а в последовательности наказания за преступлением».

По Русским законам производство Уголовных дел состоит также из трех частей, именно 1) Из следствия или изыскания всех обстоятельств дела или происшествия, составляющего преступление и собрания доказательств к открытию и обличению виновного. 2) Из суда, который состоит в проверке следствия, в суждении, по силе доказательств и улик, о вине или невинности подсудимого, и в постановлении приговора по закону. 3) Из исполнения приговора (статья 766 пункты 1, 2, 3).

Рассмотрев теперь цель, свойства и состав Уголовного Процесса, обратимся – к форме, в которой проявился он в различных Государствах. Форм главных 2: процесс публично-словесный и письменный. При первом обыкновенно существует учреждение адвокатов. Скажем в коротких словах – о той и другой форме.

Защитники публичной формы процесса говорят, что суд и правда должны чиниться явно, что зло, нанесенное всему народу, должно быть уничтожено на виду всего же народа. Тогда только граждане могут видеть, как открыты и прямы действия избранных ими чиновников, тогда только может воцариться чувство доверенности и безопасности. Но противники этой формы утверждают, что в таком случае мнение толпы будет иметь влияние на судей, которые не захотят идти против него; что не совсем справедливо, потому что никогда все общество не бывает на стороне неправды; много есть любителей истины, поборников правосудия, просвещенных юристов, которые не поддержат строгого судью. К тому же и при непубличной форме судопроизводства – судья все-таки не освобожден от мщения приверженцев подсудимого, ибо решения все таки делаются известными. Другое их возражение, что этою формою обнаруживаются часто домашние тайны, и оскорбляется чувство стыдливости, – защитники опровергают так: в преступлениях важных, в которых виновный не побоялся явно поправить священные обязанности семейной связи и законы, – интерес общий должен взять перевес над частным; но могут быть случаи меньшей важности, носящие на себе характер частный и не оскорбляющие явно народное сознание; тогда по взаимному соглашению партий дело может быть решено и приватным (не публичным) обсуждением. Кроме того, говорят они, при этой форме та выгода, что народ знакомится с положительными законами своего Государства.

Теперь рассмотрим вопрос об учреждении адвокатов. Полезно ли это публичное защищение виновного? Обыкновенно большая часть увлекается блистательными речами ораторов, этими *tours de force*¹ диалектики, и любит защищать адвокатов. Нам кажется это не совсем справедливым. Мы находим, что это учреждение лишает самобытного характера сам Суд, который здесь отказываясь от собственного рассмотрения вопросов, подвергает дело неверному ходу. Часто интерес, желание блеснуть красноречием, заставляет адвокатов уклоняться от истины²; часто адвокат, обязанный защищать преступника, даже вопреки справедливости и собственному убеж-

¹ Толчками к движению (*франц.*).

² На полях, напротив этого фрагмента (начиная со слов «Мы находим...») замечание преподавателя карандашом: «Это одна черная сторона – о светлой не упомянуто».

дению, – натягивает все свое остроумие на изобретение уловок и софизмов, чтобы с честью и с блеском отстоять подсудимого: между тем, как здесь должна действовать чисто объективная сила: непричастная субъективным интересам, объективная сила, которой не следует оставаться в пассивных отношениях к частному, постороннему лицу. Конечно, и в самом суде могут возникнуть споры, один член будет защищать подсудимого, другой обвинять, но они делают это не *ex officio*¹, а основываясь на фактах, по убеждению, и как избранные представители правосудия, – по праву. Спор их должен быть разрешен или большинством голосов или высшим правительственным местом или Верховною властью. У нас в России нет адвокатов, и в Воинских процессах Петра Великого² сказано, что они своим глагольствованием только затрудняют ход дела (В<оинский> пр<оцесс> Ч<асть> 1. Гл<ава> V. П<араграф> 1).

Словесное судопроизводство имеет ту выгоду, что ускоряет, [напротив] избегая многочисленности форм и отношений и т<ому> п<одобное>, ход процесса; но письменное зато – опять заключает в себе то преимущество, что предавая факты бумаге, сохраняет верное свидетельство и доказательство всех подробностей дела, которые при словесном могли бы забыться.

Здесь должны мы остановиться. Дальнейшее рассмотрение всех мелких частных Уголовного Процесса не входит в план сочинения. Показавши главные свойства Уголовного Процесса, мы обратили внимание на то, что кроме частных интересов, всегда присущи ему интересы общественные, и вред наносимый преступлением должен быть уничтожен ему соответствующим вредом; что это чисто объективное действие, и потому оно может показывать только внешние деяния человека. [Поэтому] И так, да берегутся молодые юристы, вступающие на поприще службы, давать простор своим субъективным воззрениям, основанным не на законах разума (тогда бы они не носили характер *личных* произвольных мнений), а на внутреннем голосе склончивого сердца; но с другой стороны – они должны строго остерегаться, чтоб не впасть в крайность и не увлечься излишним ригоризмом; пусть найдет он истинную средину, пусть воспользуется случаями практическими, чтоб поверить теорию в приложении, пусть содействует Высшему Правительству в усовершенствовании законодательства. Гордясь своим званием жреца общественного Правосудия, пусть обличает он твердым оплотом судейской чистоты и справедливости, против бесчисленных искушений, наветов и брани раздраженной толпы; обремененный страшною ответственностью, пусть смело и твердо идет он по проложенному долгом и общественным интересам пути, чтоб, несмотря ни на какие препятствия, временные невыгоды, совершился акт разумного возмездия и общественного правосудия!!!

Fiat justitia et pereat mundus!».

¹ По обязанности, по долгу службы (*лат.*).

² См.: Артикул воинский: С кратким толкованием и с процессами. [СПб.]: При Имп. Акад. наук, 1796.

ГЛАВА 2. ЧИНОВНИК-ПРАВОВЕД НА СЛУЖБЕ ПРИ МИНИСТЕРСТВЕ ЮСТИЦИИ (1842–1848)

«...я вижу, что для моей деятельности только два поприща: служба и поэзия. Поэзия одна неспособна удовлетворить меня и наполнить мое время; в службе я все же могу найти возможность быть полезным, хоть совершенно случайно, к тому же она дает мне средства знакомиться ближе с Россией...»¹.

И. С. Аксаков

2.1. «Аттестат о службе И. С. Аксакова, 2 июня 1851 года»²

«Аттестат

Предъявитель сего Надворный Советник Иван Сергеев сын Аксаков, как значится в формулярном о службе его списке³ двадцати восьми лет⁴, из дворян⁵, православного вероисповедания, холост, имения за родителями его числится родового в Губерниях: Симбирской – Сызранского уезда, Оренбургской – Белебеевского уезда, всего 800 душ⁶. По окончании курса наук в Императорском Училище Правоведения⁷ выпущен из оного с чином Титулярного Советника тысяча восемьсот сорок второго года Июня четырнадцатого⁸; на основании устава Училища Правоведения⁹, определен в Канцелярию 2-го отделения 6-го Департамента Правительствующего Се-

¹ Из письма Аксакова к родным от 18 марта 1849 г. См.: И. С. Аксаков. Письма к родным. 1844–1849 / изд. подгот. Т. Ф. Пирожкова. М.: Наука, 1988. С. 483.

² Аттестат о службе И. С. Аксакова хранится в Российском государственном архиве литературы и искусства: Ф. 10. Оп. 1. № 132: «Лист о прописке Аксакова Ивана Сергеевича в Москве с приложением аттестата о службе и уведомления инспекторского департамента Военного министерства об увольнении Аксакова Ивана Сергеевича из ополчения, участвовавшего в Крымской войне 1853 года. Подлинники. 25 марта 1861 г. – 31 августа 1885 г., 6 л.». Аттестат располагается на 3-х страницах (листы 2, 2 об. и 3) и представляет собой писарскую рукопись на гербовой бумаге (цена 90 коп<еек> сер<ебром>).

³ См.: Формулярный список о службе И. С. Аксакова. Подлинник. 2 мая 1849 г. // РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. № 131. 5 л.

⁴ И. С. Аксаков родился 26 сентября 1823 г., поэтому 2 июня 1851 г. ему еще не исполнилось 28 лет.

⁵ Определением Оренбургского дворянского депутатского собрания от 26 февраля 1832 г. И. С. Аксаков вместе с братьями Константином, Григорием, и Михаилом внесен в VI часть дворянской родословной книги Оренбургской губернии (РГИА. Ф. 1343. Оп. 16. Д. 751. Л. 156 об.; цит. по: Кулешов А. С., Наумов О. Н. Аксаковы: поколенная роспись. М., 2009. С. 151).

⁶ В 1839 г. в аттестате С. Т. Аксаков записывает: «объявитель сего, коллежский советник, Сергей Тимофеев сын Аксаков от роду 48 лет, из дворян, родового имения у него в Оренбургской губернии в Белебеевском уезде 423 души и Симбирской губернии в Ставропольском уезде 374 души...» (Русский архив. 1898. № 5. С. 96).

⁷ Об училище, напр., см.: Анненкова Э. А. Императорское Училище правоведения. СПб., 2006. 384 с.

⁸ И. С. Аксаков обучался в Училище правоведения 4 года, начиная с 1 августа 1838 г. В 1842 г. в Училище состоялся 3-й выпуск в составе 23 правоведов, из них: 9 выпускников с чином IX класса, 11 – с чином X класса и 3 – с чином XII класса.

⁹ 27 мая 1838 г. утвержден переработанный и дополненный Устав Императорского Училища правоведения: «Устав Училища правоведения». СПб., 1838».

ната того же года Июня восемнадцатого¹; исправлял должность Помощника Секретаря в 1842 г. с 17-го Августа по 10-е Сентября²; с 12-го Октября 1842 г. исправлял должность Секретаря по день утверждения в оной 1843 г. Мая 27³; вследствие ордера Министра Юстиции⁴ от 9-го октября 1843 г. с 16 декабря того же года был при Сенаторе Действительном Тайном Советнике Князе Гагарине⁵, ревизовавшем Астраханскую Губернию, в качестве Младшего Чиновника, и по окончании возложенных на него поручений, явился к своей должности 31-го Декабря 1844 г., причем Сенатор Князь Гагарин засвидетельствовал, что он, Аксаков, при похвальном поведении отличался постоянным трудолюбием и употребляем был для осмотра многих присутственных мест и показал весьма хорошие способности⁶. По представлению ревизовавшего Астраханскую Губернию Действительного Тайного Советника Князя Гагарина об усердии и трудах Аксакова и по удостоению Комитета Гг. Министров, Всемиловитейше пожалован в

¹ Аксаков пишет: «...поступил прямо на службу во 2-е отделение 6-го департамента Прав<ительствующего> Сената, где через 3 недели назначен был исправлять должность секретаря» (И. С. Аксаков. Письма к родным. 1844–1849. М., 1988. С. 497). И. С. Аксаков принял участие и в составлении законов Российской империи. Специальная комиссия под руководством Николая Милютина, будущего деятеля освобождения крестьян, начала разрабатывать проект нового городского уложения. В комиссию был привлечен и молодой правовед Иван Аксаков. Результатом деятельности комиссии Н. Милютина было создание нового положения, несколько расширившего полномочия Городской Думы, в состав членов которой стали входить дворяне, имеющие городскую недвижимость. Это был шаг к созданию городского самоуправления. В 1846 году положение утвердил император, и оно вступило в силу в Петербурге, Москве и Одессе (Лебедев С. Предисловие // Аксаков И. С. Наше знамя – русская народность. М., 2008. С. 30).

² Из аттестата не ясно, какую должность исправлял И. С. Аксаков в период с 11 сентября по 11 октября 1842 г. Не добавляет ясности и его формулярный список о службе.

³ Под впечатлением начала своей служебной деятельности И. С. Аксаков в 1843 г. сочинит свою первую поэму под названием «Жизнь чиновника. Мистерия в трех периодах» (см.: Аксаков И. С. Стихотворения и поэмы. Л., 1960. С. 123–142). Об этой мистерии Иван Сергеевич напишет следующее: «Моя стихотворная деятельность открылась очень робко, написанною для моих товарищей «мистерией» под названием «Жизнь чиновника», где ставится вопрос: служить или не служить, отдаться ли искусству, или отвергнуть его. Чиновник избирает службу, гибнет, пред смертью кается... <...> Рукопись моя попала к одному моему товарищу в Петербурге, тот показал ее Краевскому, который, еду в Москву, привез ее с собою, ее прочли торжественно на вечере у Грановского, и тогда началась моя известность как стихотворца, хотя далеко не всеобщая» (Из письма И. С. Аксакова к Ф. В. Чижову, не ранее 1866 г. // РГБ. Ф. 332. Карт. 15, № 5. Л. 20–21 об.; цит. по: Поэзия: Альманах: Вып. 40. М., 1985. С. 120–121).

⁴ Панин Виктор Никитич (1801–1874), граф, министр юстиции (1841–1862).

⁵ Гагарин Павел Павлович (1789–1872), князь, действительный тайный советник, сенатор, возглавлял в 1844 г. комиссию по ревизии Астраханской губернии, по окончании которой был назначен (26.10.1844) членом Государственного совета. Председатель Департамента законов Государственного совета (1862–1864). С 1864 г. председатель Государственного совета, председатель Комитета министров и Комитета по делам Царства Польского.

⁶ Ф. А. Бюлер, выпускник Училища правоведения 1841 г., участник астраханской ревизии пишет: «Не могу пройти молчанием, что нас, с правителем канцелярии, было при сенаторе 12 чиновников разных лет, что Аксаков положительно работал более, чем все остальные 11 вместе. Он занимался по 16 часов в день, постоянно писал, читал, рылся в «Своде Законов», и лишь когда одолеет, бывало, какое-нибудь трудное дело, то для отдохновения и забавы примется за стихи. Работал он скоро и легко, причем весьма серьезно и добросовестно относился к служебным занятиям. <...> Князь П. П. Гагарин его очень ласкал и отличал, а товарищи сознавали его нравственное над собою превосходство и при этом очень его любили» (И. С. Аксаков в его письмах: Эпистолярный дневник 1838–1886 гг.: в 3 т. Т. I. Письма 1844–1849 гг. М., 2003. С. 32). За время астраханской ревизии 1844 г. И. С. Аксаков лично подготовил 11 отчетов: 1) военного штаба, 2) губернаторской (гражданской) канцелярии, 3) губернского правления, 4) дворянской опеки, 5) земского суда, 6) казенной палаты, 7) комиссии народного продовольствия, 8) рыбной экспедиции, 9) строительной комиссии, 10) уголовной палаты, 11) уездного суда.

Коллежские Ассесоры 1845 г. Июня 18; определен Товарищем Председателя Калужской Палаты Уголовного Суда¹, с причислением к Департаменту Министерства Юстиции 1847 г. Мая 12; по предписанию Министра Юстиции поручено исправлять должность Обер-Секретаря 2-го Отделения 6-го Департамента Правительствующего (Л. 2) Сената 1847 г. Мая 21-го; по таковому же предписанию перемещен к исправлению должности Обер-Секретаря в 1-е Отделение 6-го Департамента Правительствующего Сената 1847 г. Октября 18; по ордеру Исправлявшего должность Обер-Прокурора, исправлял должность Обер-Секретаря по двум Экспедициям с 28 Июля по 25 Августа 1848 года; Высочайшим Приказом по Гражданскому ведомству, согласно прошению причислен к Министерству Внутренних Дел 1848 Сентября 21; предписаниями Министра Внутренних Дел² от 19 и 21 Октября 1848 г. командирован в Бессарабскую область: а) для обозрения Сельских Запасных магазинов, обревизования Городских Дум и для удостоверения каким образом делается переселение Евреев из мест прилегающих к границам с Австриею и Турциею и б) по особому секретному делу³. – Поручения эти окончил в 1849 году: первое 2 Апреля, а последнее – <нрзб.>⁴ января; предписаниями Министра Внутренних Дел от 2-го Мая 1849 и 25 Июля 1850 годов, командирован в Ярославскую Губернию по особым секретным делам, каковые поручения окончились в Апреле 1851 года⁵; Высочайшим Приказом по Гражданскому ведомству 20 Июля 1849

¹ В этом месте аттестата нами обнаружен пропуск, который восстанавливается по формулярному списку о службе И. С. Аксакова: «Определен товарищем Председателя Калужской Палаты Уголовного Суда 12 июля 1845 г.; вступил в эту должность 7 сентября 1845 г.; Высочайшим приказом уволен от сей должности с причислением к Департаменту Министерства Юстиции 12 мая 1847 г.» (см.: РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. № 131. Л. 3 об. – 4). В 1884 г. Аксаков в одной из своих статей вспоминал: «Старый суд! При одном воспоминании о нем волосы встают дыбом, мороз дерет по коже!.. Мы имеем право так говорить. Пишущий эти строки посвятил служебной деятельности в старом суде первые, лучшие годы своей молодости. Воспитанник Училища правоведения, стало быть, обязательно поступивший на службу по ведомству министерства юстиции, еще в сороковых годах – он изведаль вдоль и поперек все тогдашнее уголовное правосудие, в провинции и столице, в канцеляриях и в составе суда (в последнем как член по назначению от правительства). Это была воистину мерзость запустения на месте святое! Со всем пылом юношеского негодования ринулся он вместе со своими товарищами по воспитанию в неравную борьбу с судейской неправдой, – и точно так же, как иногда и теперь, встревоженная этим натиском стая Кривосудов поднимала дикий вопль: “Вольнодумцы! Бунтовщики! Революционеры!..” <...> Пред нами невольно встают воспоминания – одно возмутительнее другого. Какие муки, какие терзания испытывала душа, сознавая бессилие помочь истине, невозможность провести правду через путы и сети тогдашнего формального судопроизводства!» («Русь», 1884, 15 февраля; И. С. Аксаков в его письмах: Эпистолярный дневник 1838–1886 гг.: в 3 т. Т. I. Письма 1844–1849 гг. М., 2003. С. 391).

² Перовский Лев Алексеевич (9.9.1792 – 10.11.1856) – граф, генерал от инфантерии, министр внутренних дел с 23.9.1841 по 30.8.1852 г.; с 1852 г. министр уделов и управляющий императорским кабинетом.

³ Имеется в виду изучение религиозных сект. И. С. Аксаков в автобиографии пишет: «В сентябре 1848 года поступил на службу в министерство внутренних дел и тотчас же был отправлен бывшим министром Л. А. Перовским в Бессарабию по некоторым раскольничьим делам. Объездив в течение трех месяцев почти всю Бессарабию, возвратился в начале января 1849 года в Петербург, где представил министру отчет о своем путешествии, или записку о расколе в Бессарабии» (Аксаков И. С. Стихотворения и поэмы. Л., 1960. С. 31).

⁴ Это место, являющееся центром листа, в результате его сложения вчетверо протерлось до дырки. Поэтому из документа не ясно – какого именно числа И. С. Аксаков закончил свое поручение «по особому секретному делу».

⁵ Министр внутренних дел Л. А. Перовский дал Аксакову секретное поручение о раскольниках. Вот как об этом пишет 2 мая 1849 г. к родным сам Иван Сергеевич: «...м<инист>р, принявший меня весьма лю-

года произведен за выслугу лет в Надворные Советники со старшинством с 1848 г. Июня 18; таковым же Приказом уволен, согласно прошению, от службы по домашним обстоятельствам 1851 г. Апреля 5¹. – В походах, штрафах, под судом и в отставке не был. В отпусках был: в 1845 г. с 1-го Марта на 28 дней и с 1-го Июня на 2-ва месяца, явился на срок; в 1846 г. с 29-го Января на 28 дней, явился из сего отпуска 30-го Апреля того же года, просрочив по болезни, в чем представлено узаконенное свидетельство²; с 20 Декабря на 10-ть дней и явился к должности на срок; в 1847 г. с 29 Апреля на 28 дней и не возвращаясь из сего отпуска назначен 21 Мая того же года Исправляющим должность Обер-Секретаря 2-го Отделения 6 Департамента Правительствующего Сената. (Л. 2 об.)

К продолжению службы и к повышению чина аттестовался способным и достойным и во время состояния при Министерстве Внутренних Дел не подвергался ни одному из случаев, кои могли бы лишать его права

безно, сказал мне, что хочет мне дать там же, в Ярославской губернии, еще поручение довольно важное и секретное, тоже о раскольниках...» (И. С. Аксаков. Письма к родным. 1844–1849. М., 1988. С. 495–496). Аксаков пишет в своей автобиографии: «С апреля 1849 года по апрель 1851 года Аксаков находился в Ярославской губернии. В 1850 году ему велено было состоять членом в комиссии, бывшей под председательством графа Стенбока, для исследования секты странников. Это исследование, т. е. описание учения, догматов и проч., произведено большей частью самим Аксаковым» (Аксаков И. С. Стихотворения и поэмы. Л., 1960. С. 32). Из воспоминаний А. С. Хомутова, который вместе с Иваном Сергеевичем в 1850 – 1851 гг. состоял членом комиссии графа Стенбока в Ярославской губернии: «...он <И. С. Аксаков> состоял при министерстве внутренних дел, имел поручение от министра графа Перовского обревизовать городское хозяйство в Ярославской губернии и представить свои соображения, во исполнении чего он объезжал все города и посады губернии, рассматривал дела дум, собирал разные сведения, старался сблизиться с старожилками, посещал ярмарки, и плодом его занятий был представленный им в министерство подробный доклад с отдельными по разным отраслям хозяйства записками и приложениями. Труд этот был особенно оценен в министерстве и многие его предложения по улучшению городского хозяйства и городского управления были приняты в свое время в соображение. На мою долю досталось изучить подробно труд И. С. Аксакова, потому что в 1851 году, когда я перешел на службу в министерство внутренних дел и состоял при хозяйственном департаменте, тогдашний директор того департамента Н. А. Милютин предложил мне ознакомиться с ревизией Аксакова...» (Хомутов А. С. Отрывок из воспоминаний // Аксаков И. С. У России одна-единственная столица... М., 2006. С. 387–388).

¹ «Вследствие доноса ярославского военного губернатора Ал. П. Бутурлина III Отделению, что Аксаков (с которым он находился в столкновении по службе) читает в обществе какую-то поэму противозаконного содержания под названием “Бродяга”, III Отделение сообщило о том графу Перовскому, который предписал официально Аксакову представить ему сего «Бродягу»; Аксаков и представил его, как следует, при рапорте. Министр скоро возвратил рукопись, не найдя в ней ничего предосудительного, но в предписании своем сделал Аксакову замечание и объявил, что занятие стихотворством неприлично человеку служащему, облеченному доверием правительства. Аксаков в ответ написал министру резкое письмо, вышел в отставку и возвратился к своему отцу в Москву, где и занялся литературой» (Аксаков И. С. Стихотворения и поэмы. Л., 1960. С. 32). Также см.: Дополнение. Переписка с министерством внутренних дел о «Бродяге» // И. С. Аксаков. Письма к родным. 1849–1856. М., 1994. С. 470–476. Из письма Гвоздева и Арсеньева к И. С. Аксакову: «Министерство внутренних дел. Департамент общих дел министерства. Отделение 2. Стол 3. 15 апреля 1851. № 1514. Господину надворному советнику Аксакову. Высочайшим приказом по гражданскому ведомству 5-го текущего апреля № 67 Вы, согласно прошению, уволены от службы. О сем департамент общих дел министерства Вас извещает... <...> Директор Гвоздев. Начальник отделения Арсеньев». (И. С. Аксаков. Письма к родным. 1849–1856. М., 1994. С. 476).

² А. Ф. Аксакова пишет: «Затем следует в письмах И.С. к родителям четырехмесячный перерыв. Приехав в Москву на праздники 1845 года с намерением пробыть лишь до 9 января, И.С. разболелся и пробыл до конца апреля с семьей в Абрамцеве» (И. С. Аксаков в его письмах: Эпистолярный дневник 1838–1886 гг.: в 3 т. Т. I. Письма 1844–1849 гг. М., 2003. С. 262).

на получение знака отличия беспорочной службы¹. В удостоверение чего издан сей Аттестат Надворному Советнику Аксакову, за моим подписанием и с приложением герба моего печати. С. Петербург 2 Июня 1851 года.

Его Императорского Величества Всемиловитейшего Государя моего Действительный Тайный Советник, Управляющий Министерством Внутренних Дел, Член Государственного Совета, Сенатор, Почетный Опекун С. Петербургского Опекунского Совета, Член Главного Совета Женских Учебных Заведений и Вице-Президент Общества Попечительного о тюрьмах и Комитета для разбора и призрения нищих, и орденов: Св. Александра Невского алмазами украшенного, Белого орла, Св. равноапостольного Князя Владимира 2 степени большого креста и Св. Анны 1 ст. Императорскою короною украшенного кавалер, имеющий знак отличия беспорочной службы С. Ланской²

Директор Департамента Общих Дел Министерства Гвоздев (Л. 3)».

Р. С. Из письма И. С. Аксакова к Л. А. Перовскому. Это письмо с отметкой *не послано* – было, вероятно, написано через год или два после выхода И. С. Аксакова в отставку: «...с одной стороны неуместная запальчивость была причиной моей отставки; с другой – мысль о силе всякой неправды в нашем современном быту, о безуспешности честной с нею борьбы, о совершенном противоречии административного формализма с самобытными началами русской жизни; наконец ряд глубоких оскорблений, происходивших от столкновения служебных обязанностей с нравственными убеждениями, – все это поколебало во мне верование в пользу моего труда, раздражило характер и содействовало выходу моему из министерства. <...> Я должен был сознаться, что как ни безуспешна кажется борьба с современною неправдою, тем не менее обязан честный человек нести подвиг борьбы до последней крайности; я должен был согласиться, что недостатки административного формализма могут отчасти восполняться личностью самого чиновника в соприкосновениях его с действительностью; что служащему открывается способ приносить пользу обществу уже тем, что, изучая живые стороны народного быта (с которыми ничто не дает столько столкновений, как служба), он может ограждать их самостоятельность – верными объяснениями и ходатайством за них пред администра-

¹ В этом месте мы приведем еще один отрывок из автобиографии И. С. Аксакова о его «аресте», который никоим образом не был отражен в аттестате о его службе, но имел весьма важные последствия: «В марте 1849 года был по высочайшему повелению арестован и посажен в III Отделение собственной его императорского величества канцелярии. Там оставался дней семь или восемь. Причина ареста до сих пор неизвестна и Аксакову не объявлена. Ему предложены были вопросные пункты: о славянофильстве, об его политических мнениях и т. д. Ответы были написаны довольно резко. Император Николай Павлович читал ответы и сделал на полях собственноручно разные замечания и возражения и потом препроводил эту тетрадь к графу (ныне князю) Орлову, надписав сверху: “Призови. Прочти. Вразуми. Отпусти!”. После того Аксаков подвергнут был тайному полицейскому надзору...» (Аксаков И. С. Стихотворения и поэмы. Л., 1960. С. 32).

² Граф Ланской Сергей Степанович (1787–1862) – министр внутренних дел с августа 1855 г. по апрель 1861 г. В 1851 г. С. С. Ланской несколько месяцев, в период отсутствия в Петербурге министра внутренних дел Л. А. Перовского, исполнял его обязанности (Борисов А. В. Министры внутренних дел России. 1802 – октябрь 1917. СПб.: Фонд «Университет», 2002. С. 82, 84).

тивною властью; что наконец, заменяя собою на службе взяточника или бездушного чиновника, он в состоянии сделать частного добра в тысячу раз более, нежели вне службы»¹.

Р. S. S. 24 декабря 1852 г. И. С. Аксаков написал из Абрамцева письмо к А. С. Хомутову. Вот как об этом вспоминает сам адресат: «Вскоре после того, как мы с ним расстались, он написал стихи, посвященные друзьям комиссии, и озаглавил их так: “Моим друзьям, немногим честным людям, находящимся в государственной службе”. <...> Мне Иван Сергеевич прислал эти стихи, собственноручно написанные, при письме следующего содержания: “Помнить, что жизнь есть труд, борьба, подвиг, что, кроме личного счастья, существует для нас цель счастья и блага общественного, что мы призваны сюда для служения добру и правде...”»².

Из стихотворения И. С. Аксакова «Моим друзьям, немногим честным людям, состоящим в государственной службе» (декабрь 1851 г.):

«Я знаю – мелок ваш удел,
Но пышен плод усилий дружных:
Невинный в битве одолел –
Проснулась бодрость в *безоружных*!
И мог обиженный не раз
Изведать здесь, в среде разврата,
Что встретит в каждом он из вас,
На всякий день, на всякий час,
В делах добра слугу и брата!»³.

¹ И. С. Аксаков в его письмах: Эпистолярный дневник 1838–1886 гг.: в 3 т. М., 2003–2004. Т. II. Письма 1849–1857 гг. М., 2004. С. 214–216.

² Хомутов А. С. Отрывок из воспоминаний // Аксаков И. С. У России одна-единственная столица... М., 2006. С. 393–394.

³ Аксаков И. С. Стихотворения и поэмы. Л., 1960. С. 101–102.

2.2. Зимняя дорога. (*Licentia poëtica*¹). Март, 1845 года. Радонежье²

«Услышь, господь, усердный зов:
Чтоб самобытное начало
Своих рассеяло врагов
И иго нравственных оков
С себя презренное сорвало!»³.

Архипов, славянофил

В печати И. С. Аксаков дебютировал в 1845 году со стихотворением «Христофор Колумб с приятелями» во втором номере журнала «Москвитянин», издаваемого в это время И. В. Киреевским⁴. В этом же году он закончил свое «самое славянофильское» произведение – поэму «Зимняя дорога», посвященную старшему брату Константину⁵, которая была опубликована в особом приложении к «Московскому литературному и ученому сборнику на 1847 год». Сохранились и отдельные оттиски из этого сборника, которые зафиксированы в качестве первой книги Ивана Сергеевича⁶.

Замысел поэмы мог возникнуть у Ивана еще в начале 1844 года, во время более чем трехнедельной поездки вместе с князем Родионом Оболенским из Москвы в Астрахань, где Аксаков принимал участие в составе ревизионной комиссии князя П. П. Гагарина⁷. Так, отдельные фрагменты письма к родным⁸ от 8 января 1844 года содержит в себе описания и размышления, чрезвычайно близкие к сюжету и мыслям будущей поэмы⁹.

В своих комментариях к переписке Аксакова А. Ф. Аксакова пишет: «По возвращении из Астрахани в конце <18>44 года Иван Сергеевич провел зиму <18>45 года в Москве у своих родителей... <...> В продолжение зимы Иваном Сергеевичем была написана “Зимняя Дорога (*licentia*

¹ Поэтическая вольность (*лат.*).

² Место написания поэмы обозначается по-разному: в первой публикации и некоторых списках – Радонежье, в авторизованном списке – Абрамцево. (Калмановский Е. С. Примечания // Аксаков И. С. Стихотворения и поэмы. Л., 1960. С. 280–281). Аксаковы называли Абрамцево и Радонеж, и Радонежье и Радонежск, поскольку неподалеку от имения находилось село Городок на месте древнего города Радонеж. Например, именно Радонежьем называет Абрамцево Иван Сергеевич в письмах к родным от 12 октября 1846 и 9 июля 1850 г.

³ Аксаков И. С. Стихотворения и поэмы. Л., 1960. С. 157.

⁴ Москвитянин. 1845. № 2. С. 64.

⁵ Аксаков, Иван Сергеевич. «Зимняя дорога. Посвящается Константину Сергеевичу Аксакову». Копия (РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 10. 20 л.).

⁶ См.: Зимняя дорога. (*Licentia poëtica*). Сочинение И. Аксакова. Март, 1845 года. Радонежье. 32 с. На странице 32: «Москва в типографии [А.] Семена. Печатать позволяется. С. Петербург, 19 августа, 1846 года. Цензор А. Очкин». Правда, есть сомнение: можно ли считать оттиски из какого-либо издания – книгой?

⁷ Гагарин Павел Павлович (1789–1872), князь – действительный тайный советник 1-го класса. Председатель Комитета министров Российской империи в 1864–1872 гг.

⁸ «Родные» – на тот момент это 10 человек семьи С. Т. Аксакова: родители, шесть сестер (Вера, Ольга, Надежда, Любовь, Мария, София) и два брата (Константин и Григорий). Иван в названном письме следующим образом обращается к родным: «...милый отесинька и милая маменька, милая Олинька и все прочие братья и сестры». (См.: И. С. Аксаков. Письма к родным. 1844–1849 / изд. подгот. Т. Ф. Пирожкова. М.: Наука, 1988. С. 3, 560 (примеч.)).

⁹ См.: И. С. Аксаков. Письма к родным. 1844–1849. М., 1988. С. 3–4, 6.

poëtica)”, маленькая поэма, где в полуфантастических картинах из русского быта, проносящихся мимо дремлющего путешественника, Иван Сергеевич воспроизводит собственные свои грезы и впечатления во время зимнего пути по России; в диалоге же между двумя приятелями в кибитке он намечает те воззрения, которые начинали занимать его мысль в продолжение этой зимы, под влиянием Константина Сергеевича и его друзей»¹.

А. Г. Дементьев и Е. С. Калмановский дают следующую характеристику поэтического творчества И. С. Аксакова: «В 1844–1853 годах <...> он довольно критически относился к некоторым догмам славянофильского учения. Выросший и постоянно живший в среде, где это учение формировалось и неустанно утверждалось, Иван Аксаков выражает в своем творчестве определенные славянофильские мотивы (особенно явные, например, в “Зимней дороге”, стихотворении “Русскому поэту” и др.). <...> Но вместе с тем Иван Аксаков болезненно переживал тогда бессилие и бесплодность славянофильства и мучительно сомневался в жизненности воззрений своего брата и его единомышленников. На этой почве и вырастает его поэзия. Ее основным предметом являются не славянофильские догмы, а скорее – противоречия и тупики славянофильства; она выражает не столько программу славянофилов, сколько сомнения и раздумья самого молодого и еще окончательно не сложившегося представителя их течения»².

В связи с этим, историк Н. И. Цимбаев отмечает: «С 1845 года усиливается критическое отношение Аксакова к деятельности славянофилов, особенно заметное в написанных им стихах»³. На одном из автографов стихотворения «Среди удобных и ленивых...» (7 февраля 1845 года), хранящихся в Рукописном отделе ИРЛИ, рукой Аксакова добавлено: «В этом стихотворении выражается негодование на нас самих, на наше бездействие и многословие. Пламенная вера в истину славянофильства моего брата увлекла и меня, но потом я опять вернулся к своему раздумью»⁴.

6 марта 1845 года Аксаков пишет к Ф. А. Бюлеру⁵: «...я взял отпуск и еду (именно завтра) в деревню нашу (в 50 верстах от Москвы), совершенно один, чтобы там воспитываться душевно в трезвости уединения (как говорит Гоголь), сознаться, заниматься, работать, писать. Да, в голове у меня много стихов впереди: дай Бог, чтоб они написались»⁶. В течение марта «Зимняя дорога» была завершена. И уже 17 апреля тому же Бюлеру он сообщает: «С Самариным⁷ пришлю тебе “Зимнюю дорогу” (вспомни

¹ И. С. Аксаков в его письмах: Эпистолярный дневник 1838–1886 гг. с предисловием, комментариями и воспоминаниями А. Ф. Аксаковой: в 3 т. Т. I. Письма 1844–1849 гг. / сост., подгот. текста, примеч., указ. имен Т. Ф. Прокопова. М.: Русская книга, 2003. С. 188.

² Дементьев А. Г., Калмановский Е. С. Поэзия Ивана Аксакова // Аксаков И. С. Стихотворения и поэмы. Л., 1960. С. 7–8.

³ Цимбаев Н. И. И. С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978. С. 38.

⁴ Цит. по: Калмановский Е. С. Противоречия творческого сознания: поэзия Ивана Аксакова. С. 62.

⁵ Бюлер Федор Андреевич (1821–1898), барон – окончил Училище правоповедения на год раньше И. С. Аксакова в 1841 году.

⁶ Письма И. С. Аксакова к Ф. А. Бюлеру. Публикация В. Г. Бухерта // Российский Архив: история Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: альманах. М., 1999. [Т.] IX. С. 182.

⁷ Самарин Юрий Федорович (1819–1876) – философ, историк, публицист и общественный деятель славянофильства.

только впечатления путешествия в дальнюю Астрахань) и другие, новейшие стихотворения»¹.

Дальше начинается уже цензурная история поэмы. Аксаков поначалу, видимо, хотел напечатать ее отдельным изданием, для чего послал текст поэмы в петербургскую цензуру, считая ее мягче московской. Так, 7 мая Аксаков извещал своего друга-однокашника князя Д. А. Оболенского²: «Я послал тебе с Давыдовым “Зимнюю Дорогу”. 16 мая Самарин едет в Петербург и берет ее с собою, чтобы отдать ее там в цензуру, менее строгую нашей московской»³. Действительно, в «Московском литературном и ученом сборнике на 1847 год» поэма имеет отдельное разрешение петербургского цензора А. Очкина⁴ от 19 августа 1846 года, что однако не мешало московскому цензору И. М. Снегиреву⁵, давшему общее разрешение на «Московский сборник», настоять на купюрах⁶.

6 августа 1845 года в письме из Абрамцева Аксаков обращается с просьбой к Ф. А. Бюлеру написать подробно свое мнение о «Зимней дороге» и ниже добавляет: «Странно, что Юрий Федорович <Самарин> не отвечает брату <Константину> на письмо его, в котором он извещает о намерении нашем издать альманах, в котором я предполагаю поместить “Зимнюю дорогу”, но не знаю, отдал ли ее Самарин в цензуру или нет...»⁷.

10 сентября того же года в очередном письме к Ф. А. Бюлеру, уже из Калуги, Аксаков пишет: «“Современник” – единственный журнал в Петербурге, в котором еще можно порядочному человеку печатать, но скажи Плетневу⁸ что я уже обещал “Зимнюю дорогу” в московский альманах и что я никак не согласен разрывать ее на отрывки. Нет, или все печатать, или ничего. Когда я говорю все, это не значит, чтоб я не дозволил вместо слов в наборе поставить несколько точек, но не больше. Лучше пусть твои приятели заставят цензуру пропустить ее. Никитенко⁹ великий подлец. Он такие вещи пропускает “Отечественным запискам”, которые в тысячу раз важнее невинной “Зимней дороги”, а не пропускает сочинений московских!»¹⁰.

¹ Письма И. С. Аксакова к Ф. А. Бюлеру. С. 183.

² Оболенский Дмитрий Александрович (1822–1881), князь – действительный тайный советник, статс-секретарь, член Государственного Совета, сенатор, писатель и мемуарист. Вместе с И. С. Аксаковым в 1842 окончил Училище правоведения.

³ И. С. Аксаков в его письмах: Эпистолярный дневник 1838–1886 гг.: в 3 т. Т. I. Письма 1844–1849 гг. М., 2003. С. 189.

⁴ Очкин Амплий Николаевич (1791–1865) – цензор, писатель, переводчик. Как цензор С.-Петербургского цензурного комитета (1841–1848 гг.), по свидетельству многих современников, не отличался строгостью.

⁵ Снегирев Иван Михайлович (1793–1868) – этнограф, археолог, искусствовед, профессор Московского университета. В 1828–1855 гг. был цензором.

⁶ См.: Калмановский Е. С. Примечания // Аксаков И. С. Стихотворения и поэмы. Л., 1960. С. 281.

⁷ Письма И. С. Аксакова к Ф. А. Бюлеру. С. 188–189.

⁸ Плетнев Петр Александрович (1791–1865) – критик, поэт. В 1838–1846 гг. был преемником Пушкина по редактированию «Современника».

⁹ Никитенко Александр Васильевич (1804–1877) – историк литературы, цензор, профессор Санкт-Петербургского университета.

¹⁰ Письма И. С. Аксакова к Ф. А. Бюлеру. С. 189.

29 сентября из Калуги Аксаков просит родных: «Если кто увидит Панова¹, то пусть скажут ему, чтоб он прислал мне и “Зимнюю дорогу”, и книгу стихов». Стихи были оставлены В. А. Панову для готовящегося славянофилами альманаха «Московский ученый и литературный сборник на 1846 год». Их выслал в Калугу С. Т. Аксаков². А через несколько дней, 2 октября, спрашивает родных: «Отдавал ли он <В. А. Панов> “Зимнюю дорогу” Снегиреву?³ Зачем он мне ее не присылает?»⁴

20 октября Аксаков уведомляет родных: «На этой неделе получил я два письма: одно от Погуляева⁵, другое от Гриши⁶. Погуляев (воротившийся) уведомляет меня... <...> Письмо и сверток на имя Гоголя отданы им в доме Жуковского: Гоголь в то время находился в Спа, а Жуковского не было дома»⁷. Надо пояснить, что С. Т. Аксаков через Н. Т. Погуляева, находившегося летом и осенью 1845 года за границей, передал для Гоголя письмо (от 24 мая) и два произведения Ивана Аксакова («Жизнь чиновника» и «Зимняя дорога»), о которых хотел знать мнение писателя⁸. 25 ноября⁹ того же года из Рима направляет свое очередное послание С. Т. Аксакову Гоголь с просьбой: «...пришлите мне что-нибудь из стихов Ивана Сергеевича. Мне хвалили очень его “Зимнюю дорогу”. Пришлите ее и все то, что ни было им написано в последнее время»¹⁰. Об аксаковской поэме Гоголю писал С. П. Шевырëв¹¹. Почти одновременно – 22 ноября 1845 года – датировано письмо С. Т. Аксакова Гоголю, в котором он, в частности, напоминает: «С одним из товарищей моих меньших сыновей, Погуляевым, мы послали вам две стихотворные пиесы (“Чиновник” и “Зимняя дорога”) моего Ивана; сверток оставлен у Жуковского; когда ваше здоровье восстановится совершенно, то вытребуйте его и напишите мне голую правду»¹². Из дальнейшей переписки выясняется, что эти произведения Ивана Аксакова до Гоголя так и не дошли.

3 ноября Аксаков вновь пишет родным. «Как я рад, что альманах¹³ идет и “Зимняя дорога” пропущена. <...> Если Вы поедете в Москву, то я

¹ Панов Василий Алексеевич (1819–1849) – историк-славист, литератор славянофильского направления, издатель «Московских литературных и ученых сборников» 1846 и 1847 гг.

² И. С. Аксаков. Письма к родным. 1844–1849. М., 1988. С. 185, 606 (примеч.).

³ Судя по всему, И. М. Снегиреву на цензуру.

⁴ И. С. Аксаков. Письма к родным. 1844–1849. М., 1988. С. 187.

⁵ Погуляев Николай Тимофеевич (1821–1859) – выпускник Училища правоведения 2 выпуска (1841 г.), в то время служил старшим помощником секретарей в 1-м отделении 6-го департамента Правительствующего Сената.

⁶ Аксаков Григорий Сергеевич.

⁷ И. С. Аксаков. Письма к родным. 1844–1849. М., 1988. С. 196.

⁸ См.: Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем. М.: Наука, 1960. С. 148, 153; И. С. Аксаков. Письма к родным. 1844–1849. М., 1988. С. 609 (примеч.).

⁹ Дата, наверное, соответствует новому стилю.

¹⁰ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: в 14 т. Т. 12: Письма. 1842–1845 / Ред. Г. М. Фридендер. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1952. С. 542.

¹¹ См.: Отчет Императорской публичной библиотеки за 1893 год. Приложение. С. 23. Шевырëв Степан Петрович (1806–1864) – русский литературный критик, историк литературы, поэт славянофильских убеждений.

¹² Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем: Со включением всей переписки с 1832 по 1852 год. М.: тип. М. Г. Волчанинова, 1890. С. 149.

¹³ «Московский литературный и ученый сборник на 1846 год».

попрошу Вас посмотреть корректурный лист. Рукопись, бывшая у Панова, полна ошибок, вставок и вариантов, и выбора вариантов нельзя предоставить самому Панову. Я бы желал также, чтоб при напечатании альманаха отпечатали мне экземпляров “Зимней дороги”, если можно, хоть с 15; разумеется, я заплачу Панову за это. Во всяком случае, он должен мне возвратить как рукопись, так и книгу <стихов>»¹.

Однако сведения о пропуске цензурой «Зимней дороги», сообщенные Ивану отесинькой и братом Константином оказались преждевременными: ее запретил печатать попечитель московского учебного округа граф С. Г. Строганов². В связи с этим 10 ноября Аксаков возмущенно писал родным: «Опять не пропущена “Зимняя дорога”! Это несносно. Признаюсь, мне хотелось бы, чтоб она или “Чиновник” были напечатаны»³.

10 мая – уже следующего – 1846 года Иван пишет родным: «...на днях нанимаю я писца и заставляю его переписывать в одну рукопись “Чиновника”, “Зимнюю дорогу”, мелкие стихотворения, может быть, и введение в “Марию Египетскую” и отправлю его кому-нибудь из надежных людей, для отдачи цензору Очкину. Мне хотелось бы напечатать ее в конце года и таким образом расквитаться, разделаться с этими стихотворениями и с этим периодом моего развития... А потом дальше!»⁴.

А ровно через два месяца Иван направляет письмо П. А. Плетневу. Аксаков просит высказать мнение о стихах, собранных в рукопись: «Я собрал в одну рукопись большую часть написанных мною стихотворений и хочу напечатать их. О пропуске их Московскою Цензурою и думать нечего... Рукопись начинается “Чиновником”: <...> ...я думаю, что петербургские цензора (особенно Очкин) будут снисходительны и к моим стихам. Впрочем, я соглашусь, но только в случае крайней необходимости, даже и на уничтожение нескольких мест, например в конце “Зимней Дороги”: может быть их позволят заменить точками... <...> ...эти стихотворения (расположенные в рукописи в хронологическом порядке) принадлежат к первому периоду моей литературной деятельности... <...> Итак, я прошу Вас отдать мою рукопись в цензуру, с тем, чтоб она попала на просмотр к Очкину, или другому снисходительному цензору (только не к Никитенко)»⁵.

Спустя еще два месяца, 14 сентября, Иван уведомляет родных: «В четверг⁶ получил я, наконец, рукопись свою⁷. “Чиновник” весь, с начала до конца, зачеркнут; не пропущены также стихотворения: “Зачем опять тес-

¹ И. С. Аксаков. Письма к родным. 1844–1849. М., 1988. С. 204–205.

² См.: Там же. С. 612 (примеч). Сергей Григорьевич Строганов (1794–1882), граф – русский государственный деятель, археолог, меценат, коллекционер, московский генерал-губернатор.

³ Там же. С. 211. Если «Зимняя дорога» хоть и с купюрами, но вскоре была опубликована, то «Жизнь чиновника» впервые увидела свет лишь в 1861 году в Лондоне в изданном А. И. Герценом сборнике «Русская потаенная литература XIX столетия».

⁴ И. С. Аксаков. Письма к родным. 1844–1849. М., 1988. С. 248.

⁵ См.: Русский филологический вестник. 1915. Т. 74. № 3. С. 5–6.

⁶ То есть 12 сентября.

⁷ Рукопись стихов, посланную П. А. Плетневу для проведения через петербургскую цензуру и просмотренную цензором Очкиным.

нятся звуки” и пр. и “Сон”. В некоторых других пьесах также не пропущены некоторые стихи, напр<имер>, в послании к Языкову: “И стон молитв, и гром проклятий, И звуки страшные оков”. Но не так, однако же, чтоб нельзя было их печатать. “С преступной гордостью обидных” пропущено все, как было помещено, т. е. “Чтоб в прах рассыпался Содом!” Но главное, что меня радует, так это то, что “Зимняя дорога” пропущена почти вся: окончание о наборе пропущено совершенно, как было! Перечеркнуто только то, что я прибавил при переписке... <...> Но это безделица. Слава богу, я и этому рад. Нынче же отдаю писцу списывать “Чиновника”, которого пошлю в Одессу¹, а остальные стихотворения, прибавив к ним новые, может быть, даже отрывки из “Марии Египетской”, хочу или, лучше сказать, хотел бы издать нынешнею зимой. Обращаюсь к Константину с просьбой принять в этом живое и аккуратное участие. <...> Рукопись пошлю вам во вторник. По мере того, как будет печататься, я могу посылать в петербургскую цензуру дополнение»².

Естественно, Иван ответил 17 сентября и П. А. Плетневу: «...я получил наконец рукопись стихов моих. <...> Конечно, цензор многое выкинул, но я рад очень, что он оставил в “Зимней Дороге” место о рекрутском наборе и много других стихов, по которым можно догадываться о содержании вычеркнутых. “Чиновника” пошлю в Одессу»³.

Спустя еще месяц, 20 октября, Иван обращается с очередными просьбами к родным: «1) В рукописи переменить заглавие и назвать ее: “«Зимняя дорога» с приложением нескольких стихотворений Ивана Аксакова” вместо названия “Стихотворения”. 2) Переменить оглавление: сначала поместить “З<имнюю> дорогу”, за ней все прочие стихотворения, для чего нужно изменить нумерацию. Начните печатать, дополнение придет»⁴.

Однако, спустя три недели, Иван принимает окончательное решение, которое решительно формулирует 9 ноября в письме к родным: «Я вчера думал, думал и, наконец, придумал следующее. Нечего мне печатать своих стихотворений отдельною книжкой. Мелкие стихотворения слишком малочисленны и незначительны, “Зимняя дорога” — произведение слишком слабое, детское, ничтожное. <...> В журнале, в альманахе можно напечатать⁵, но не иначе. А потому решительно я отменяю печатание моей рукописи. Если это можно сделать, то пусть Панов возьмет процензурированную “Зимнюю дорогу” или по сношениям, которые он имеет с Очкиным, спросит его позволения. <...> Денежных выгод книжка не доставила бы мне никаких и выставилось бы только обобравшееся самолюбие или претензия. <...> Передайте все это Панову для надлежащих с его стороны действий. Теперь может он выбрать из рукописи, что угодно⁶....»⁷.

¹ В одесскую цензуру.

² И. С. Аксаков. Письма к родным. 1844–1849. М., 1988. С. 308.

³ Русский филологический вестник. 1915. Т. 74. № 3. С. 11.

⁴ И. С. Аксаков. Письма к родным. 1844–1849. М., 1988. С. 324.

⁵ В славянофильском альманахе она и была напечатана — в особом приложении к «Московскому литературному и ученому сборнику на 1847 год».

⁶ То есть стихотворения И. С. Аксакова для «Московского сборника» 1847 года.

⁷ И. С. Аксаков. Письма к родным. 1844–1849. М., 1988. С. 330.

Из этого отрывка становится ясно, что И. С. Аксаков переживает в это время кризис своей поэтической деятельности. Между тем именно в 1846 г. он приступает к реализации своего нового грандиозного замысла, к сожалению, незавершенного, но получившую впоследствии наибольшую известность – к написанию нового поэтического произведения, «повести в стихах», под названием «Бродяга».

Тем временем, 13 февраля 1847 г. С. Т. Аксаков сообщил Ивану о появлении в журнале «ругательной» статьи А. Д. Галахова¹ по поводу «Зимней дороги»². Критик отметил, что автор произведения не любит Ящерица и симпатизирует Архипову; высказано предположение, не себя ли И. С. Аксаков изобразил в лице «московского мечтателя», ибо в рассуждениях о русской народности, добродетелях мужика, достоинстве русского семейного быта и будущей судьбе России автор высказал такие «замечательные выражения славянофильского задора», что критик счел нужным их выписать³.

В ответном письме от 15 февраля Иван пишет: «"Отечеств<енных> записок" еще не видал, а потому и не знаю еще разбора "Зимней дороги". Я, впрочем, ничего другого и не ожидал, в ней можно похвалить разве некоторые места»⁴.

И вот, наконец, выходит из печати долгожданный славянофильский альманах с «Зимней дорогой»: 21-м февраля 1847 года отмечено цензурное разрешение «Московского литературного и ученого сборника на 1847 год»⁵. В оглавлении сборника можно прочесть: «В особом приложении. Зимняя дорога, драматические сцены в стихах и прозе, И. Аксакова».

Позже «Зимняя дорога» была опубликована еще дважды: в 1886 г. – в первом поэтическом сборнике И. С. Аксакова и в 1888 г. – в приложении к первому тому «И. С. Аксаков в его письмах». Отрывки из «Зимней дороги» в начале XX века были опубликованы и в известной антологии «Ранние славянофилы»⁶.

¹ См.: Отечественные записки. 1847. Т. 50. Кн. 2. Отд. VI. С. 91–92. Статья без подписи. Галахов Алексей Дмитриевич (1807–1892) – историк русской литературы. Его многочисленные научно-литературные статьи помещались в ряде изданий. Ближе всего он стоял к «Отечественным запискам» А. А. Краевского.

² Судя по всему, отдельные оттиски «Зимней дороги» уже были отпечатаны и получили распространение.

³ И. С. Аксаков. Письма к родным. 1844–1849. М., 1988. С. 652–653 (примеч.). Е. С. Калмановский обращает внимание, что автором критической статьи является В. Н. Майков (см.: Майков Вал. Н. Критические опыты. СПб., 1889. С. 136; Калмановский Е. С. Противоречия творческого сознания: поэзия Ивана Аксакова. С. 63). См. также негативный отзыв А. Григорьева в: «Московский городской листок». 1847. 17 июня. С. 524.

⁴ И. С. Аксаков. Письма к родным. 1844–1849. М., 1988. С. 354.

⁵ Московский литературный и ученый сборник на 1847 год. Сочинения: И. С. Аксакова. Н. В. Берга. Кн. П. А. Вяземского. Ю. В. Жадовской. В. А. Жуковского. Г-на Имрек <К. С. Аксакова>. Н. М. Карамзина. К. А. Коссовича. К. К. Павловой. М. П. Погодина. Я. Полонского. А. Н. Попова. Н. А. Ригельмана. С. М. Соловьева. С. И. И. Срезневского. А. С. Хомякова. Ф. В. Чижова. Н. М. Языкова. М.: В типографии Семёна, 1847. 6, XVIII, 708, 146, 32, 16 с., издатель В. А. Панов. Печатать позволяется... М., 1847 года февраля 21 дня. Цензор и Кавалер И. Снегирев.

⁶ См.: «Зимняя дорога» И. С. Аксакова // Ранние славянофилы: А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, К. С. и И. С. Аксаковы / сост. Н. Л. Бродский. М.: т-во И. Д. Сытина, 1910. С. 193–198.

В 1960 году аксаковская «поэтическая вольность» была напечатана Е. С. Калмановским в сборнике стихотворений и поэм И. С. Аксакова с исправлениями по спискам Рукописного отдела ИРЛИ с добавлением мест, не пропущенных московской цензурой¹. Авторы вступительной статьи к сборнику следующим образом представляют аксаковскую поэму: «Впервые в крупном поэтическом жанре (да и вообще в своем творчестве) Аксаков обратился к народному быту в “Зимней дороге” (1845). Это произведение (его трудно назвать “поэмой”, учитывая, как своеобразно оно построено) имеет подзаголовок “Licentia poëtica” (“Поэтическая вольность”). В нем нет единства, оно, действительно, совершенно “вольно” объединяет отдельные воспоминания автора, отголоски событий, отзвуки дум и мнений, приписывает различным персонажам его гражданские монологи и лирические признания. Внешне “Зимнюю дорогу” скрепляют споры западника Ящерица и славянофила Архипова. Ящерин – особенно искусственно составленный характер. <...> “Зимняя дорога” – самое славянофильское и одно из самых слабых произведений Аксакова-поэта. Однако необходимо особо отметить, кроме отдельных интересных мыслей и метких строк, реальную картину крестьянской бедности на последних его страницах. “Зимняя дорога” заканчивается женским воплем в избе, где остановились проезжающие Архипов и Ящерин: только что вернувшийся сын хозяина привез известие о том, что на ближайшее время назначен очередной рекрутский набор. <...> ...в “Зимней дороге” всего лишь собраны эмпирические наблюдения над крестьянским бытом и не сделана хотя бы слабая попытка подойти к обобщающему взгляду на народную жизнь»².

Спустя 34 года Е. С. Калмановским была опубликована еще одна статья, посвященная поэзии Ивана Аксакова. Здесь также дана характеристика «Зимней дороги»: «Особенно горька ему <И. С. Аксакову> “страдальческая судьба” родного народа – прежде всего крестьян, среди которых постоянно оказываются Архипов и Ящерин, одолевая свою зимнюю дорогу. – Его спутника – и автора тоже – Ящерин, в конце концов, корбит не своим “западничеством”, а непробиваемой самоуверенной слепотой по отношению к народу. <...> Попав на сей раз по пути в “черную, бедную избу”, Ящерин каждым словом, каждым жестом обнаруживает презрительное отношение к собравшимся в избе крестьянам. Ничего особенного, просто он так привык себя вести. Еще и запамятовал, к удивлению старухи крестьянки, что идет шестая неделя поста, т. е. пост продолжается. Все в Ящерине оскорбляет эту бедную, но подлинную жизнь. <...> Среди гнетущих душу видений в “Зимней дороге” проносится “молодая девушка прекрасной наружности» – и Голос напевает страдальчески: “Жаль мне и грустно, что ты, молодая, / Будешь томиться в глуши...” – Потом, позже, Другой голос скажет твердо и страшно: “Как безжалостно судьба, / По законам властелинским / Непреложности своей, / Давит ходом исполинским

¹ См.: Аксаков И. С. Стихотворения и поэмы. Л., 1960. С. 151–178, 279 (примеч.).

² См.: Дементьев А. Г., Калмановский Е. С. Поэзия Ивана Аксакова // Аксаков И. С. Стихотворения и поэмы. Л., 1960. С. 20.

/ Жизнь отдельную людей!..” – В “Зимней дороге” Аксаков собрал, свел вместе отечественные беды и боли. Действительное жите на глазах топорщится, противится благородным теориям, разумному взгляду»¹.

Современный исследователь К. А. Ожерельев в диссертации также рассматривает поэму И. С. Аксакова: «Новаторство поэмы “Зимняя дорога” <...> состоит в полемической гиперболизации концепций западников и славянофилов относительно проблемы народности. <...> Мотив дороги, зимнего пути оформляет напряженный спор двух попутчиков и ориентирует на историософскую проблему самоопределения России. <...> Неслучайно использование автором “говорящих” фамилий: Ящерин проясняет идею пресмыкательства перед Западом. Свои аргументы в полемике Ящерин предъявляет, не скрывая раздражения, как бы нехотя. В представлении же Архипова западная “жизнь по образцу” выступает как неживая, бездушная подмена естественной, полнокровной народной жизни. В поэме реализуется антитеза “органичный” и “искусственный”, ключевая для мирозерцания славянофилов. Архипова восхищают русская природа и народная культура... <...> Идущий “вслед за просвещенным веком” Ящерин в своих монологах постепенно выявляет отличительные черты современного И. С. Аксакову западничества – отсутствие гордости за сопричастность к родному народу и культуре, преобладание стыда за все русское. Сентенциям Ящерина не свойственен покаянный, очистительный стыд, которого не стесняется Архипов, признающий многие недостатки русской действительности. Архипов говорит о необходимости следовать за народом и в обыденной жизни, и в самобытных формах духовной культуры... <...> Последнее слово остается за Архиповым, который, в отличие от Ящерина, пожелавшего остаться неуступчивым, признал правоту своего оппонента в некоторых “проклятых вопросах”. Важную сюжетную роль в поэме играет русская песня “Вниз по матушке по Волге...”, появление которой предвосхищает развязку напряженного спора и проясняет “победителя” в нем, но не предотвращает драматического финала произведения»².

«Зимняя дорога» для И. С. Аксакова явилась своеобразным истоком его славянофильского творчества. Поэма была написана и вышла в свет в начале формирования раннего славянофильства. По сути дела, Иван Сергеевич стоял, в том числе и благодаря брату Константину, у истоков этого движения. В середине 40-х годов он был самым младшим из старших славянофилов. Впереди еще предстоял тернистый путь сквозь четыре сложнейших десятилетия российской истории. К середине 80-х годов И. С. Аксаков предстанет уже «последним могиканом славянофильства» – старейшим из ранней славянофильской плеяды. Он достойно пронесет поднятое знамя от раннего славянофильства к позднему, соединив две эпохи в развитии этого движения – от середины 40-х до середины 80-х годов, став

¹ См.: Калмановский Е. С. Противоречия творческого сознания: поэзия Ивана Аксакова. С. 64, 65.

² Подр. см.: Ожерельев К. А. Художественная картина мира в лирике К. С. Аксакова и И. С. Аксакова: дис. ... канд. филол. наук. Омск: Омский государственный педагогический университет, 2014. С. 138–139.

своеобразным мостом и, одновременно, центром среднего (срединного) славянофильства, пришедшегося на 1860-е–70-е гг.

Р. С. Первые музыкальные произведения на стихи молодого Ивана Аксакова были созданы его старшими современниками, классиками русского романса А. А. Алябьевым и А. Л. Гурилевым¹. Оба композитора положили на музыку стихи из «Зимней дороги». Созданию Алябьевым романсов «Жаль мне и грустно...» и «Взамен разлуки и печали...»² предшествовало знакомство композитора с автором стихов, которое произошло в июне – июле 1848 года на Серных водах»³. Исследовательница поэзии Ивана Аксакова в русской музыке Е. Г. Бабчёнкова отмечает: «Злоупотребив привычными для него водевильным интонациям, Алябьев превратил полные глубокого драматизма строки “Взамен разлуки и печали” в легкий сентиментальный романсик. Точно также не почувствовал он авторских эмоций в стихотворении “Жаль мне и грустно...”, сделав из него удалую плясовую. Иную интерпретацию, оказавшуюся гораздо ближе к изначальному настроению этих стихов, предложил Гурилев⁴. Впрочем, и он добавил в них свойственные ему чувствительно-сентиментальные интонации бытового романса. Причем, произошло это в том же 1849 году. Тогда же появилось еще одно произведение этого композитора на стихи из “Зимней дороги” “Кто слезы льет, простерши руки...”⁵. В нем Гурилев не только последовал точно за авторской интонацией, но и сумел самым органичным образом соединить лучшие черты бытовой песни и романса. Вероятно, это лучшее из музыкальных произведений, созданных на ранние стихи Аксакова»⁶.

¹ Алябьев Александр Александрович (1787–1851) – русский композитор, пианист, дирижёр. Гурилёв Александр Львович (1803–1858) – русский композитор, пианист, скрипач, альтист.

² Алябьев А. А. Жаль мне и грустно... // Нувеллист. СПб., 1850; «Романс»: Для голоса с ф.-п.; cis.1-e.2 / Слова И. Аксакова; Муз. А. Алябьева. СПб.; М.: М. Бернгард, б.г. 3 с.; Алябьев А. А. Взамен разлуки и печали... // Нувеллист. СПб., 1850; «Взамен разлуки и печали»: Романс: Для голоса с ф.-п.; до#1-ми.2 / Слова И. Аксакова; Муз. А. Алябьева. М.: Юргенсон, ценз. 1894. 3 с.

³ См.: Бабчёнкова Е. Г. Поэзия И. С. Аксакова в русской музыке // Аксаковские чтения: материалы XIV Международных Аксаковских чтений / Отв. ред. д.ф.н., проф. В. В. Борисова; Башк. гос. пед. ун-т им. М. Акмуллы. Уфа, 2013. С. 108; И. С. Аксаков. Письма к родным. 1844–1849. М., 1988. С. 377, 381, 385, 388, 391.

⁴ Гурилев А. Л. Бедная девушка. СПб., 1849.

⁵ Гурилев А. Л. Кто слезы льет, простерши руки. СПб., 1849.

⁶ См.: Бабчёнкова Е. Г. Поэзия И. С. Аксакова в русской музыке. С. 109.

2.3. Служба в качестве товарища председателя Калужской уголовной палаты, 1845–1847 гг.

«...судебная служба была своего рода чистилищем для будущего писателя: здесь он впервые лицом к лицу встретился с неказистой действительностью тогдашней Руси, и уже никогда не мог излечиться от первых впечатлений дореформенного суда»¹.

А. Никольский

Указом Правительствующего Сената 12 июля 1845 г. И. С. Аксаков был определен в должность товарища председателя Уголовной палаты в Калуге, но до 1 сентября находился в отпуске². 6 августа И. С. Аксаков из Абрамцева пишет письмо своему товарищу по Училищу правоведения Ф. А. Бюлеру: «Нынче же привезли мне из Москвы неприятное известие о перемене моей судьбы. Я назначен окончательно, указом Сената, товарищем предсе<дателя> угол<овной> пал<аты> в Калугу! <...> Кажется ты знаешь, почему мне не хотелось в Калугу?.. Город многолюдный, богатый губернским *beau-monde*, которого притязания самые несносные, – я там не знаю ни души, и устраиваться, и обзаводиться, и жить совершенно одному скучно. <...> В Калугу отправляюсь я в самых первых числах сентября»³.

Обратим ваше внимание на достаточно любопытное совпадение: 15 августа того же года царь Николай I утвердил «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных»⁴, которое вступило в силу 1 мая 1846 г. Впервые здесь появляется Общая часть. Правда, такого названия еще нет, но функции Общей части выполняет громадный первый раздел закона. Уложение огромно – более двух тысяч статей.

Среди писем И. С. Аксакова к родным калужского периода есть письмо от 30 октября 1845 г., в котором Иван Сергеевич дает развернутую характеристику данному нормативно-правовому акту: «Все эти дни был я очень занят чтением нового “Уголовного свода”, который я взял у архиерея. Ему частным образом прислали из Петербурга. <...>

Нельзя обнять вдруг всю применимость статей, но, сколько можно судить, так я доволен; множество случаев, не обозначенных прежде, приводили нас в затруднение, и мы, для того, чтоб достигнуть самых прекрасных результатов, должны были прибегать к разным недобросовестным натяжкам. Но теперь все эти вопросы или большая часть предусмотрены. Наказания очень строги, но зато судья имеет право принимать в рассмотре-

¹ Никольский А. Иван Сергеевич Аксаков // Аксаков И. С. У России одна-единственная столица... М., 2006. С. 454.

² И. С. Аксаков. Письма к родным. 1844–1849 / Изд. подгот. Т. Ф. Пирожкова. М.: Наука, 1988. С. 190, 497. Далее все ссылки на данное издание в тексте в круглых скобках с указанием страниц цитируемого письма.

³ Письма И. С. Аксакова к Ф. А. Бюлеру. Публикация В. Г. Бухерта // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. [Т.] IX. С. 188–189.

⁴ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Санктпетербург: Типография второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1845. XIV, 592 с.

ние даже нравственные побуждения преступника, как-то: бедность, сильное оскорбление и множество других. Конечно, это подает повод к большим злоупотреблениям. Между тем, как я рад этому, ибо звание судьи возвышается, от него требуется глубокое понимание человека, он не простой исполнитель буквы, по духу этих законов ему дается довольно большое поприще для толкования обстоятельств, – вероятно, другой плут, уездный судья, начнет делать такие толкования и рассуждения, что невольно пожалеешь о данном ему произволе. <...>

Смертная казнь, как и прежде, только за известные преступления. Кнута нет, вместо него плети через палача. Работа в каторге распределяется на несколько разрядов по числу лет. Есть временная ссылка на житье в Сибирь и в некоторые губернии, заключение в тюрьме и крепости на несколько лет и т. п. Число лет, срок составляют оттенки бесчисленные. Можно упрекнуть составителей “Свода” в этих излишних подробностях, в этой претензии обозначить все тончайшие оттенки характера преступления <...> недостаток, общий всем отвлеченным людям, работающим в кабинете и не знакомым с практикой. Впрочем, нельзя и требовать многого. Вполне может образоваться суждение об этом “Своде” только тогда, когда всякая статья перебивается в деле. Конечно, в нем заметно направление европейского гуманизма, но он все лучше, нежели прежний. Но все же и этому “Своду” точкой отправления служит еще “Уложение” царя Ал<ексея> Мих<айловича>, ибо Петр Вел<икий> не сделал никакого почти преобразования в угол<овных> законах, да и не нужно было ему; царь Ал<ексей> Мих<айлович> советует всегда *нещадно бить*, и сын любил эти отцовские советы. Признаюсь, я с нетерпением жду времени, когда можно будет привести в действие “Свод”; мне приятно будет, например, свободно и смело оставить мать, не донесшую на детей своих, без наказания, между тем, как еще теперь (недавно у нас был такой случай) я прибегаю ко всем подъяческим хитростям, чтоб достигнуть человеческого результата. <...> Многое, однако ж, мне очень не нравится, именно наказание несовершеннолетним. Они за тяжкие преступления заключаются лет на 5 или 6 в тюрьме – на *одинокое* сидение. Это ужасно и нелепо. <...>

Редакция “Свода” очень тяжела, язык так неповоротлив у них и темн, что будет часто затруднять в деле. Вообще – в нем мало улучшений, но видна также смесь разнородных начал; горшок, в котором сварены вместе и “Уложение” Алекс<ея> Мих<айловича>, и берлинский “Кодекс”, и разные Landrecht. Несмотря на это, за многие облегчения наказаний, за данное судье право – входить в соображение побудительных причин и обстоятельств, сопровождавших дело, – я все-таки рад ему» (с. 202–204).

Всего известны 112 писем И. С. Аксакова к родным, связанных с калужским периодом его жизни: с 7 сентября 1845 г. по 19 апреля 1847 г.¹ (с.

¹ Подлинники писем см.: Рукописный отдел Института русской литературы Российской академии наук (г. Санкт-Петербург), фонд 3: опись 12, единица хранения 19, л.л. 1 – 222 об.; опись 9, единица хранения 7, л.л. 6 – 15 об. Первая публикация: И. С. Аксаков в его письмах. Ч. 1. Учебные и служебные годы. Т. 1. Письма 1839–1848 годов. М., 1888. С. 232–436.

169–368). Именно эти письма положены нами в основу данной публикации.

Итак, 5 сентября 1845 г. И. С. Аксаков выезжает из Москвы и на следующий день прибывает в Калугу. 7 сентября, вечером он пишет первое письмо к родным из калужской гостиницы «Киев»: «Я приехал вчера вечером часу в 8-м... <...> Приехавши, напился чаю и лег спать довольно рано, но и встал рано, выбрился, умылся, оделся, натянул мундир и часу в 9-м отправился <...> к губернатору Николаю Михайловичу Смирнову. <...> Оттуда поехал к председателю, Ал<ександру> Ив<ановичу> Яковлеву... Ограничен, дело смыслит плохо, но довольно, кажется, оборотлив, картежник, сделал себе состояние женитьбой... <...> ...отправился вместе с ним же к Хитрову, вице-губернатору... <...> От него поехал в палату. Заседатель Карпов и секретарь хорошие люди и грамотные. Дел в палате очень немного, дела идут исправно, арестантов почти нет... Я ввел уже некоторые необходимые исправления, взял несколько дел на дом, со временем постараюсь привести еще в лучший порядок...» (с. 169–172).

9 сентября И. С. Аксаков пишет: «Нынче в понедельник, часу в 1-м (здесь ездят в присутствие не раньше 11), поработав над делами, отправился в палату, где просидел до 3-го часа. С председателем мы в учтивых, но холодных отношениях. Он игрок и принадлежит совсем к другому классу общества» (с. 172–175). 17 сентября И. С. Аксаков пишет письмо к другу-однокашнику по Училищу правоведения Д. А. Оболенскому: «Я приехал в Калугу, не зная ни души, познакомился сейчас с У<нковс>кими; прекрасное семейство, особенно старик. Губернатор приехал также за несколько дней до меня, Н. М. Смирнов, он также хороший человек»¹.

По приезде в Калугу И. С. Аксаков стал вести славянофильские разговоры о русском платье, реформах Петра I, отрыве русского общества от народа, достоинстве мужика, подыскивал новых адептов «московского направления», мечтал придать калужским губернским ведомостям славянофильский характер. Константин Сергеевич был чрезвычайно обрадован стараниями брата².

Случалось Ивану Сергеевичу вступать в спор и со своим непосредственным начальником. Вот как он об этом пишет 6 октября: «...на днях в палате произошел следующий случай: по одному делу был толк, и Яковлев не согласился с мнением моим и прочих членов. Я сказал, что не уступаю ничего и подам, если нужно, особое мнение; прочие члены объявили, что они поступят, как и я... Яковлев дал предложение, с которым *никто* не согласился, и решение исполняется по большинству голосов, т. е. наше... Я могу без хвастовства сказать, что этого бы не было без меня, я знаю из прежних речей г<оспод> членов, в каком они угодливом расположении были к председателю (действующему в этом случае согласно с желанием Смирнова). Я же никого не уговаривал, но объявил вслух, что я думаю так,

¹ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах: Эпистолярный дневник 1838–1886 гг. с предисловием, комментариями и воспоминаниями А. Ф. Аксаковой: В 3 т. Т. I. Письма 1844–1849 гг. М., 2003. С. 189–190.

² Пирожкова Т. Ф. Примечания // И. С. Аксаков. Письма к родным. 1844–1849. М., 1988. С. 605.

вот причины, и ни для кого на свете не изменю своего мнения. Тогда прочие объявили, что думают, как я, и также намерены крепко держаться своего мнения, несмотря на то, что Яковлев в самых хороших теперь сношениях с Смирновым и бывает у него чуть ли не каждый вечер. Дело это пойдет еще к Смирнову на утверждение: не знаю как он поступит» (с. 188–190). Спустя год в письме от 9 ноября 1846 г. И. С. Аксаков замечает: «С Смирновым опять стал ссориться по службе. Он требует изменения наших приговоров, я на это не соглашаюсь...» (с. 329–331).

В очередном письме к родным от 16 октября И. С. Аксаков следующим образом характеризует свою служебную деятельность: «Уедет кто-нибудь на рынок продавать, его сейчас обвиняют, что он отлучился от должности, и предадут суду палаты. Разумеется, мы употребляем все подъяческие уловки, чтоб их не подвергать суровому наказанию. Может быть, иногда поступаем противозаконно, зная, что дело не пойдет в Сенат... К чему закон, когда соблюдение его есть высшее нравственное беззаконие. <...> ...делать самые жестокие вещи ради исполнения закона, буквы закона, несмотря на противозаконность нравственную и часто на собственное убеждение... Впрочем, надо признаться, что всякую подобную благонамеренную неправильность достаточно умею оградить я всеми судебными хитростями. Что интересно в этой службе – так это самые преступники, арестанты, которых видишь лицом к лицу. До сих пор мало было важных случаев. С прокурором уж мы официально поссорились. Он дал протест, с которым, по моему настоянию, признаться, не согласились» (с. 193–196).

Далее в калужских письмах И. С. Аксакова к родным следует четырехмесячный перерыв. В конце декабря 1845 г. И. С. Аксаков уехал на рождество в Москву с намерением пробыть лишь до 9 января, однако там заболел и до конца апреля находился с семьей в Абрамцево¹. А с 1 мая 1846 г. вступило в силу «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных». И уже 4 мая Иван Сергеевич вновь пишет к родным из Калуги: «Палата теперь вся в полном комплекте, исключая секретаря, который болен уже 4 месяца. <...> Применение нового “Свода” очень затруднительно, и с ним много возни. Первая примененная мною статья из него была о покушении на самоубийство!» (с. 242–244).

В том же мае месяце свершилось примечательное событие – вышел из печати «Московский литературный и ученый сборник»². Сборник был призван обозначить новое направление русской мысли, так называемое «московское направление», определявшее путь преодоления социального и духовного кризиса русского общества. Здесь были опубликованы: «Отрывок из семейной хроники» С. Т. Аксакова, статья К. С. Аксакова «Несколько слов о нашем правописании» и пять стихотворений И. С. Аксакова. В рецензиях, появившихся на этот сборник в «Библиотеке для чтения» и в

¹ См.: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах: Эпистолярный дневник 1838–1886 гг. Т. I. Письма 1844–1849 гг. М., 2003. С. 262.

² М., 1846. 586 с.

«Современнике», эти стихотворения отмечаются особо. А. В. Никитенко в своем анализе сборника счел нужным похвалить стихотворения И. С. Аксакова: «Стихотворения г. Аксакова служат лучшим украшением Сборника по своему истинному славянофильскому направлению, а потому их место там, а не в каком-нибудь другом журнале»¹.

В письме от 18 мая И. С. Аксаков пишет: «Яковлев в палату не ездит, обрадовавшись, что я приехал; я там работаю довольно старательно, но покуда все очень трудно и сбивчиво с новым “Сводом”. Но наказания, особенно для простого народа, выходит гораздо легче; ссылка в Сибирь для них существует только очень не в многих случаях, отдача в солдаты за преступления по суду уничтожена почти вовсе, и самое частое теперь наказание для крестьян (в высшей мере) – розги не более 70 ударов и отдача на время – от одного года до шести лет – в исправительные гражданские арестантские роты на работы; по окончании срока они возвращаются на место жительства... Хотя в этих ротах мужик едва ли исправится, если не испортится пуще» (с. 251–252).

4 июня Иван Сергеевич вновь пишет о работе: «Сам я постараюсь у вас быть в июле м<еся>це, хотя мой председатель сам куда-то хочет в половине июля. Ведь вот беда: секретарь у нас болен, а Карпов взял себе июнь (а в июле-то, может быть, его уже сделают советником губ<ерн>ского> правления); кроме же этих людей и меня, никто, никто решительно ничего не смыслит в новом “Своде”: кого следует розгами, они кнутом, кого должно оставить на месте жительства, они в Сибирь» (с. 262–263). И 21 июня добавляет: «...каждый день хожу я в палату, где несколько часов сряду пишу, работаю, не вставая с места, и это меня очень утомляет <...> тем более, что я там совершенно один, мне даже не с кем посоветоваться и все должен брать на свою ответственность, на свою душу» (с. 273–275).

Первые две декады июля И. С. Аксаков находился у родных в Абрамцеве и Москве. Но уже 23 июля он извещает родных из Калуги: «Вчера был в палате, принялся вновь за службу... <...> Дела пропасть. Новый заседатель Полознов, хороший человек, но дела еще вовсе не знает. В мое отсутствие почти ни одного путного дела не решили, но, впрочем, я захватил некоторые решенные уже и утвержденные Яковлевым дела и должен был перерешить их вновь и совершенно наыворот. Удивительно, до какой степени он ничего не смыслит!» (с. 277–280).

30 июля И. С. Аксаков пишет: «Я теперь исправляю должность председателя, и Яковлев, по возвращении, найдет много перемен в канцелярии, т. е. некоторое очищение, изгнание пьяниц и т. п. Что это за ужасная, губительная язва – чиновнический клан, особенно мелких канцеляристов-

¹ См.: Белевцева Н. П. Книги, принадлежавшие Аксаковым, в мемориальной библиотеке музея-усадьбы «Мураново» // Аксаковские чтения. Материалы конференции 1983 года. Абрамцево, 1988. С. 54.

писцов! Если б вы знали, в какой степени развращают они народ и распространяют в нем ябедничество» (с. 281–283).

А в письме от 10 августа он упоминает о переписке с прокурором: «Я теперь веду по службе бранчивую переписку с прокурором, который надоел своим пустыми и подъяческими протестами... Я сам пишу ответы, довольно эффектные и резкие, где вывожу на чистую воду, без подъяческих темных фраз, всю нелепость его замечаний. Так уж надоела мне эта ложь и учтивость на бумаге! Прокурор покуда замолк, но взял копии с моих ответов, вероятно, для отсылки к министру, у которого это существо департаментского происхождения на отличном счету» (с. 286–289).

Следующее письмо от 21 сентября интересно реакцией нашего героя на скорое прибытие ревизора: «Министр юстиции присылает сюда чиновника своего ревизовать калужскую уголовную палату, т. е. собственно “уголовное судопроизводство в Калужской губернии”. Нам он об этом ничего не пишет, но губернатор получил от него о том официальную бумагу. Чиновник этот – начальник отделения в департаменте, Кастор Лебедев... <...> Он обыкновенно писал министру предложения по уголовным делам... Служа весь век в Петербурге, он не может судить никак о практическом применении законов и о возможности исполнения предписанных обрядов и форм в палатах, но, чтоб проехаться не даром и придать себе значения, вероятно, будет придирается ко всему. Объявив эту новость в канцелярии, я, однако же, не сделал никаких распоряжений для приготовления к ревизии: пусть все будет так, как есть. Я очень хорошо знаю, что главное, разрешение дел, производится мною самым добросовестным образом и между тем довольно быстро. Что не исполняется, так это или по глупости законов, или по недостатку средств и времени. <...> Если б вы знали, как подчас бывает мне тяжело нести на своих плечах всю палату. Секретарь у нас все еще болен, члены остальные только подписывают и не способны помогать мне, некому даже поручить написать бумагу, а между тем дел много, дел, требующих большого соображения при применении нового “Уложения”. Часто приходится из пяти и шести томов выбирать статьи для какого-нибудь незначительного решения... Я учетверяюсь в палате и работаю так быстро и без отдыха в продолжение этих четырех часов, что, право, иногда чуть-чуть дурно не делается» (с. 311–312). И 1 октября добавляет: «Ревизор наш еще не приезжал. Яковлев трусит ужасно, но я воспротивился всяким подготовкам и надуваниям и оставляю все в том виде, в каком оно было всегда...» (с. 315–316).

В письме от 30 ноября И. С. Аксаков описывает свое времяпровождение: «Встаю я часов в 8, иногда раньше. Пью чай, курю, займусь чем-нибудь или с просителями – 10-й час, пора ехать в палату... <...> Часу в 3-м возвращаюсь прямо в дом и там обедаю в 3 часа. После обеда выслуши-

ваю порцию музыки или пения (уж я так завел) и отправляюсь домой. Дома или читаю, или просто хожу по комнате, начну заниматься польским языком или чем-нибудь другим, – является кто-нибудь из моих калужских приятелей: редко случается вполне свободный вечер. Пью чай. Проходит время. Перед ужином, часу в 12-м, опять отправляюсь в дом, после ужина домой и в постель. Жизнь прездоровая и преспокойная» (с. 335–337).

В письме от 3 декабря И. С. Аксаков описывает приезд ревизора: «...ревизор был уже у нас и окончил свою ревизию. – Это было в пятницу. Приехал он к нам в два часа, просидел полчаса и уехал, потребовав к себе на дом секретаря с приговорами, решенными по “Уложению”, просмотрел их, потребовал какую-то ведомость и этим окончил ревизию. Лебедев – тип петербургского чиновника, физиономии самой скверной, в белых перчатках, – в обращении с чиновниками, даже председателем, дерзок и свивноват. Разумеется, я в этом случае как правовед составлял для него исключение. Пока он объяснялся с Яковлевым и толковал им о докладном регистре, я ходил взад и вперед по комнате присутствия. Только тогда, когда я услышал, что Яковлев на спрос Лебедева о порядке делопроизводства стал отвечать какой-то вздор и лгать, я подошел и сказал, что этого нет, того не исполняется, и вообще порядок, законом предписанный, не наблюдается, а делаем мы так-то. На что Лебедев, прикусив язык, ничего не отвечал» (с. 337–339).

В феврале выходит из печати второй «Московский литературный и ученый сборник на 1847 год»¹. Здесь были опубликованы три критические статьи К. С. Аксакова и три произведения И. С. Аксакова – два стихотворения и поэма «Зимняя дорога». «Отечественные записки»² назвали стихотворение И. С. Аксакова «К портрету» лучшим среди 14 других, помещенных в сборнике и принадлежавших известным поэтам: В. А. Жуковскому, К. К. Павловой, П. А. Вяземскому, Н. М. Языкову, Я. П. Полонскому, Ю. В. Жадовской³.

19-м апреля датировано последнее письмо И. С. Аксакова из Калуги: «На этой неделе покончил почти все важнейшие дела в палате: я твердо решился не уезжать, пока не решу этих дел при себе; этого требовала совесть. <...> ...в течение одной недели я решил участь 40 арестантов, из которых человек 12 ссылаются в каторгу (в том числе 9 молодых баб), остальные в Сибирь или в солдаты, или в арестантские роты, – и все резолюции писал сам» (с. 368).

¹ М., 1847. 910 с.

² 1847, т. 52, № 5–6, с. 13.

³ Пирожкова Т. Ф. Примечания // И. С. Аксаков. Письма к родным. 1844–1849. М., 1988. С. 643.

Перед отъездом И. С. Аксаков, как свидетельствует А. О. Смирнова¹, читал свои судебные сцены «Утро в уголовной палате», которые впервые опубликовал А. И. Герцен в «Полярной звезде»².

В письме родным от 22 марта 1847 г. И. С. Аксаков подводит итоги своего пребывания в Калуге: «...я много подвинулся в знании жизни, много, очень много передумано, прожито, приобретено и утрачено в эти полтора года, проведенные мною в Калуге», а в письме от 25 марта добавляет: «С уголовной частью я свыкся, имею почти 5-летний запас опытности: это дает смелость, резкость и самостоятельность моим суждениям... <...> Уголовные дела принесли мне много пользы. Держа меня постоянно в связи с практическою жизнью, они знакомят меня и с внутренним бытом народа, и разнообразием случаев раскрывают много сторон разнообразной души человека» (с. 361–364).

Р. С. Спустя почти четыре десятилетия после описываемых событий Иван Сергеевич вспоминал: «Старый суд! При одном воспоминании о нем волосы встают дыбом, мороз дерет по коже!.. Мы имеем право так говорить. Пишущий эти строки посвятил служебной деятельности в старом суде первые, лучшие годы своей молодости. Воспитанник Училища правоведения, стало быть, обязательно поступивший на службу по ведомству министерства юстиции, еще в сороковых годах – он изведal вдоль и поперек все тогдашнее уголовное правосудие, в провинции и столице, в канцеляриях и в составе суда (в последнем как член по назначению от правительства). Это была воистину мерзость запустения на месте святе! Со всем пылом юношеского негодования ринулся он вместе со своими товарищами по воспитанию в неравную борьбу с судейской неправдой, – и точно так же, как иногда и теперь, встревоженная этим натиском стая Кривосудов поднимала дикий вопль: “Вольнодумцы! Бунтовщики! Революционеры!..” <...> Пред нами невольно встают воспоминания – одно возмутительнее другого. Какие муки, какие терзания испытывала душа, сознавая бессилие помочь истине, невозможность провести правду через путы и сети тогдашнего формального судопроизводства!»³.

¹ Смирнова-Россет А. О. Записки, дневник, воспоминания, письма. М., 1929. С. 254.

² См.: Самые достоверные записки чиновника-очевидца. Присутственный день уголовной палаты. Судебные сцены, изложенные отставным надворным советником, бывшим секретарем Правительствующего Сената, бывшим товарищем председателя Уголовной палаты, бывшим обер-секретарем Правительствующего Сената, бывшим чиновником министерства внутренних дел // Полярная звезда. Кн. 4. Лондон, 1858. С. 9–106.

³ См.: Аксаков И. С. О старых судах (по поводу усилившихся нападений в газетах и обществе на новый суд) // Русь. 1884. № 4. 15 февраля.

2.4. «Судебные сцены», опубликованные А. И. Герценом в «Полярной звезде» в 1858 году

«...эти сцены, как верная докладная записка, имеют все грустное достоинство истины, все печальное значение действительного факта. Пусть это сознание, лишаящее меня художественной заслуги вымысла, сообщит предлагаемым сценам строгую занимательность правды и смысл обличительного современного документа»¹.

И. С. Аксаков

В автобиографии Ивана Сергеевича можно прочесть следующее: «В 1857 году напечатаны в Лондоне, в “Полярной звезде” (без ведома автора), его “Судебные сцены, или Присутственный день Уголовной палаты”»².

И действительно, аксаковские «сцены» впервые были опубликованы в «Полярной звезде», но только в 1858 году, под следующим развернутым наименованием: «Отрывок из книги: Самые достоверные записки чиновника очевидца. Присутственный день Уголовной палаты. Судебные сцены, изложенные отставным надворным советником, бывшим секретарем Правительствующего Сената, бывшим товарищем председателя Уголовной палаты, бывшим обер-секретарем Правительствующего Сената, бывшим чиновником Министерства внутренних дел»³.

Однако вернемся во вторую половину 1840-х годов. В это время, с сентября 1845 по апрель 1847 года, Аксаков служил товарищем председателя уголовной палаты в городе Калуге. Именно тогда у него появился замысел написать судебные сцены, посвященные быту уголовной палаты, очевидцем которого он был на протяжении полутора лет службы.

А. О. Смирнова-Россет⁴ вспоминает, что перед своим отъездом из Калуги Аксаков «читал свой саро d’orega⁵ критики: “Утро в уголовной палате”. Тут представлен Александр Иванович Яковлев⁶ среди его забот о пряжках, белилах, башмаках и наряде актрис нашего губернского театра»⁷. Судя по всему, это был первый вариант аксаковской пьесы. Так, известный исследователь славянофильства Т. Ф. Пирожкова отмечает: «Это – самое

¹ Полярная звезда на 1858 год, издаваемая Искандером и Н. Огаревым. Книжка четвертая. Лондон: Вольная русская типография, 1858. С. 5.

² На самом деле – в 1858 году. См.: <Автобиография И. С. Аксакова> // Аксаков И. С. Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1960. С. 33–34.

³ См.: Полярная звезда на 1858 год, издаваемая Искандером и Н. Огаревым. Книжка четвертая. Лондон: Вольная русская типография, 1858. С. 3–100.

⁴ Александра Осиповна Смирнова (06.03.1809, Одесса – 07.06.1882, Париж); урождённая Россет, известная также как Россети и Смирнова-Россет – фрейлина русского императорского двора, знакомая, друг и собеседник А. С. Пушкина, В. А. Жуковского, Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова. Ей приписываются откровенные, подчас язвительные и не всегда достоверные воспоминания о жизни русского общества первой половины XIX века.

⁵ Шедевр (итал.).

⁶ В то время – председатель калужской уголовной палаты.

⁷ Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания / Издание подготовила С. В. Житомирская. М.: Наука, 1989. С. 230.

большое из художественных произведений писателя. Множество деталей в пьесе указывают на то, что она создавалась еще в 40-х годах, в Калуге. Внимательный читатель заметит связь калужских писем с "Судебными сценами"¹.

Спустя почти шесть лет, 22 января 1853 года, Аксаков из Абрамцева напишет письмо И. С. Тургеневу, в котором упоминает «судебные сцены»: «Про себя скажу вам, что я очень, очень много занимался нынешнюю зиму изучением древних наших учреждений, чтением грамот, актов и проч. О результатах этого чтения поговорим когда-нибудь на досуге. Написал я также довольно большую вещь, которую бы мне очень хотелось вам прочесть. Это – "Отрывок из книги: Самые *достоверные* записки чиновника-очевидца. Присутственный день уголовной палаты. Судебные сцены"... Верность, грустная верность описания в сочинении подобного рода есть главное достоинство, и я могу им похвалиться. Вы знаете, я служил почти десять лет в разных должностях и в разных углах России, и изнанка жизни, лицевую сторону которой представляют законы, именно быт судебный, мне коротко знакома»².

В письме к родным из Петербурга от 7 сентября 1853 года отметит: «Вчера по приглашению Блудовой³ обедал у них в Павловске и читал им после обеда свои "Судебные сцены". Блудов⁴ был в восторге. Вообще эти сцены здесь в большом ходу»⁵. Надо сказать, что 1853 годом датировано и предисловие И. С. Аксакова к «Судебным сценам»⁶. Тем же годом отмечена и рукопись, сохранившаяся в фонде С. А. Юрьева (1821–1888), литературного и театрального критика и драматурга⁷.

Важные сведения о «судебных сценах» содержатся в приложении к 3-му тому писем Аксакова к родным, где указана дата завершения предуведомления к пьесе – это 1853 год, а также в примечании сказано, что они «напечатаны в нескольких экземплярах 1-го Дек<абря> 1854 года в Лондоне»⁸. К сожалению, больше никаких сведений об этих «нескольких

¹ См.: Пирожкова Т. Ф. «Много я ездил по России...» // Аксаков И. С. Письма из провинции. Присутственный день в уголовной палате. М., 1991. С. 19–20.

² См.: Письма С. Т., К. С. и И. С. Аксаковых к И. С. Тургеневу. С введением и примечаниями Л. Майкова. (Отдельный оттиск из «Русского обозрения» 1894 г.). М., 1894. С. 45–47. В письме к родным из Харькова от 14.08.1854 г. Иван Сергеевич вспоминал: «"Судебные сцены" – тетрадь очень толстая – были написаны и два раза переписаны меньше, чем в две недели» (И. С. Аксаков. Письма к родным. 1849–1856. М.: Наука, 1994. С. 297).

³ Блудова Антонина Дмитриевна (1812 или 1813–1891), графиня – фрейлина императрицы, дочь Д. Н. Блудова.

⁴ Блудов Дмитрий Николаевич (1785–1864) – с 1839 г. управляющий 2-м отделением императорской канцелярии, с 1855 г. президент Академии наук, с 1861 г. председатель Государственного совета и Комитета министров.

⁵ См.: И. С. Аксаков. Письма к родным. 1849–1856 / издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М.: Наука, 1994. С. 247–249.

⁶ См.: Рукописный отдел Института русской литературы. Ф. 3. Оп. 1. № 69. 101 л.

⁷ Аксаков И. С. «Самые достоверные записки чиновника очевидца. Присутственный день уголовной палаты. Судебные сцены» (РГАЛИ. Ф. 636. Оп. 1. № 625. 82 л.).

⁸ И. С. Аксаков в его письмах. Часть первая. Учебные и служебные годы. Т. III. Письма 1851–1860 гг. М., 1892. Приложение. С. 2.

экземплярах» обнаружить не удалось. Вероятно, что речь в этом случае идет не о 1854-м, а о 1857-м годе.

В 1856 году, когда цензурный гнет несколько ослаб и в подцензурной печати появились «Губернские очерки» М. Е. Салтыкова-Щедрина, Аксаков надеялся, что и его «Судебные сцены» будут пропущены цензурой¹. Об этом он напишет в письме к родным из Николаева 27 сентября 1856 года: «Если в “Вестнике” напечатана статья Безобразова о русском крестьянине и “Губернские очерки”², то не было никакого основания не пропускать моих стихов и “Судебных сцен”»³.

Весной 1857 года, когда Аксаков находился за пределами России, А. И. Герцен послал ему письмо с предложением опубликовать «Судебные сцены» в «Полярной звезде». О путешествии Аксакова по Европе и его парижский адрес сообщил Герцену Н. А. Мельгунов⁴. По всей видимости, именно последний в конце 1856 года вместе с различными материалами для «Голосов из России» переслал Герцену и список пьесы Аксакова⁵.

Аксаков ответил на предложение Герцена отказом. Это видно из письма Ивана Сергеевича к родным от 24 апреля (6 мая) из Парижа: «Я получил из Лондона предложение напечатать “Утро в уголовной палате” отдельным изданием, с именем или без имени; в Лондоне – Бог знает как – два экземпляра моей “Уголовной палаты”. Но я не дал согласия. Надеюсь, что пропустят ее в России. Впрочем, так как там есть экземпляры, то, пожалуй, могут и не уважить мой отказ»⁶.

Около 8 (20) августа 1857 года недалеко от Лондона состоялась встреча Аксакова и Герцена, о которой вспоминала Н. А. Огарева-Тучкова: «Приезжали и люди вполне порядочные, развитые, сочувствовавшие Герцену. Между ними один только в эту эпоху меня глубоко поразил своей благородной, немного гордой наружностью, цельностью, откровением своей натуры. Это был Иван Сергеевич Аксаков. Он знал Герцена еще в Москве. Тогда они стояли на противоположных берегах. Читая во многих заграничных изданиях Герцена о разочаровании его относительно Запада, Аксаков, вероятно, захотел проверить лично, ближе ли стали их взгляды, и убедился, что они – деятели, идущие по двум параллельным линиям, которые никогда не могут сойтись... <...> В продолжение нескольких дней Герцен и Аксаков много спорили, ни один не считал себя побежденным, но у них было обоюдное уважение, даже больше, какая-то симпатия, какое-то

¹ Цимбаев Н. И. И. С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978. С. 59.

² «Губернские очерки» М. Е. Салтыкова-Щедрина начали печататься в «Русском вестнике» (1856. Т. IV. № 7–8) и печатались до конца года. Здесь же была помещена и заметка В. П. Безобразова по поводу статьи Бланка «Русский помещичий крестьянин».

³ См.: И. С. Аксаков. Письма к родным. 1849–1856. М.: Наука, 1994. С. 254–256.

⁴ См.: Литературное наследство. Том 62: Герцен и Огарев. Кн. II. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 358.

⁵ Там же. С. 328. Также см.: Эйдельман Н. Я. Тайные корреспонденты «Полярной звезды». М., 1966. С. 84; Порох И. В., Порох Вл. И. Герцен и И. Аксаков на рубеже 50–60-х годов XIX века // Революционная ситуация в России в середине XIX века: деятели и историки. М.: Наука, 1986. С. 88, 101.

⁶ И. С. Аксаков в его письмах: Эпистолярный дневник 1838–1886 гг.: в 3 т. Т. III. Письма 1857–1886 гг. Полемические речи. Воспоминания / Сост., подгот. текста, примеч. Т. Ф. Прокопова. М.: Русская книга, 2004. С. 14.

влечение друг к другу; так они и расстались бойцами одного дела, но с разных отдаленных точек»¹. Кстати, Герцен в письме от 17 (29) августа 1857 года известит И. С. Тургенева: «Здесь был Ив<ан> Акс<аков>, и мы с ним очень, очень сошлись; его драмат<ические> сцены будут в IV «Пол<ярной>звезд<е>»².

Об этих встречах Аксаков позже вспомнит в письме в редакцию газеты «День», подписанным псевдонимом «Касьянов». В частности, он передаст рассказ Герцена о мучительных ощущениях, пережитых им в Англии в год осады Севастополя, и его горячие уверения, что он не принимал ни малейшего участия в революционных воззваниях к раскольникам, незадолго перед тем перехваченных в России³.

Герцен и Аксаков договорились об обмене изданиями. Кроме того, руководитель Вольной русской типографии получил в лице Аксакова нового корреспондента. После лондонского посещения Аксакову уже не довелось больше лично встретиться с Герценом. С конца 1857 и до середины 1861 года основной формой общения между ними была переписка, которая велась конспиративно⁴.

Спустя полгода после встречи, 14 (26) февраля 1858 года, Герцен спросит Аксакова: «Я еще не знаю до сих пор, получили ли вы 100 экземп<ляров> сцен?»⁵. Речь в письме Герцена, вероятно, идет об отдельных оттисках «Судебных сцен», из «Полярной звезды» 1858 года, датированных 1857-м годом⁶.

Между тем, 17-м февраля (1-м марта) 1858 года отмечен выход в свет IV книги «Полярной звезды». Здесь помещено 21 произведение (в том числе 16 стихотворений: 8 Н. П. Огарева, 6, неизданных, А. С. Пушкина и 2 – неизвестных сочинителя). Основное место в литературной части альманаха, как всегда, занимали «Былое и думы». Пользуясь смягчением обстановки в стране, Герцен напечатал, между прочим, те главы, которые прежде не решился бы: из III части («Москва после второй ссылки. 1842–47») – об отношениях и разногласиях с Грановским и другими друзьями перед отъездом, о «наших» и «не наших» (т. е. московском кружке и славянофилах). Описав без прикрас споры, даже вражду своей партии со славянофилами в 40-е годы, Герцен с теплотой, уважением и грустью нарисовал, между прочим, портреты «не наших» – Константина Аксакова, Киреевских, Хомякова⁷.

¹ Огарева-Тучкова Н. А. Воспоминания. М., 1959. С. 116.

² Герцен А. И. Собр. соч.: в 30 т. Т. 26: Письма 1856–1859 годов. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 117.

³ Подр. см.: «День». 1863. 11 мая. № 19; Аксаков И. С. Собр. соч.: в 7 т. Т. 2. М., 1886. С. 113; Письма А. И. Герцена и Н. П. Огарева к Ив. С. Аксакову // Мурановский сборник. Вып. 1. Изд. Музея имени поэта Ф. И. Тютчева в Муранове, 1928. С. 92–93.

⁴ Известны пять писем Аксакова к Герцену за 1857–1861 гг. (впервые опубликованы в газете «Вольное слово». 1883. 1 мая. № 60) и девять писем Герцена к Аксакову за 1858–1860 гг. (опубликованы в 30-томном собрании сочинений Герцена).

⁵ Герцен А. И. Собр. соч.: в 30 т. Т. 26. С. 161.

⁶ См.: Судебные сцены. Отрывок из книги «Самые достоверные записки чиновника очевидца». Лондон: Вольная русская книгопечатня, 1857. 100 с. Авторство Аксакова установлено по изданию «Сводный каталог русской нелегальной и запрещенной печати XIX века. М., 1971. С. 4.

⁷ Подр. см.: Эйдельман Н. Я. Тайные корреспонденты «Полярной звезды». М., 1966. С. 80–81.

В этой же книге анонимно была напечатана и пьеса Аксакова. По-видимому, согласие на опубликование «Судебных сцен» в «Полярной звезде» Герцен получил во время посещения Лондона Аксаковым¹. Герцен считал «Судебные сцены» «гениальной вещью», в которую «только надобно вчитаться – надобно дать взойти в душе всему грустному, скрытому в смехе и пошлости»².

Предисловие к сценам «От издателя» было написано Герценом и подписано им 1-м декабря 1857 года: «„Судебные сцены“ были нам присланы два раза, оба раза с другими рукописями, напечатанными в четырех книжках “Русских голосов”. Мы медлили в издании этого превосходного произведения, во-первых, потому, что такое сочинение составляет значительную литературную собственность; во-вторых, думая, что при новом порядке вещей, “Судебные сцены” могут быть напечатаны в России; но, кажется, что романтическое преследование взяток и бесправия так далеко не идут.

Через два года мы решаемся их печатать, извиняясь в самовольном поступке перед неизвестным автором. Нам было бы очень больно, если б он был этим недоволен.

“Голосам из России” мы не могли уступить такую пьесу, мы ее, как почетного гостя, сажаем на первое место – в наш красный угол»³.

Прочитав это предисловие, Аксаков в первой половине мая 1858 года отвечал: «Благодарю вас за отзыв в “Полярной звезде”. Он так искусно написан, что мне до сих пор никаких запросов не было»⁴. В этом же письме он писал: «Ч. доставил мне от Шнейдера 10 экземпляров “Полярной звезды”. Остальных покуда нет возможности доставить в Россию иначе как по частям»⁵.

Исследователь Т. Ф. Пирожкова замечает, что «пьеса типизирует черты, которые оставались неизменными для всей России на протяжении не одного века: суд оберегает интересы дворянского сословия, представителей которого и судить “совестно”, “просто рука не подымается”; при противоречащих свидетельствах предпочтение отдается знатному свидетелю перед незнатным; всех судить надо по всей строгости законов, а знакомого человека отчего не пощадить, а за вознаграждение – тем более; дела решает секретарь, остальные чиновники способны только бездумно подписывать готовые бумаги, что они и делают на протяжении всей пьесы»⁶.

¹ См.: Герцен А. И. Собр. соч.: в 30 т. Т. 26. С. 388.

² Из письма А. И. Герцена к М. К. Рейхель от 4 (16) ноября 1857 года // Герцен А. И. Собр. соч.: в 30 т. Т. 26. С. 137.

³ Полярная звезда на 1858 год, издаваемая Искандером и Н. Огаревым. Книжка четвертая. Лондон: Вольная русская типография, 1858. С. 4.

⁴ Вольное слово. 1883. № 60. С. 4–5; цит. по: Эйдельман Н. Я. Тайные корреспонденты «Полярной звезды». М., 1966. С. 82.

⁵ См.: РГБ. Ф. 69. П. IX. № 2. Приведенные строки были исключены при публикации письма в «Вольном слове». 28 марта 1858 года В. А. Черкасский был в Париже, по пути домой писал А. И. Кошелеву, что 16 апреля надеется быть в Москве. Проезжая Берлин, Черкасский, по-видимому, захватил у Ф. Шнейдера посылку, ожидавшуюся Аксакова (Эйдельман Н. Я. Свободное слово Герцена. М., 2009. С. 73).

⁶ См.: Пирожкова Т. Ф. «Много я ездил по России...» // Аксаков И. С. Письма из провинции. Присутственный день в уголовной палате. М., 1991. С. 19–20.

В предуведомлении к своему сочинению Аксаков поясняет: «Считаю нужным объяснить читателям, с какой точки зрения смотрю я сам на свое произведение. Не изъявляя претензий на художественное достоинство эти сцены, как верная докладная записка, имеют все грустное достоинство истины, все печальное значение действительного факта. Пусть это сознание, лишаящее меня художественной заслуги вымысла, сообщит предлагаемым сценам строгую занимательность правды и смысл обличительного современного документа.<...> Гораздо опаснее для общества те грехи, которые чествуются “грешками”; те пороки, которые извиняются легко, уживаются со снисходительною совестью, живут рядом с хорошими свойствами души, принимают даже какую-то вполне искреннюю, добродушную физиономию, убаюкивают самое (с. 5) сознание какою-то особенною простосердечною логикой. Эта сеть малых грешков и пороков опутывает в сильной степени наше общество и каждый из нас более или менее страдает тем же недугом. Но особенно опасно оказывается эта болезнь в быту судебном, где она в союзе с властью, где каждое ее проявление передается непосредственно тяжкими гибельными ударами действительной жизни...

С этою целью выставлены мною даже не взяточники, а люди «честные» и даже добрые. Моя служебная деятельность доставляла мне возможность узнавать таких чиновников близко, и если не всему, то весьма и весьма многому, изложенному в судебных сценах, был я сам очевидцем.

Самое трагическое здесь, по моему мнению, это неправда, совершаемая добродушно и большею частью бессознательно.

Многим покажутся скучными эти сцены, но пусть они поскучают. Пусть знакомятся они с изнанкою той жизни, которой лицевую сторону представляют законы, пусть знают, каким порядком по большей части совершается современный суд в России. В верности моего изложения – я убежден – поручится всякий, кому известен судебный быт не только столичный, но и провинциальный, не по одним книгам и законам, но на самом деле и по опыту»¹.

В пьесе всего несколько главных действующих лиц. Это – председатель палаты, два заседателя от дворянства, заседатель от купечества, секретарь, помещик, а также – три писца, главный сторож, канцеляристы, конвойные солдаты и три арестанта. Товарищ председателя и второй купеческий заседатель находятся в отпуске. Все действие происходит в присутственной комнате уголовной палаты.

Приведем несколько примеров «живописных» и «красноречивых» реплик от лица главных действующих лиц.

¹ Полярная звезда на 1858 год, издаваемая Искандером и Н. Огаревым. Книжка четвертая. Лондон: Вольная русская типография, 1858. С. 5–6.

1-й заседатель от дворянства. Я вам всю мудрость открою. (*Кладет перо.*) Первое дело, это чтоб секретарь был хороший и добрый, ну и – не очень корыстный. Коли секретарь человек знающий, дело-то и ладно, уж он присутствующих ни под выговор, ни под штраф не подведет... Я ведь вот как рассуждаю: ведь на что-нибудь секретарь да заведен, ведь коли бы мы и дела стали читать и законы приискивать и резолюции все сочинять, так тогда зачем и секретарь? <...> все это дело секретарское, а не наше.

Он же. У нас оттого и заведение такое, коли прокурору что в решении не нравится, или губернатору, так мы домашним образом и переправляем дело. Что его в сенат-то таскать? Зато уж, если все промахнемся, или дело решим криво, то уж все молчок, друг друга не выдадим, все шито да крыто, дело-то ведь общее...

Он же. Я вам доложу, я вот уже 17 лет здесь сию: не такие дела делались, рассказать вам, так и не поверите, уж про такие дела нынче и не услышите, а все, слава Богу, сходит с рук – ни жалобы, ни штрафа.

2-й заседатель от дворянства. Разумеется, если кто из знакомых попросит, так отчего ж иногда и не пощадить...

1-й заседатель от дворянства. По-моему мнению, эдакие дворянские дела и до палаты-то доводить не следует. Это бы надо, знаете, порядком домашним, семейным, через предводителя.

Председатель. То-то и есть!.. Ну как же его осудить, ведь, ей-богу, совестно как-то!.. Ведь все же он, как хотите, наш брат дворянин. Ведь для чего-нибудь нас дворяне-то выбрали.

1-й заседатель от дворянства. Был я заседателем земского суда... то-то весело жили! У нас так все волости и были поделены: у исправника свои, у заседателя свои... Что в каждой волости примерно женского полу, то одного заседателя, что в другой – то мое. Приедешь, бывало, на следствие в волость, так как сыр в масле и катаешься. Сотские уж так дело свое и знают... Ну, конечно, с иной ласкою, а иную и припугнешь.

Председатель. Один свидетель, да хорош – генерал! Генерал врать не станет, а коли соврет, значит, уж должно было так соврать, не даром! Что ж, мы и генералу не станем верить?.. Ведь генерал двух свидетелей стоит!

Он же. Ведь приговорить-то к тяжкому наказанию, да еще дворянина... это... это просто рука не подымается... А он еще и знакомый человек, и полковник, и такой приятный...

Секретарь. Вот, Александр Матвеевич, его превосходительство, губернатор прислал приговор по делу купца Панкрашова. Он его не утверждает, а просит его переменить*.

* Приговоры уголовных палат поступают все на утверждение к губернатору, который, если не согласен с приговорами, представляет дело с

решением палаты и со своим мнением в Сенат. Решение палаты по подписании приговора изменено членами быть не может. (*Примеч. И. С. Аксакова.*)

В царской России «Судебные сцены» были напечатаны, по крайней мере, еще трижды: в журнале «Заря»¹, двумя изданиями в Лейпциге² и в приложении к 3-му тому аксаковских писем³.

И, наконец, еще один любопытный поворот темы. Уже в советское время, в 1939 году, М. С. Нароковым была опубликована пьеса, написанная на основе «судебных сцен» Аксакова⁴. В новой пьесе получила развитие основная тема аксаковского первоисточника и появились новые сюжетные линии. Нароков в предисловии пишет: «Для этого надо было выйти из парадных стен “Присутствия” и показать холодные сени палаты, где дожидались приговора эти безвестные “имяреки”. Надо было перебросить наше внимание и в губернский “салон” и в дворянскую усадьбу, развернуть галерею характеров, той живой плоти эпохи, в гуще которой обильно заваривались и пышно расцветали ее “уголовные сюжеты”»⁵. Была ли она поставлена на сцене? – нам сей факт не известен.

¹ Аксаков И. С. Судебные сцены, или Присутственный день Уголовной палаты // Заря. 1871. Апрель.

² [Аксаков И. С.] Присутственный день уголовной палаты: Судебные сцены из записок чиновника очевидца Лейпциг: Е. Л. Каспрович, 1874, (напеч. в Наумбурге в тип. Г. Пеца). 120 с. (Международная библиотека; Т. 5). 2-е изд. Лейпциг: Е. Л. Каспрович, 1875. [Автор в книге не указан: установлен по изд.: Сводный каталог русской нелегальной и запрещенной печати XIX века: Книги и периодические издания. 2-е доп. и перераб. изд. М., 1981. Ч. 1. С. 14; Вольная русская печать в Российской публичной библиотеке. Пг., 1920. № 3253].

³ Аксаков И. С. Отрывок из книги: Самые достоверные записки чиновника очевидца. Присутственный день Уголовной Палаты. (Судебные сцены) // И. С. Аксаков в его письмах. Часть первая. Учебные и служебные годы. Т. III. Письма 1851–1860 гг. М., 1892. Приложение. С. 17–91.

⁴ См.: Нароков М. С. Уголовная палата: Пьеса в 4 действиях: (Сюжет заимствован у И. С. Аксакова). М.: Искусство, 1939. 156 с.

⁵ Там же. С. 8.

ГЛАВА 3. ЧИНОВНИК ПО ОСОБЫМ ПОРУЧЕНИЯМ ПРИ МИНИСТРЕ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ (1848–1851)

3.1. Чиновник по особым поручениям при министре внутренних дел Л. А. Перовском

«Я иду своей дорогой и вовсе не хлопочу в жизни о покое, удобствах и приятностях...»¹.

И. С. Аксаков – родным, 4 апреля 1849 г.

Высочайшим приказом 21 сентября 1848 г. Аксаков в чине коллежского асессора был причислен к министерству внутренних дел², где прослужил до 5 апреля 1851 г.³.

В этот период министерство внутренних дел возглавлял Л. А. Перовский, который приобрел большую известность своей борьбой со злоупотреблениями в полиции Москвы и Петербурга. Если раньше основным источником, на основании которого министерство судило о состоянии дел на местах, был отчет губернатора, в котором имелся специальный раздел, посвященный полиции, то с 1830-х гг. начинает расширяться практика служебных командировок чиновников МВД с целью ознакомления с деятельностью органов городской и сельской полиции. Среди служащих МВД увеличивается число так называемых «чиновников для особых поручений», проводивших значительную часть времени в командировках⁴.

Предписаниями министра от 19 и 21 октября 1848 г., Аксаков был командирован в Бессарабию, где под предлогом ревизии сельских хлебных магазинов и еврейских училищ осуществлял секретное поручение по изучению раскола. Необходимость командировки была связана с участвовавшими сношениями заграничных старообрядцев с российскими раскольниками. Создание Белокриницкой иерархии (1846) и открытые претензии на объединение всех старообрядцев поповщинского толка под ее главенством вынудили Российское правительство принять спешные меры к пресечению этих сношений.

¹ И. С. Аксаков. Письма к родным. 1844–1849 / Изд. подгот. Т. Ф. Пирожкова. М.: Наука, 1988. С. 487.

² Подр. см.: Аксаков И. С. Об определении его в министерство внутренних дел чиновником особых поручений (РГИА. Ф. 1284. Оп. 33. № 334. 44 л.).

³ Подр. см.: Аттестат о службе надворного советника Ивана Сергеева сына Аксакова, С. Петербург 2 июня 1851 года (РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. № 132. Лл. 2–3; Аттестат о службе И. С. Аксакова, 2 июня 1851 года / публикация С. В. Мотина // Аксаковские чтения: материалы XI Всерос. научн. конф. Уфа, 2 окт. 2009 г. Уфа: Вагант, 2009. С. 82–90. Также см.: Формулярный список о службе И. С. Аксакова. Подлинник. 2 мая 1849 г. (РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. № 131. 5 л.).

⁴ См.: Органы и войска МВД России. Краткий исторический очерк. М., 1996. С. 25–26.

Находясь в течение многих лет вне дома, Аксаков писал родным обстоятельные письма¹. Все важнейшие события в социально-политической и культурной жизни России и Европы 1840–1850-х гг. нашли отражение в переписке Аксакова. Поездке в Бессарабию посвящены 18 писем Аксакова к родным, написанных в течение двух месяцев с 31 октября по 27 декабря 1848 г. (1, 398–458). География командировки получила отражение в письмах из Орла, Курска, Харькова, Одессы, Бендер, Кишенева, Скулян, с австрийской границы, из Новоселиц, Сорок и Измаила.

В одном из писем к родным Аксаков следующим образом характеризует свою позицию по проблеме раскола в Бессарабии: «Я не могу сочувствовать гонениям, возбужденным Министерством; а вижу, что они не только не принесли пользы, а, напротив, сделали ужаснейший вред и посеяли непримиримую вражду к православию. Я думаю ограничиться одним собранием сведений, всегда нужных и любопытных, даже для того, чтобы посудить о сделанном вреде, и этим закончу свое поручение» (1, 444: 14.12.1848).

По возвращению из Бессарабии, 23 января 1849 г. Аксаков докладывал о результатах командировки министру Л. А. Перовскому². Позже Аксаков в своей записке «О бессарабских раскольниках»³ отметил, что невежество полицейских чиновников в вопросах веры делает их совершенно неспособными к надзору за действиями старообрядцев. Он считал необходимым, чтобы губернаторы убедили чиновников, имеющих сношения с раскольниками, «соблюдать должное приличие и не оскорблять их бесполезными и даже опасными насмешками»⁴.

С 21 января и до начала мая 1849 г. Аксаков находился в Петербурге. В это время им были написаны «две докладные записки министру» (1, 463: 4.2.1849). И позже он пишет к родным: «Я никуда не езжу, нигде не бываю; жизнь идет колеею самой обычной ежедневности, сижу дома, читаю, занимаюсь...» (1, 468: 17.2.1849); «...теперь пишу статью о царанах по официальным документам... Это будет поучительная повесть о трудности согласить помещичье звание с выгодами и свободой крестьян; в ней изложится история всех попыток и действий администрации относительно их и необходимость вмешательства правительства в это дело, которое иначе никогда не решится... Об остзейских крестьянах есть уже обработанная статья. Таким же образом надо будет обработать статьи о половниках Вологодской губернии, о контрактных крестьянах в западных и т. д. Между

¹ См. два тома издания писем И. С. Аксакова, подготовленные проф. Т. Ф. Пирожковой: И. С. Аксаков. Письма к родным. 1844–1849. М.: Наука, 1988; И. С. Аксаков. Письма к родным. 1849–1856. М.: Наука, 1994. Далее издание 1988 г. обозначим как том 1, издание 1994 г. как том 2, и все ссылки на них будем давать в скобках с указанием тома, страницы и, через двоеточие, даты написания письма.

² Историк Н. В. Варадинов в последнем томе своего труда упоминает о «командировке министерского чиновника» в Бессарабскую область по делам старообрядцев и приводит выдержки из его отчета. См.: Варадинов Н. В. История министерства внутренних дел: в 8 т. СПб., 1858–1863. Т. 8. С. 591.

³ Впервые: Русский архив. 1888. Кн. 3. С. 434–451. Перепечатана.: Аксаков И. С. Отчего так нелегко живется в России? – М., 2002. – С. 849–863.

⁴ Аксаков И. С. Записка «О бессарабских раскольниках» // Русский архив. 1888. № 3. С. 451.

тем Беляев¹ напишет историю крестьянского сословия в России до Петра. Одного из своих товарищей я засадил за выписки из “Полного собрания законов”, из всех указов, начиная с Петра, где упоминаются крепостные; надо бы также сделать выписку из всех уголовных дел с Петра, где видны отношения помещиков с крестьянами. Все это поможет изучить настоящий быт помещичьих крестьян и, следовательно, подвинуть дело эмансипации, которое должно быть впереди всех других. Без него едва ли прочие возможны...» (1, 470: 21.2.1849).

В шесть часов вечера 18 марта 1849 г. Аксаков был подвергнут пятидневному аресту. После возвращения из-под ареста Аксакову было предложено готовиться к поездке в Ярославскую губернию. «Я теперь просто завален делами министерства по Ярославской губернии, которые необходимо прочесть перед отправлением туда» (1, 486: 31.3.1849). «Я очень много занимаюсь работой самой скучной, т. е. делами по городскому хозяйству Ярославской губернии. Делаю выписки из тех дел, которые мне нельзя взять с собою и которые, однако же, необходимы, а теперь поручено мне рассмотреть бюджеты всех этих городов и написать на них замечания здесь, чтобы министерство могло от себя сообщить их местному начальству до моего приезда, а я, в силу сделанных будто бы министерством замечаний, буду требовать исправления...» (1, 494: 23.4.1849). Кроме того, 30 апреля 1849 г. Л. А. Перовский дал Аксакову «еще поручение довольно важное и секретное, тоже о раскольниках» (1, 496: 2.5.1849). Наконец, 2 мая 1849 г. было сделано предписание Л. А. Перовского о направлении Аксакова в Ярославскую губернию с поручением обревизовать городское хозяйство Ярославской губернии.

23 мая 1849 г. Аксаков прибывает в Ярославль полный желания проявить себя². «Работаю с 7 часов до 9 и 10 часов вечера почти безостановочно. И какая работа! Кропотливая, сложная, сухая... Мне должно составить, между прочим, самый подробный список городских недвижимых имуществ, городской поземельной собственности. Здесь в думе, и по случаю двух пожаров, не пощадивших ее архивы, и по случаю небрежности, почти нет никаких актов, так что дума сама не знает, что принадлежит частному лицу, что городу... Приходится делать выборку из всех дел и бумаг думы старых – обо всем, что относится до частной и городской собственности, потребовать у всех владельцев акты и описать их, а как у двух третей нет никаких актов, то должно будет употребить дознание, исследования,просы и пр., ибо определением границ частной собственности определится собственность общественная» (2, 15: 5.6.1849).

Особое рвение Аксаков испытывал к секретному поручению. В частности, он отмечает, что «в московском расколе есть еще что-то почтенное,

¹ Беляев Иван Дмитриевич (1810–1873), историк-славянофил, автор труда «Крестьяне на Руси» (1860).

² См.: 127 писем И. С. Аксакова (23.5.1849 – 29.3.1851 гг.), связанные с ярославским периодом жизни: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 12. № 23. Л. 1–262 (2, 5–212). Также см.: Дунин А. А. И. С. Аксаков в Ярославле // Русская мысль. 1915. № 8. С. 217–231; Талин В. И. С. Аксаков как церковный публицист // Русская будущность. СПб., 1916. Приложение. № 9.

рижский раскол бесстыдно откровенен, а здешний подл в высшей степени; ни один не признается, что он раскольник, все притворяются до такой степени, что иной может ошибиться и почесть их самыми усердными православными... Но такой раскол все же слабее прочих. Притворство есть уже уступка, и мой план – заставить их запутаться в своем собственном двоедушии до такой степени, что раскол для детей их сделается решительно невозможным. <...> Думаю в скором времени послать министру внутренних дел подробное изложение своего взгляда на положение здешних раскольничьих дел, и буду сильно протестовать против так называемой единоверческой церкви» (2, 21: 17.6.1849).

Известны две опубликованные записки Аксакова, посвященные ярославским раскольникам: «О расколе и об единоверческой церкви в Ярославской губернии»¹ и «Записка о ярославских раскольниках»². Как и ранее в Бессарабии, Аксаков осуждал гонения на старообрядцев со стороны государства, и достаточно прочесть письма родным, сравнить его рапорты и докладные записки министру внутренних дел с официальным изданием³, чтобы стала понятной степень отличия его взглядов от мнений правительства. В Ярославской губернии Аксаков приводит население целого города Романова-Борисоглебска к православной вере, не прибегая к принуждению.

Аксаков детально изучает каждый случай по делу о расколе, стараясь справедливо оценить сложившуюся ситуацию. «На этой неделе, отправив в хозяйственный департамент огромную ведомость по ревизии топографической съемки городов, в то же время отправил я и министру в собственные руки записку о расколе и о единоверии в здешней губернии и в Романове-Борисоглебске в особенности. <...> Не знаю, как найдет это все министр. Записка написана очень резко и противоречит несколько его взглядам о единоверии вообще. Я же против единоверческой церкви – решительно, для здешнего раскола» (2, 32: 16.7.1849).

С августа 1850 г. по февраль 1851 г. Аксаков был включен в следственную комиссию графа Ю. И. Стенбока⁴ по расследованию дела, в котором «замешано старообрядство и совершенно новая и опасная секта...» (2, 153: 25.6.1850). Комиссия обнаружила в 15 верстах от Ярославля в

¹ Рукопись «Записки»: РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 1. № 47. Текст записки датирован 13 июля 1849 г., г. Рыбинск. Впервые: Аксаков И. С. Полн. собр. соч.: в 7 т. Т. 7. М., 1887. С. 848–864. Перепечатана: Аксаков И. С. Отчего так нелегко живется в России? М., 2002. С. 864–876.

² Записка оформлена в виде рапорта министру внутренних дел графу Л. А. Перовскому, датирована 30 июля 1849 г. и является дополнением к рапорту Аксакова от 13 июля 1849 г. Впервые: Труды Рязанской ученой археографической комиссии за 1888 г. Вып. 3. Рязань, 1889. С. 80–84. Перепечатана: Аксаков И. С. Отчего так нелегко живется в России? М., 2002. С. 877–884.

³ См.: Собрание постановлений по части раскола. СПб., 1858.

⁴ Стенбок-Фермор Юлий Иванович (1812–1870), чиновник по особым поручениям при министре внутренних дел, впоследствии председатель департамента уделов.

с. Сопелки ранее неизвестную секту бегунов. Сложность проведения следствия состояла в сочетании фактов уголовных преступлений с религиозной деятельностью секты. «Несколько шаек воров, разбойников и конокрадов составляют эту новую секту. В предписании ко мне министра именно сказано, чтоб я обнаружил связь учения раскольничьего с преступлениями и влияние его на народную нравственность. Следовательно, и в комиссии два предмета: гражданские преступления и раскол с его догматической и исторической стороной» (2, 165: 24.8.1850).

Настроения Аксакова ярко выражены в одном из писем к родным: «Я убедился, что пропаганда раскола становится все сильнее и сильнее, я убежден, что ей суждено еще долго распространяться. Право, скоро Россия разделится на две половины: православие будет на стороне казны, правительства, неверующего дворянства и отвращающего от веры духовенства, а все прочие обратятся к расколу. Берущие взятку будут православные, дающие взятку – раскольники» (2, 177: 30.10.1850).

Своеобразным итогом деятельности Аксакова в рамках следственной комиссии стало служебное донесение, поданное им министру внутренних дел Л. А. Перовскому. Часть донесения была в 1866 г. опубликована¹. Издатель «Русского архива» П. И. Бартенев в примечании к публикации отмечал: «Эта краткая записка есть собственно только заключительная статья особого сочинения о странниках или бегунах, которое в свою очередь составляет часть обширной деловой записки (до 600 стр.), составленной И. С. Аксаковым в 1851 году из подлинного дела, которое производилось тогда в Ярославской губернии и которого самому автору пришлось быть участником»².

Завершая записку о странниках, Аксаков высказал ряд мер: «...я должен сознаться, что не вижу никаких мер, которые, при настоящем порядке вещей, могли бы ослабить значение раскола, как протеста, ибо протест подобного рода может быть уничтожен только отнятием повода к протесту. Впрочем, вот некоторые меры, которые, по мнению моему, были бы не бесполезны. 1) Специальное образование священников для мест, зараженных расколом. <...> 2) ...необходимо привести в порядок все имеющиеся в Министерстве раскольнические документы, книги и рукописи, составить из них особую библиотеку и сделать ее доступною всякому жела-

¹ «Краткая записка о странниках или бегунах» (текст записки составлялся в 1851 г. См. об этом в письме Аксакова к родным от 8.2.1851 г. (2, 199). Рукописная копия докладной записки находится в РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 1. № 73. 32 л. Впервые: Русский архив. 1866. № 4. С. 627–644. Перепечатана: Аксаков И. С. Полн. собр. соч.: в 7 т. Т. 7. М., 1887. С. 834–847. См. также: Аксаков И. С. Отчего так нелегко живется в России? М., 2002. С. 885–894. Также см.: Исследование о секте странников в Ярославской губернии (донесения и пр.): РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 1. № 48. 39 л.

² Русский архив. 1866. № 4. С. 627.

ящему заняться этим изучением¹. <...> 3) Позволить печатно всем и каждому, как православному, так и раскольнику, писать и рассуждать о расколе. <...> Кроме этого, я убежден, что если б позволено было напечатать историю иной раскольнической секты, сектаторы сами бы устыдились общественного о себе мнения, – и в этом одном было бы гораздо больше пользы, чем в ссылке целой сотни сектаторов в Сибирь или Закавказский край, где ссыльные проповедью своею заражают новые места и готовят новые рассадники раскола для России»². Таким образом, благодаря двум командировкам, в Бессарабию и в Ярославскую губернию, Аксаков стал крупным специалистом по истории раскола.

Подведем итоги. За два с половиной года службы чиновником по особым поручениям при министре внутренних дел И. С. Аксаков совершил две командировки: в Бессарабию, где под предлогом ревизии сельских хлебных магазинов и еврейских училищ осуществлял секретное поручение по изучению раскола; в Ярославскую губернию, где проводил ревизию городского хозяйства губернии и занимался секретным поручением министра по изучению проблем раскола. В марте 1849 г. в Петербурге Аксаков был подвергнут III отделением пятидневному аресту, в результате этого важнейшего в его жизни события мы получили уникальную возможность познакомиться с еще только формирующимися славянофильскими взглядами «младшего из старших» славянофилов и его интерпретацией славянофильского учения.

В период службы в МВД И. С. Аксаков, наряду с поэтическим творчеством (в первую очередь речь идет о поэме «Бродяга»), пишет свои первые публицистические статьи и целый ряд служебных записок о расколе. Во время пребывания своего в Ярославле, уездных городах и селах Ярославской губернии И. С. Аксаков написал несколько статей: 1) «Об общинной жизни в губернских городах», 2) «О ремесленном устройстве в некоторых селениях Ярославской губернии», 3) «Ответ крестьян помещику о работе на фабриках» и 4) «Мирской приговор Рыбинской Ловецкой слободы, Ярославской губернии»³.

¹ Сам Аксаков за время своей ярославской командировки собрал богатую коллекцию старообрядческих рукописей, которые внимательно изучал и использовал в своих записках о расколе.

² Аксаков И. С. Отчего так нелегко живется в России? М., 2002. С. 893–894.

³ Эти статьи Аксаков позже намеревался напечатать во 2-м томе «Московского сборника»; но ни одной из них Московский цензурный комитет не допустил к печати и о каждой из них дал свой отрицательный отзыв (подр. см.: Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 1–22. СПб., 1888–1910. Кн. 12. С. 140–143).

3.2. «Передряга» 18–22 марта 1849 года

«Призови, прочти, вразуми, отпусти»¹.
Император Николай I

18 марта 1849 г. Иван Сергеевич Аксаков был подвергнут III отделением пятидневному аресту. Поводом к аресту Аксакова, как объясняет издатель его писем, была близость его с Ю. Ф. Самариным², резкость некоторых выражений в семейных письмах, попавших в руки тайной полиции, и, наконец, неосновательное подозрение, возникшее в официальных сферах, что начавшееся в Москве славянофильское направление, находится в связи с панславистским учением на Западе³.

Откровенность Аксакова в письмах иногда была чрезмерной. Хотя он и сознавался, что ему «много приходит в голову мыслей, которых нельзя писать по почте», чаще всего все-таки не сдерживался. Отец Аксакова, Сергей Тимофеевич, недовольный такой неосторожностью, неоднократно пытался остановить и вразумить сына: «...не слишком ли откровенна твоя критика в письмах к нам?»⁴. Да и сам И. С. Аксаков в одном из своих писем от 6 декабря 1848 г. отмечал, что «я совсем сбился в сторону и написал вам много такого, что вам должно хранить в строжайшем секрете»⁵. Тем не менее, он позже 21 февраля 1849 г. писал: «Я убежден, что никогда никто не читает моих писем на почте. Если б читать письма всех, которые воображают, что их письма читаются, то не достало бы времени»⁶.

Однако 18 марта 1849 г. в секретном полицейском донесении московскому генерал-губернатору А. А. Закревскому советы Аксакова об осторожности оценивались следующим образом: «Предостережение брата Аксакова доказывает, что у них <славянофилов> кроме известной правительству цели должна скрываться какая-нибудь другая. Если бы сего не было, то тогда зачем бы им было бояться и остерегаться»⁷. В тот же день, в шесть часов вечера был «доставлен в штаб корпуса жандармов, подполковником Левенталем чиновник министерства внутренних дел Аксаков и помещен в столовом зале графа»⁸. Штаб корпуса жандармов находился в Петербурге у Цепного моста, по адресу Фонтанка, 16. Одновременно были доставлены следующие сведения о найденных у Аксакова бумагах и книгах:

¹ РГИА. Ф. 1093. Оп. 1. № 379. Л. 8; Порох В. И. И. С. Аксаков и царизм (конец 40 – начало 60-х годов) // Освободительное движение в России. Вып. 13. Саратов, 1989. С. 52.

² Самарин Юрий Федорович (1819–1876), славянофил, публицист.

³ См.: И. С. Аксаков в его письмах. Часть первая. Учебные и служебные годы. Том второй. Письма 1848–1851 годов. М., 1888. С. 123–124.

⁴ Цит. по: Дементьев А. Г., Пирожкова Т. Ф. И. С. Аксаков и его письма к родным. 1844–1849 гг. // И. С. Аксаков. Письма к родным. 1844–1849. М., 1988. С. 535.

⁵ И. С. Аксаков. Письма к родным. 1844–1849. М., 1988. С. 436.

⁶ Там же. С. 472.

⁷ Центральный государственный архив г. Москвы, ф. 16, оп. 37, «Дело о славянофилах», т. 2, л. 2–2 об.

⁸ Цит. по: Сухомлинов М. И. И. С. Аксаков в сороковых годах // «Исторический вестник». 1888. № 2. То же в: Аксаков И. С. У России одна-единственная столица... М., 2006. С. 370.

«1) Черновая книга, в которой Аксаков, еще воспитываясь в Училище правоведения, до 1842 года, вписывал переводы с латинского языка, замечания из истории, свои мысли о Невском проспекте и других предметах, более в сатирическом роде. Здесь же вложены отдельные листы с стихотворениями его, из которых замечательно послание к бывшему соученику его, князю Оболенскому. В этом стихотворении Аксаков, через год по выходе из училища и по вступлении в гражданскую службу, в 1843 году, описывает эту службу в насмешливом тоне...

2) Большое собрание писем самого Ивана Аксакова к разным лицам, 1844 года, из Астрахани, где он находился при сенаторе (ныне члене Государственного совета), князе Гагарине, ревизовавшем Астраханскую губернию. В этих письмах Аксаков описывает более Астрахань, и хранил их, как материал для описания Астрахани.

3) Поэма под названием «Бродяга», сочинение самого Ивана Аксакова. В этом стихотворении Аксаков описывает похождения крепостного человека, который бежал, сам не зная отчего, и то бродяжничает, то работает где-либо, то опять бродяжничает. Аксаков в этом сочинении желал показать, что русский человек иногда бродяжничает не для преступлений, а по одной любви к русскому разгулу и беспечности. Поэмы этой написана только 1-я часть, впрочем, довольно обширная, а предполагается написать еще две части. Стихи Аксакова показывают, что он имеет пиитический талант.

4) В письмах к Ивану Аксакову от отца и братьев его некоторые места обращают на себя внимание. <...> В других письмах отец подозревает, что некоторые письма сына его не дошли к нему по почте, или даже читаются почтовыми чиновниками. Письма эти показывают, что Иван Аксаков извещал отца и братьев об арестовании Самарина. <...>

5) Между книгами Ивана Аксакова находятся:

«О социализме и коммунизме», сочинение Штейна, на немецком языке, напечатанное в Лейпциге, в 1842 году; в этом сочинении, хотя частью опровергаются правила коммунизма, но находятся и многие возмутительные мысли.

«Стихотворения Адама Мицкевича», на польском языке, в 4-х частях, изданные в Париже, в 1838 году.

Шесть экземпляров брошюры: «Семисотлетие Москвы», сочинение Константина Аксакова – то самое, которое было напечатано в «Московских Ведомостях» 1846 года.

6) Письма к Ивану Аксакову от разных посторонних лиц имеют содержание большею частью литературное и ученое и не заключают в себе ничего недозволенного.

7) У него еще находится много копий с разных мнений и других бумаг, кои он подавал по делам службы.

Черновых же писем, которые Иван Аксаков посылал последнее время к отцу своему, равно и никаких бумаг, кои бы содержали в себе

мысли, подобные выраженным в письме его от 24-го февраля, не оказалось во всех его бумагах»¹.

Вот как сам Аксаков пишет об этом происшествии: «В марте 1849 года был по высочайшему повелению арестован и посажен в III отделение собственной его императорского величества канцелярии. <...> Ему предложены были вопросные пункты: о славянофильстве, об его политических мнениях и т. д. Ответы были написаны довольно резко. Император Николай Павлович читал ответы и сделал на полях собственноручно разные замечания и возражения и потом препроводил эту тетрадь к графу (ныне князю) Орлову², надписав сверху: “Призови. Прочти. Вразуми. Отпусти!”»³.

21 марта А. В. Никитенко записывает в дневнике: «В Москве много толковали об аресте Самарина: он принадлежит к одной из известнейших русских фамилий и состоит в родстве со многими знатными домами. Теперь вместо Самарина посажен в крепость И. С. Аксаков, брат знаменитого славянофила, который расхаживает по Москве в старинном русском охабне, в мурмолке и с бородою»⁴.

Итак, И. С. Аксакову были предложены 12 вопросов, на которые он дал подробные ответы⁵. Судя по вопросам, которые ему задавали, царь и шеф жандармов А. Ф. Орлов видели в славянофилах не только либералов, но и проводников революционных идей. В своих ответах Аксаков в сжатой форме изложил сущность славянофильских воззрений, подчеркивая верно-подданные чувства. Царь Николай II прочитал эти ответы, часть текста подчеркнул (они выделены курсивом) и оставил на полях некоторые комментарии. Ниже рассмотрим эти вопросы и ответы. Первые два вопроса носили обще-представительный характер и касались личности самого И. С. Аксакова и его семьи.

«1. Опишите Вашу службу, звание, лета, где Вы воспитывались и другие важнейшие обстоятельства Вашей жизни.

1. От роду мне 25 лет; чин мой коллежский асессор... Воспитывался я в императорском Училище правоведения, откуда вышел в 1842 г. с чином 9-го класса и поступил прямо на службу... (с. 497). Особенных других важнейших обстоятельств жизни не было. Я не упоминаю здесь тех, которые имеют значение только для меня: 5 летняя болезнь одной из моих се-

¹ См.: Сухомлинов М. И. И. С. Аксаков в сороковых годах // Аксаков И. С. У России одна-единственная столица... М., 2006. С. 370–372.

² Орлов Алексей Федорович (1786–1861), генерал-адъютант, участник войны с Наполеоном, получивший титул графа за участие в подавлении восстания декабристов. С декабря 1835 года член Государственного совета, в 1844 года назначен шефом корпуса жандармов и начальником III отделения, с апреля 1856 года председатель Государственного совета и Комитета министров.

³ Аксаков И. С. Стихотворения и поэмы. Л., 1960. С. 31–32.

⁴ Никитенко А. В. Записки и дневник. В 3 т. М., 2005. Т. 1. С. 527.

⁵ Автограф: ИРЛИ, ф. 3, оп. 5, ед. 33, лл. 8–18 об. См.: Дополнение. <Вопросы, предложенные И. С. Аксакову III Отделением> // Аксаков И. С. Письма к родным. 1844–1849. М., 1988. С. 497–508. Далее ссылки на эту книгу в тексте, в круглых скобках.

стер, недавняя, с год продолжающаяся болезнь другой сестры¹ и пр. и пр. (497-498).

2. Кто Ваш родитель и братья, где они находятся, чем занимаются и какое имеют состояние?

2. Отец мой коллежский советник Сергей Тимофеевич Аксаков, 58 лет, теперь в отставке... С 1826 г. он живет постоянно в Москве, уезжая летом в подмосковную деревню свою Абрамцево (верстах в 60 от Москвы). ... Старший брат мой Константин, магистр императорского Московского университета, живет при отце и при матери моей. Семейство наше состоит из 10 человек: из 3-х братьев и 7 сестер, которые живут у родителей же и из которых две тяжело больны. (с. 498) Из братьев двое, т.е. брат Григорий и я, отвлечены службою от родительского дома... Брат мой Григорий, окончивший в 1840 г. курс в Училище правоведения, служит теперь симбирским губернским прокурором. Он женат, имеет дочь. Литературой он не занимается, т. е. не пишет. – У отца моего состояние, по многочисленности его семейства, весьма ограниченное: душ с 500 в Оренбургской губернии, в Белебеевском уезде и душ с 300 в Симбирской, в Корсунском уезде. Имения эти заложены. Кроме того, душ 40 в подмосковной деревне Дмитровского уезда, Абрамцево.

3. В бумагах Ваших находится письмо Вашего родителя, в котором он, отвечая на Ваше письмо от 24 февр., делает Вам замечание за резкость и неточность выражений, особенно за то, что Вы не договариваете Ваших мыслей, отчего выходит такой смысл, что иной может принять Вас за либерала. Объясните с полною откровенностью все содержание упомянутого письма Вашего и, если сохранила Ваша память, изложите оное точными словами, особенно те места, за которые Вы получили замечание от Вашего родителя.

3. Готов отвечать на этот вопрос с полною откровенностью, хотя она может быть для меня и невыгодна. (с. 499) <...> ...по моему мнению, старый порядок вещей в Европе так же ложен, как и новый. <...> *Ложные начала исторической жизни Запада должны были неминуемо увенчаться безверием, анархией, пролетариатством, эгоистическим устремлением всех помыслов на одни материальные блага и гордым, безумным упованием на одни человеческие силы, на возможность заменить человеческими учреждениями божие постановления.* Вот к чему привели Запад авторитет католицизма, рационализм протестантизма и усиленное преобладание личности, противное духу смирения христианской общины. – *Не такова Русь. Православие спасло ее и внесло в ее жизнь совершенно другие начала, свято хранимые народом.* Народ смотрит на царя как на самодержавного главу всей пространной русской православной общины, который несет за него все бремя забот и попечений о его благосостоянии; народ вполне верит ему и знает, что всякая гарантия только нарушила бы искренность отношений и только связала бы без пользы руки действующим, наконец, что

¹ Речь идет о сестрах И. С. Аксакова – Ольге и Вере.

только то ограничение истинно, которое налагается на каждого христианина в отношении к его ближним духом Христова учения. <...>

Да не подумают, что я хочу льстить, боже сохрани! Но вот мои убеждения: при Петре Великом верхние слои общества отчуждились от народа и поддались обаянию Запада, увлеклись блестящим соблазном его цивилизации и презрели коренные, основные начала русской народности. (с. 500) <...> Дворянство совершенно оторвалось от народа... Между тем как *образованное* общество жило заемною жизнью, обезьянски шло за Западом и добровольно задавало себе в чужом пиру похмелье, – народ, слава богу, оставался тем же или почти тем же. Я говорю: *почти*, потому что пример разврата, нами подаваемый, начинает проникать и в села. <...>

В нынешнее царствование во многих сердцах пробудились угрызения совести. Спрашивали себя: не виноваты ли мы перед русским народом, старались воскресить в себе русского человека. Это возрождение русской народности проявилось в науке и в литературе. Люди, всеми силами, всеми способностями души преданные России, смиренно изучавшие сокровища духовного народного богатства, свято чтущие коренные начала его быта, неразрывного с православием, *люди эти, бог весть* (с. 501) *почему, прозваны были славянофилами, хотя в их отношениях к западным славянам было только одно сердечное участие к положению единокровных и единоверных своих братьев. Я принадлежу к этим людям и думаю, что нам, т. е. образованному обществу, следует покаяться, нравственно перевоспитаться и стать русскими людьми*».

Прервем ответ Аксакова, чтобы дать слово Николаю I, который в этом месте на полях оставил следующий комментарий: «Потому, что под видом участия к мнимому утеснению славянских племен таится преступная мысль о восстании против законной власти соседних и отчасти союзных государств и об общем соединении, которого ожидают не от божьего произволения, а от возмущения, губительного для России!.. И мне жаль, потому что это значит смешивать преступное с святым». Продолжим ответ Аксакова.

«В начале прошлого года происшествия в Европе заставили нас думать, что общество образумится, перевоспитается. Но вышло не то. <...> Общество скоро успокоилось, не видя, впрочем, что, ругая Запад, оно хранит в себе все его начала, продолжает жить заемною жизнью, словом, как выразился не помню кто, думает устроить на Руси свой домашний Запад и безнаказанно упиваться сладостью всех тех же грехов, которые погубили Запад. <...>

Отец мой говорит, что негодование мое может быть принято в другом смысле, т.е. в либерально-западном. Если так, то весьма ошибутся те, которые это подумают. Я уже сказал, что всякий насильственный путь противен русскому народу, а следовательно, и всем тем, которые, как я, имеют претензию держаться русского духа. (с. 502) <...>

Объяснение мое на этот вопрос несколько длинно, но я счел нужным распространиться и начать издалека, дабы предупредить всякие недоразумения. Все написанное мною изложено с самою полною откровенностью».

Ответ на третий вопрос оказался самым важным по своему значению и самым большим по объему. Большая часть комментариев Николая I (13 из 15) написаны на полях именно этого ответа Аксакова. Вот некоторые из них: «Совершенно справедливо»; «Святая истина!»; «Слава богу!»; «Все это справедливо»; «Справедливо много, хотя, слава богу, не в общем применении...»; «Очень понятно!»; «Прекрасно, но посмотрим, что есть русский человек в мыслях г. Аксакова». Завершает Николай II комментарии к этому ответу следующим – далеко не самым оптимистичным – выводом: «Верю, но и в добрых намерениях можно ошибаться».

Аксаков в своих ответах повторяет мнения, которые высказывали представители славянофильского кружка: о разрыве сословий, совершившемся в петровскую эпоху, о восстании, противном основам русского быта, о связи православия и народности, о негативных последствиях западной цивилизации, о необходимости перевоспитания русского дворянства. Не все из этих мыслей он разделял, о чем свидетельствуют его письма родным. Однако продолжим далее рассматривать вопросы III отделения и ответы на них Аксакова.

«4. В другом письме от 15-го февраля родитель Ваш, упоминая, что Вы сообщаете ему о предположениях по службе, сожалеет, что пишете об этом с почтой, тогда как у Вас много okazji, присовокупляя: всего бы лучше вовсе не писать. Объясните с тою же откровенностью обо всем, что Вы писали насчет предположений по службе.

4. Поводом к этому письму моего отца послужило другое письмо мое, в котором я писал, что отказался от предложенного мне места начальника отделения, прибавляя, что отказался бы даже и от вице-директорства, потому что цель моя на службе: ездить с поручениями по России и изучать ее во всех отношениях, не только по одному предмету возлагаемого на меня поручения. <...> (с. 503)

5. Почему Вы позволили себе помещать в Ваших письмах известие о заключении камер-юнкера Самарина в крепость и почему принимали в нем участие?».

Здесь отметим, что по жалобе А. А. Суворова (1804–1882), остзейского генерал-губернатора (1848–1861), недовольного антинемецкой направленностью «Писем из Риги», их автор Ю. Ф. Самарин был арестован и заключен в Петропавловскую крепость, где находился до 17 марта 1849 г. Эти письма, содержавшие критику политики русского правительства в Прибалтийском крае, читались автором в Москве и Петербурге осенью 1848 г. Продолжим дальше рассматривать вопросы и аксаковские ответы.

«5. Я не понимаю, почему я в письме не мог упомянуть о заключении камер-юнкера Самарина в крепость, когда это было известно всему городу и все об этом говорили. <...> Участие в Самарине я принимал потому, что знаю его уже лет 7 как умного, образованного, честного, даровитого чело-

века, с твердым характером, с добросовестною душою, всем сердцем преданного России.

6. Из ответов родителя и брата Вашего Константина на письма Ваши о Самарине видно, что они вполне разделяют негодование Самарина против немцев в России; а родитель Ваш в письме о маскараде, данном в Москве графом Закревским, отдавая русскому платью преимущество пред всеми костюмами, говорит, что московская публика восстает общим бунтом на гр. Закревского, что ругательство над русским платьем в маскараде произвело на общество самое благоприятное действие и что последствия его будут полезны. Если и Вы разделяете мнения Ваших родственников, то подробно объясните Ваш образ мыслей по означенным предметам.

6. Отец и брат писали мне, что разделяют негодование Самарина против немцев в России. *Я тоже разделяю это негодование, ибо, как русский, не могу быть равнодушен к положению русских в Остзейском крае.* Впрочем, так же, как и мои родственники, не люблю немцев только как касту, действующую в духе презрения к России и ее народу, но в частности уважаю и люблю их, если они хорошие люди. Доказательством этому служит то, что у меня много приятелей немцев. <...> (с. 504) Я не придаю платью большой важности, но думаю, однако, что если б мы все надели русское платье, то стали бы менее чужды народу и легче было бы нам перевоспитать себя на русский лад. Не говоря уже о том, что русский наряд удобнее и красивее, я просто не понимаю, отчего костюм, принадлежащий чужой народности, со всеми невыгодами и вредным влиянием иностранной моды, носить приличнее, чем наше народное платье?..

7. Брат Ваш Григорий в одном письме из Симбирска, выхваляя Елачича и называя безумным Франкфуртское собрание¹, передает надежду, что Австрия из немецкой превратится в славянскую монархию. Не питаете ли Вы и родственники Ваши славянофильских понятий и в чем они состоят?

7. Брат Григорий называет в одном из писем своих Франкфуртское собрание безумным... *Я думаю, в этом и спрашивающие меня не сомневаются.* — Он выхваляет Елачича... Разве он не был достоин похвалы? Это признал и государь император, наградивший его орденом². — Что касается до мнения его, что Австрия из немецкой превратится в славянскую монар-

¹ Франкфуртский сейм, или Франкфуртское национальное собрание, был открыт 18 мая 1848 г. во Франкфурте-на-Майне с целью подготовки объединения немецких земель. За время работы сейма в 1848–1849 гг. эта задача не была достигнута. Славянские национальные деятели (Палацкий и др.) были обеспокоены усилением германизации.

² Елачич Йосип (1801–1859) — бан Хорватии, с 1848 г. — генерал австрийской армии и главнокомандующий войсками Хорватии. Выступал за автономию Хорватии и Славонии, за политическое объединение южных славян на основе языковой общности. Мысль об объединении южных славян импонировала славянофилам. 11 сентября 1848 г. руководимые им войска вторглись в пределы Венгрии. Позже был награжден орденом за участие в подавлении революции в Венгрии.

хию, то я также думал это, ибо немецкие элементы ее подгнили, и она давно бы рухнула, если бы не поддержали ее славяне. Поэтому и можно было предполагать, что Австрия сделает *volte face* <поворот (франц.)> и обратится в славянскую империю. <...> Что касается до моих славянофильских идей, то ни я, ни родственники мои не славянофилы в том смысле, в каком предложен этот вопрос. В панславизм мы не верим и считаем его невозможным, во 1-х, потому, что для этого необходимо было бы (с. 505) единоверие славянских племен, а католицизм Богемии и Польши составляет элемент враждебный, чуждый, не смесимый с элементом православия прочих славян; во 2-х, все отдельные элементы славянских народностей могли бы раствориться и слиться в целое только в другом, крепчайшем, цельном, могучем элементе, т.е. в русском; в 3-х, бóльшая часть славянских племен уже заражена влиянием пустого западного либерализма, который противен духу русского народа и никогда к нему привиться не может. *Признаюсь, меня гораздо более всех славян занимает Русь*, а брата моего Константина даже упрекают в совершеннейшем равнодушии ко всем славянам, кроме России, и то даже не всей, а собственно Великороссии.

В этом месте Николай I оставил на полях свой последний комментарий к ответам Аксакова: «И дельно, потому что все прочее мечта; один бог может определить, что готовится в дальнем будущем, но ежели бы стечения обстоятельств и привели к этому соединению, то оно будет на гибель России».

8. Еще родитель Ваш в письме от 8 марта пишет к Вам: «Жизнь в Москве сделалась для меня еще несноснее, и обстоятельства требуют неукоснительного бегства; и предметы общих разговоров, устремление общих интересов, непосредственно разделяемых всеми, имеющих еще усилиться в будущем, выводят меня из терпения. Весьма затруднительно и не безвредно для меня и будет странно, а как бы хорошо уехать нам с Константином в Абрамцево». В чем состоит тягостное.

8. Это письмо моего отца касается чисто семейных дел: расстройства финансов, болезни дочерей, а также и скуки, наводимой на него московскою жизнью. <...> Пустота ежедневных общих интересов и разговоров нагоняет на него, при невозможности заниматься службою, такую сильную скуку, что он часто уходит в другую комнату, не дожидаясь отъезда гостей.

9. Между книгами Вашими оказались сочинения Штейна о социализме и коммунизме¹ и стихотворения Мицкевича. Где и у кого приобрели Вы

¹ Речь идет о Штейне Лоренце (1815–1890), немецком юристе, экономисте и его книгах «Der Sozialismus und Kommunismus des heutigen Frankreichs» («Социализм и коммунизм современной Франции»), 1842 г.; «Die sozialistischen und kommunistischen Bewegungen seit der dritten französischen Revolution» («Социалистические и коммунистические движения со времен Третьей Французской революции»), 1848 г.

эти книги, не питаете ли Вы мыслей коммунистических и вообще противных образу нашего правления, и если питаете, то объясните со всею искренностью, каким путем Вы приведены к этому?

9. Найденные у меня книги куплены в Москве несколько лет тому назад, но когда именно и в каком магазине, не помню. Приобрел же я их из (с. 506) любознательности. Мицкевича купил потому, что сам занимаюсь поэзией и пишу стихи¹. Коммунистических идей не разделяю. Свои мысли я изложил уже в 3-м пункте и думаю, что в них нет ничего «противного образу нашего правления».

10. У Вас еще оказались стихи Вашего сочинения, писанные к кн. Оболенскому в 1843 г.², в которых Вы с насмешкою отзываетесь о гражданской службе и Сенате, о наградах чинами и крестами. Не распространяли ли Вы этих стихов и мыслей, в них заключающихся, и для чего сохраняли этот листок?

10. Послание к кн. Оболенскому, товарищу по Училищу и сослуживцу, писано мною в начале 1843 г., когда мне было 19 лет. Оно заключает в себе юношеское разочарование в службе, ибо формализм судебного делопроизводства сильно охладил мою пылкую ревность к общепользующей деятельности. Мне тогда страшно было вообразить, что, прослужа лет 40 в этой атмосфере, я могу совершенно подчиниться влиянию служебного формализма, сделаться чиновником, который думает только об очистке бумаг, о получении за это наград, смотрит на людей отвлеченно, не понимая ничего, кроме своих дел, и постепенно заглушает в себе живого человека, желавшего некогда только блага и пользы!.. Со временем я переменил мысли и думаю, что можно остаться чиновником и сохранить в себе человека. Листок этот сберегся случайно; впрочем, я и не видел надобности его истреблять.

11. Объясните, какую главную мысль предполагаете Вы выразить в поэме Вашей «Бродяга» и почему избрали беглого человека предметом сочинения?

11. Оттого, что образ его показался мне весьма поэтичным; оттого, что это одно из явлений нашей народной жизни; оттого, что бродяга, гуляя по всей России, как дома, дает мне возможность сделать стихотворное описание русской природы и русского быта в разных видах; оттого, наконец, что этот тип мне как служившему столько лет по уголовной части хорошо знаком. Крестьянин, отправляющийся бродить вследствие какого-то безотчетного влечения по всему широкому пространству (с. 507) русского

¹ В письме родным 17 сентября 1846 г. И. С. Аксаков пишет: «Я теперь занимаюсь польским языком, и мне нужно бы иметь Мицкевича...» (с. 310).

² Стихотворение «Итак, в суде верховом – виноват!», написанное в форме послания к Д. А. Оболенскому, см.: Аксаков И. С. Стихотворения и поэмы. Л., 1960. С. 42–43.

царства (где есть где разгуляться!), потом наскучивший этим и добровольно являющийся в суд – вот герой моей поэмы. Написана только 1-ая часть, которая сама за себя может дать объяснение.

12. Не имеете ли еще чего присовокупить к пояснению предложенного в предыдущих вопросах?

12. Кажется, ничего больше присовокупить не имею, кроме того, что, во 1-х, я до сих пор не знаю, зачем я арестован и в чем меня обвиняют или подозревают; во 2-х, что все предыдущее изложено мною по долгу совести, без малейшей утайки; в 3-х, что я чувствую себя совершенно чистым пред богом, Россиею и государем и вполне надеюсь на милость Божию и на правосудие правительства». (с. 508)

Можно ли ответы Аксакова считать изложением его истинных взглядов? Как вы помните, сам он утверждал, что все «изложено по долгу совести без малейшей утайки». Однако, некоторые исследователи подвергают сомнению истинность взглядов Аксакова¹. На «изворотливый» тон Аксаковских ответов указывал в свое время и П. В. Анненков². Тем не менее, объяснения Аксакова были признаны достаточными. Царь дал письменное распоряжение А. Ф. Орлову в отношении Аксакова: «Призови, прочти, вразуми, отпусти» (под «прочти» подразумевались заметки царя на полях)³.

22 марта 1849 г. И. С. Аксаков пишет к родным: «Я сейчас от графа Орлова и он объявил мне решение государя. Слава богу, все кончилось как нельзя лучше! Государь поступил со мной так великодушно, что я просто был тронут – и, конечно, не забуду этого! – Завтра Попов⁴ едет в Москву, поэтому он передаст вам обо мне живые известия»⁵. Через день, 24 марта, в очередном письме к родным он пишет: «Вчера я делал визиты лицам, принявшим во мне искреннее участие. Надеждин⁶, ужасно струсивший, дал через Карташевских⁷ знать Кавелину⁸, а тот ездил к гр. Орлову и при-

¹ См.: Пыпин А. Н. Из истории панславизма // «Вестник Европы». 1893. № 9. С. 283.

² Анненков П. В. Литературные воспоминания. М., 1960. С. 543.

³ РГИА. Ф. 1093. Оп. 1. № 379. Л. 8; Порох В. И. И. С. Аксаков и царизм (конец 40 – начало 60-х годов) // Освободительное движение в России. Вып. 13. Саратов, 1989. С. 52.

⁴ Попов Александр Николаевич (1821–1877), славянофил, в 1839 году окончил юридический факультет Московского университета, в 1842 году защитил магистерскую диссертацию «Русская правда в отношении к уголовному праву», впоследствии занимался историческими исследованиями.

⁵ Аксаков И. С. Письма к родным. 1844–1849. М., 1988. С. 483.

⁶ Надеждин Николай Иванович (1804–1856) – литературный критик, эстетик. В 1842 г. переехал в Петербург, поступив на службу в МВД, с 1843 г. редактировал «Журнал министерства внутренних дел».

⁷ В это время в Петербурге жила семья Карташевских; Карташевская Надежда Тимофеевна – родная сестра С. Т. Аксакова.

⁸ Кавелин Александр Александрович (1793–1850) – генерал-адъютант, с 1834 по 1841 г. – воспитатель наследника Александра Николаевича, с 1842 по 1846 г. – генерал-губернатор Петербурга.

слал Княжевича¹ к Л. В. Дубельту². Я был у них обоих. <...> Сейчас был у гр. Орлова – благодарить его за его доброе обхождение и участие»³. Таким образом, на благополучный исход этой истории оказали влияние придворные связи А. А. Кавелина, который ездил к А. Ф. Орлову.

Вспоминая эту историю спустя почти десять лет, Аксаков так писал о государе: «Со мною лично он поступил очень благородно, т. е., в силу своей системы с вопиюще незаконностью арестовав меня через III (т. е. жандармское) отделение, сам занялся рассмотрением моих письменных ответов на предложенные мне вопросы, сам написал некоторые замечания, возражения и опровержения моих мнений, и, отсылая всю эту тетрадь к графу Орлову, написал ему четыре слова, не лишённые парадной красоты: «Призови, прочти, вразуми и отпусти». Я был выпущен с великим почётом, но его система преследовала меня до самой его кончины, т. е. созданные им жандармы тяготели на мне надзором, доносами и т. д.»⁴. Действительно, благосклонность царя по отношению к арестованным Ю. Ф. Самарину и И. С. Аксакову вызвала недовольство А. А. Закревского, который высказывал его вслух⁵.

И. С. Аксаков переслал родным свои ответы на вопросы III отделения. С. Т. Аксаков 11 апреля 1849 г. отвечал с оказией сыну: «Присланная тобою бумага с Поповым написана смело и славно. Ее читали немногие и все восхищались ею. Мои собственные замечания я скажу тебе при свидании. По-видимому, она должна была понравиться, но в ней слышен тон, который никогда не бывает приятен...»⁶. В другом письме от 25 апреля 1849 года С. Т. Аксаков заметил: «...вы с Самариним ничего хорошего ждать не можете и не должны»⁷. Это было очень верное замечание, ведь с той поры и до 1857 г. И. С. Аксаков находился под негласным надзором полиции.

¹ Княжевич Александр Максимович (1792–1872), друг С. Т. Аксакова, учившийся вместе с ним в Казанском университете. С 1844 г. директор департамента государственного казначейства, впоследствии министр финансов (1858–1862).

² Дубельт Леонтий Васильевич (1792–1862) – генерал, начальник корпуса жандармов и управляющий III отделением в 1831–1855 гг.

³ Аксаков И. С. Письма к родным. 1844–1849. М., 1988. С. 483.

⁴ Письмо к Н. С. Соханской от 9 сентября 1958 г. // Русское обозрение. 1897. № 2. С. 594.

⁵ См. письмо Ю. Ф. Самарина к А. О. Смирновой <от апреля 1849 г.> // Самарин Ю. Ф. Соч.: В 12 т. М., 1886–1900. Т. 12. С. 385.

⁶ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Т. 1–4. М., 1888. Т. 2. С. 157.

⁷ Там же. С. 142.

3.3. Статья И. С. Аксакова «О служебной деятельности» и «Ответ» на нее К. С. Аксакова

«Служебная деятельность в России лишена всякой жизненной почвы. Она есть высшее выражение формализма; к какой стороне жизни ни прикоснется она, – все формулирует и, следовательно, все мертвит, ибо все живое боится формы и убегает ее»¹.

И. С. Аксаков

«Надо иметь мужество сказать, что, для практицизма, для жизни, для всякого блага, есть один путь, духовный и нравственный. Иди им, где ты ни поставлен!»²

К. С. Аксаков

В 1991 г. В. Н. Греков впервые в журнале «Человек», на основе архивных материалов находящихся в фонде Российского государственного архива литературы и искусства³, опубликовал статью И. С. Аксакова «О служебной деятельности в России (письмо к чиновнику)»⁴. Данную статью-письмо, по нашему мнению, можно квалифицировать в качестве, если не первого, то одного из самых ранних опытов славянофильской публицистики И. Аксакова.

Спустя 22 года А. П. Дмитриев публикует эту же статью, используя два других автографа статьи И. Аксакова (черновой и белой) и три списка (копии), сделанные с белого автографа, сохранившихся в рукописном отделе Института русской литературы РАН⁵, вместе с впервые увидевшим свет ответом К. С. Аксакова⁶. При этом публикатор замечает: «Оказалось, что данное первоначально заглавие “О служебной деятельности в России” в белом автографе (и, соответственно, во всех копиях) звучит усеченно – “О служебной деятельности”, и здесь же карандашом Аксаковым приписан дополнительный вариант названия: “Как ни кинь, так клин” (но не исключено, что это эпиграф)». И продолжает: «Сопоставление опубликованной в 1991 г. версии статьи И. Аксакова “О служебной деятельности” (по рукописи из РГАЛИ) с автографами, хранящимися в РО ИРЛИ, однозначно свидетельствует, что в московском архиве содержится не окончательный вариант статьи, а крайне неисправная ее копия с много-

¹ Дмитриев А. П. Первоначальный вариант статьи И. С. Аксакова «О служебной деятельности (письмо к чиновнику)» и «ответ» на нее К. С. Аксакова [<Вступит. заметка>, с. 130–133; И. С. Аксаков. О служебной деятельности [в России] (Письмо к чиновнику), с. 133–138; К. С. Аксаков. Ответ, с. 138–141] // Аксаковские чтения: (материалы XIV Международных Аксаковских чтений. Уфа, 26–27 сентября 2013 г.) / отв. ред.: д.ф.н., проф. В. В. Борисова; Башк. гос. пед. ун-т им. М. Акмуллы. Уфа, 2013. С. 134.

² Там же. С. 140–141.

³ РГАЛИ. Ф. 72. Оп. 1. № 12.

⁴ Человек. 1991. № 3. С. 70–72. Впоследствии публикатор переиздал эту статью в книге: Аксаков И. С. Отчего так нелегко живется в России? М.: РОССПЭН, 2002. С. 25–30, 913.

⁵ ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 1. № 44, 45.

⁶ Дмитриев А. П. Указ. соч. С. 130–141.

численными, явно случайными заменами и пропусками отдельных слов и целых фраз, подчас совершенно обесмысливающими текст...»¹.

Статью И. Аксаков подписал 10-м апреля 1849 г., а уже на следующий день он сообщал о ней родным в Москву: «Я написал маленькую статейку в виде письма, или наоборот, это письмо в 5 листов. Если найду случай доставить вам это письмо прежде моего отъезда из Петербурга, то доставлю. В нем нет ничего положительного, а только вопросы и недоумения, без разрешения»². Из письма видно, что Иван, опасаясь перлюстрации, не решался отправлять статью по почте и, надеясь на оказию, хотел передать его в Москву с кем-либо из знакомых.

«Ответ» К. Аксакова датирован 15 мая 1849 г.³. В это время Иван находился в Москве. Об этом свидетельствует его письмо А. О. Смирновой, датированное 16 мая, в котором Иван, в частности, одной строчкой упоминает и о своей статье: «Между прочим, к жарким прениям подала повод моя статья, которую вы знаете. <...> Я застал всех своих еще в Москве»⁴.

Приступая к изложению обеих статей, важно отметить, что Иван в написанной им статье выступает по его собственному же определению, как «человек сомнения»⁵ и, одновременно, как «плохой теоретик»⁶, мучающийся проблемой приложения на практике славянофильских идей: «...в душе моей возникает целый рой сомнений, недоумений и вопросов, которые мне хочется высказать Вам, и именно Вам, как Чиновнику»⁷. Во вступительной заметке А. П. Дмитриев утверждает: «По нашему убеждению, обращено “Письмо к чиновнику”, безусловно, к Ю. Ф. Самарину, поскольку в статье упомянуты в качестве его приятелей Ханыков (Яков Владимирович, служивший с ним в Риге), Хомяков и К. Аксаков. Все трое действительно были ближайшими друзьями Самарина и в тот период его основными корреспондентами»⁸.

Далее Иван противопоставляет себя, как чиновника, служащего в Министерстве внутренних дел, и, как человека сомневающегося, – старшему брату: «Брат Константин, который первый так смело и явно выдвинул вперед это направление»⁹, который хранит его во всей строгой и отвлеченной чистоте, вопреки текущей современной жизни, и ни разу не усту-

¹ Дмитриев А. П. Указ. соч. С. 132.

² Аксаков И. С. Письма к родным, 1844–1849. М.: Наука, 1988. С. 490.

³ «Ответ» К. Аксакова воспроизведен А. П. Дмитриевым по автографу: РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 7. № 14. Л. 2–6. В этой же единице хранения находятся и две копии (л. 7–16).

⁴ Подр. см.: И. С. Аксаков и А. О. Смирнова. Письма И. С. Аксакова 1845–1880 // Русский архив. 1895. № 12. С. 429–433.

⁵ См.: Майков Л. Письма С. Т., К. С. и И. С. Аксаковых: <Предисловие> // Русское обозрение. 1894. Т. 28, № 8. С. 454.

⁶ Дмитриев А. П. Указ. соч. С. 133.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 131.

⁹ То есть славянофильство, или, как о нем пишет в начале своей статьи Иван, «целое систематическое направление мыслей в пользу возрождения русской народности». См.: Там же.

пив ей, – брат мой, быть может, и не затруднился бы ответом. Он желал бы увидеть вновь Боярскую Думу и пр. и пр. Он предложил бы такие меры, для которых, по моему мнению, действительность еще не наступила»¹.

Затем Иван обращается к попытке раскрыть «общий характер отношений всякой администрации к жизни»: «Служебная деятельность в России лишена всякой жизненной почвы. Она есть высшее выражение формализма; к какой стороне жизни ни прикоснется она, – все формулирует и, следовательно, все мертвит, ибо все живое боится формы и убегает ее. Оттого-то столько неискренности, столько холода в хлопотливом движении всей Государственной машины! – Это стремление к формулированию есть необходимое условие жизни всякой Правительственной администрации уже по самому существу ее. В этом все ее зло и все ее значение! Как бы Вы ни приурочивали формулу к живому быту, – она никогда не будет способна обнять всю жизнь, никогда не будет иметь нужную для него эластичность, такую, которая бы, вместе с жизнью, растягивалась, сокращалась и видоизменялась. Как скоро же этого нет, то, повторяю, она делается мертвою и тягостною формою»². Здесь необходимо сказать, что к этому времени И. Аксаков прослужил на различных должностях уже около семи лет и обладал определенным опытом, чтобы делать выстраданные им обобщения.

Ниже он говорит о проблеме отрыва образованного общества от народа: «Мы совершенно оторваны от живой жизни народа, мы утратили сокровище народного инстинкта и, как бы ни старались восполнять этот недостаток изучением, – все же мы будем лишены творчества, которое дается только цельностью жизни. Мы будем всегда в положении иностранца, изучающего русский язык. Он может знать его, по-видимому, очень хорошо, но всегда будет говорить и писать слишком правильно; никогда не быть ему свободным хозяином в языке, хозяином, который что бы ни делал в своем доме, всегда, так сказать, в своем праве»³.

И в этом месте И. Аксаков подходит к важнейшему вопросу своего изложения: «Посредством разных изучений мы наконец открыли в жизни народа некоторые начала, ухватившись за них, и хотим сделать их целью нашей практической деятельности. Но начала эти тогда хороши, когда, так сказать, не сознаны и не формулированы. Да и способны ли они формулироваться?»⁴. И сам пытается дать ответ: «Все, что свободно вырастает из почвы, то принимает свободный, ему свойственный вид, но начните устраивать, и как вашему устройению непременно нужна форма, то придуманная Вами форма, хотя бы Вы и старались сделать ее похожею на естественную, – никогда ее не заменит»⁵.

¹ Дмитриев А. П. Указ. соч. С. 133–134.

² Там же. С. 134.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Итак, возможно ли создать естественную форму? Или это в принципе невозможно? То есть всякая осознанная, сформулированная форма – субъективна и искусственна, не органична, не естественна, не жизненна! Если применить эту ситуацию к праву, юриспруденции: может ли искусственное или позитивное право быть идентичным праву естественному или органическому? И тут же грустное обобщение автора: «Путешествуя по России, я часто с грустью замечал, что самые благие по началам своим меры Правительства остаются без исполнения»¹.

Таким образом, «сверху» народ благодетельствовать не получается, да, оказывается, и сам народ уже не тот: «Грустно сознаться, а мне кажется, что вообще в народ наш уже внесено разрушающее начало. Я не выдаю это за несомненный, положительный факт, но, сколько я мог заметить, толкаясь между народом и странствуя по разным губерниям, гражданственность, внесенная Петром, уже много обхватила народ и подорвала силу жизни. Народ уже развращен; само собою разумеется, что я говорю здесь не о том разврате, который существовал и существует в нем независимо от Петра и западного влияния. Вспомните, что целые губернии приходят на заработки в Москву и в Петербург и, возвращаясь домой, приносят с собой гибельные начала. И потому я думаю, что если б устроилась в Москве Боярская Дума и т. п., – это вышло бы весьма искусственно и не привилось бы к жизни. Человеку, испорченному анализом, нельзя сказать: будь прост и целен; самая простота в нем искусственная»².

Затем Иван критически обращается к Константину, к его взглядам в авторитет народа: «Мне кажется, он слишком безусловно верит в авторитет народа. Я готов был бы признать этот авторитет, но для того необходима оценка народных явлений, которой именно нам недостает. Между тем, в народных явлениях есть такие, которые, несмотря на свою давность, внесены были искусственно и вошли в жизнь, насильював ее; такие, которые произошли от влияния татарского и польского; такие, которые, хотя и народны, однако ложны и противны Христианству; такие, наконец, которые отжили свое время. Эта оценка трудна и едва ли возможна вполне»³.

В этом месте Иван выделяет, как он именует, «оселок единственный», «о который можно пробовать законность явлений народного быта. Что совместимо с Христианством, то хорошо и должно быть народно, что нет – то ложно, хотя и народно»⁴. Выходит, что принцип религиозный, в данном случае – христианско-православный ставится выше принципа народного. И далее рассматривает соотношение этих принципов на примере общинного начала: «Общинное начало, принцип единогласия, существовавшие у нас, вероятно, еще во времена язычества, – к счастью, не

¹ Дмитриев А. П. Указ. соч. С. 134.

² Там же. С. 135.

³ Там же. С. 136.

⁴ Там же.

противоречат Христианству, но многие стороны его быта – явно противны учению религии». А с другой стороны, отмечает Иван: «...многие считают Православие почти *тождественным* с нашим народным бытом»¹.

Вновь Иван обращается к Константину: «Брат мой Константин любит, сам того не зная, может быть, не старую и не современную Русь, а Русь идеальную». И продолжает, поддерживая брата: «Что и говорить, я считаю русской народ лучшей почвой для возвращения семени, Христом брошенного, но – грешны мы, грешен и народ! Поэтому как мы, так и народ должны возродиться не то что к прежним началам (ибо многие из них противны учению Христа), – а к новой жизни. Наше стремление к народности должно быть стремлением к бытовому, жизненному Христианству, и любовь к народным явлениям должна проходить через Христианскую оценку...»²

И снова Иван продолжает свой заочный спор с братом: «Но Христианство вводится в жизнь личным усовершенствованием каждого, возразите Вы. Согласен. Однако, пока Вы будете заняты личным усовершенствованием (которое до сих пор находило себе место только в монастырях и пустынях), зло, лежащее в быте, готово усилиться и, искажая быт, делает усовершенствование более затруднительным»³.

Завершает статью Иван на вопрошающей ноте сомнения: «Но, скажете Вы, я все же не решил вопроса, от которого отправился с самого начала. Предстоит ли нам одно смиренное изучение России, воспитание юношества, личное перевоспитание, проповедь, а в службе одна отрицательная деятельность? <...> Как же быть? Мудрено служить без веры в администрацию!»⁴. Кстати, заметим, что после написания этого письма-статьи Иван прослужил еще два года.

Теперь перейдем к «Ответу» К. С. Аксакова, который начинается с теоретического рассмотрения проблем практики и практического приложения к делу: «...прежде всего надо поближе определить понятие о практицизме и практическом приложении... <...> Заметь прежде всего то, что, принявши от Запада и материальное и духовное, мы приняли от него и разные рубрики и отгородки понятий и, стараясь воскресить русскую мысль в их тесных пределах, путаемся ужасно. Там односторонности эти, как практицизм и теория, спиритуализм и натурализм, идеальность и материальность и т. п., суть их исторические нравственные болезни, которые, слава Богу, у нас прививные и от которых излечает нас возвращение к нашей родной русской жизни. <...> Разве жизнь – практика? Разве она есть приложение? Разве душа прилагается к телу или мысль к слову? – Итак, прежде всего, кажется, ложен, невиден для тебя самого, твой, на рубриках

¹ Дмитриев А. П. Указ. соч. С. 136.

² Там же.

³ Там же. С. 137.

⁴ Там же.

основанный взгляд. – Странное дело: этот именно взгляд кажется ясным, легким и легко решающим, но, разъемля всё на противоположности, он-то ничего и не решает»¹.

Далее Константин дает решение на вопрос о совершенстве и об оценке народных явлений: «Народ не может быть совершенным, но может иметь совершенные начала, признаваемые им постоянно за закон. Праведника безгрешного нет на земле, но есть чистый, безгрешный путь, указанный нам Спасителем. На земле нет совершенного Христианина, но Христианство совершенно и истинен один его путь. Вся сила в *пути*, вся сила в том, что ставит человек себе законом. Когда законом и целью его истина, то всякое отступление от него и противоречие ему есть только грех, ясный самому человеку как грех: закон является ему постоянно и осуждением и исцелением; можно раскаяться, можно вновь прибегнуть под сень, всегда простертую, единого и истинного Православного Христианского Закона»². То есть важен путь в верном, истинном, православно-христианском направлении; на этом пути возможны и отступления (грехи), но, раскаявшись, человек имеет возможность вернуться на истинный путь.

Затем Константин обращает внимание на понятие «ересь», которое кардинально отличается от понятия «грех», и связано с ложью самого пути: «Когда же целью стремления, когда законом не есть истина, то ложное дело, являющееся в таком случае, не есть грех, но есть уже ересь – горькое и тяжкое явление; ибо это не есть ложь случайная *поступка*, но законная ложь *самого пути*. – Как может спастись человек, когда то, что признает он за истину, есть ложь, когда закон его несправедлив? Здесь соображение с законом есть уже его гибель». И тут же итожит Константин: «Итак, вся сила в том, что человек ставит себе за истину; вся сила в том, праведен ли путь его»³.

Праведный путь – вот что главное! И, вытекающие отсюда, размышления Константина о праведном, святом пути Руси: «Вот почему я стою за древнюю Русь; вот почему все явления древней народной жизни считаю я истинными. Русь падала на своем пути не раз, не раз была виновата; но никогда не покидала своего пути, никогда не отказывалась от начал. – А путь ее есть путь истинной Православной Веры, а начала ее суть начала той же единой истинной Веры. – Все, что можешь ты встретить худого в древней Руси, все это были грехи, а не ереси (само собою разумеется, что я не говорю здесь о раскольниках собственно; я говорю об общественных, гражданских т. е., явлениях)»⁴.

¹ Дмитриев А. П. Указ. соч. С. 138.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

А с петровских реформ Россия в лице правительства и образованного общества изменила своему праведному пути: «С Петра же Великого Россия в лице Правительства и т. н. образованного общества бросила свой путь самый и взяла путь Западный, на котором неисцелен каждый грех, ибо он согласен с путем, а не противоречит ему». И добавляет: «Народ, слава Богу, хранит свой путь, хотя, соглашусь с тобою, много уже портится и он»¹. То есть народ все же еще остается на прежнем, т. е. праведном пути.

И дальше Константин утверждает, что на земле совершенства достичь невозможно, но главное идти по истинному пути: «...надо помнить, что жизнь есть битва, что совершенства на земле нет и быть не может, что мы призваны здесь достигать, а не достигнуть, и что вся сила в том: *за что* мы стоим и *к чему* стремимся». И добавляет: «Если уж должна быть ложь на земле, то надо, чтоб она была нарушением, а не исполнением закона»².

Ниже Константин переходит к главным выводам: «Из предыдущего ты можешь видеть, что я почитаю высшею, единою истинною нормою Христианство и только то народное считаю истинным, что согласно с Христианством. Но Христианство проникло наш народ, если не во всех явлениях, то решительно и постоянно в стремлении и признании его и в жизни как единой нормы. Таково было и Правительство наше до Петра; теперь таков только один простой народ»³.

Как же осуществить этот праведный, истинный путь? Вот как на этот вопрос отвечает Константин: «Если бы, как ты говоришь, дана мне была полная возможность действовать, то я ответил бы, что надобно откровенное и мужественное признание истины, в которую веришь, истины Православной Христианской; надобно устранение всех законов, с нею несогласных. В частности я мог бы ошибиться, но, например, я бы немедленно уничтожил бы театр, как центр разврата, я сокрушил бы все наши памятники, как дерзкое проявление гордости человеческой. — Надо, чтобы слышался другой тон; он хранится в истинно русской жизни, угнетаемой обезьянством Западу»⁴.

И тут же, Константин формулирует еще одно важное обобщение: «Жизнь нельзя учить или направлять, надо только устранить препятствия, мешающие ее ходу, противоречащие ей: что именно может сделать наше Правительство, — и жизнь пойдет уже сама собою»⁵.

¹ Дмитриев А. П. Указ. соч. С. 138.

² Там же. С. 140.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

«Таким образом, – резюмирует Константин, – самое важное и благотворное для Русской земли явление в нынешнем Царствовании <Николая I> вижу я не в учреждении каком-либо, а в сочувствии Государя к русскому, выразившееся с самого начала и еще более теперь. <...> Если бы Государь спросил меня, может быть, я бы и дал совет, более подробный, как приступить к преобразованию, или, лучше, к возрождению, Руси; цель его была бы постоянно восстановление общей для всего Государства нормы Христианской Православной Веры и, на ней основанной, русской народности»¹. И действительно, спустя шесть лет, в 1855 г., К. С. Аксаков подготовит политическую записку «О внутреннем состоянии России», предназначенную уже для нового самодержца Александра II, где впервые в российской истории частный, неслужащий подданный обращался к государю «с изъявлением общих желаний другой политики»².

Завершает Константин свой ответ брату следующим образом: «Ты служащий, я не служащий, и каждый из нас должны твердо держаться мысли: никогда не ставить как *правило* – *ложь*, никогда не *узаконивать* – *порок*. Надо иметь мужество сказать, что, для практицизма, для жизни, для всякого блага, есть один путь, духовный и нравственный»³.

Итак, подведем итоги.

На наш взгляд, важно обратить внимание, что содержание статьи И. С. Аксакова заметно шире названия: она далеко не только о служебной деятельности. Это становится ясно, если выделить ключевые идеи, высказанные им в статье: служебная деятельность в России лишена всякой жизненной почвы, она есть высшее выражение формализма; мудрено служить без веры в администрацию; положительная служебная деятельность для нас невозможна; мы совершенно оторваны от живой жизни народа, мы утратили сокровище народного инстинкта; что совместимо с христианством, то хорошо и должно быть народно, что нет – то ложно, хотя и народно; наше стремление к народности должно быть стремлением к бытовому, жизненному христианству; любовь к народным явлениям должна проходить через христианскую оценку; брат мой Константин любит, сам того не зная, может быть, не старую и не современную Русь, а Русь идеальную.

Теперь выделим главные положения, высказанные К. С. Аксаковым: народ не может быть совершенным, но может иметь совершенные начала, признаваемые им постоянно за закон; на земле нет совершенного христианина, но христианство совершенно и истинен один его путь; я почитаю

¹ Дмитриев А. П. Указ. соч. С. 140.

² Впервые записка К. С. Аксакова с «Дополнениями» была опубликована И. С. Аксаковым в его газете «Русь». См: Русь. 9 мая. № 26. С. 11–15; 16 мая. № 27. С. 17–20; 23 мая. № 28. С. 12–14.

³ Дмитриев А. П. Указ. соч. С. 140.

высшею, единою истинною нормою христианство и только то народное считаю истинным, что согласно с христианством; вся сила в *пути*, вся сила в том, что ставит человек себе законом; постоянно восстановление общей для всего государства нормы христианской православной веры и, на ней основанной, русской народности; с Петра же Великого Россия в лице правительства и т. н. образованного общества бросила свой путь самый и взяла путь западный...

Константин – теоретик, идеалист, он живет согласно со своими идеалами, он – в большей степени оптимист. Ему легче – он не служащий, поэтому ему не ведом тот клубок противоречий, с которым приходится постоянно сталкиваться его брату в ходе служебной деятельности. Для Ивана же – человека сомнения и не теоретика – важная жизненная проблема заключается в том, как совместить служебную деятельность с православными началами, как реализовать на практике славянофильские идеалы, и даже – возможно ли это вообще? Несомненно, что по сравнению с братом – он в большей степени пессимист.

Сформулировать начала – это, как говорится, сделать половину дела. Но довести дело до разумного завершения, т. е. доделать и вторую половину дела, воплотив эти начала в жизни, на практике, в том числе и в служебной деятельности – оказывается практически невозможным... Однако, делать это, несмотря ни на что, необходимо: «совершенства на земле нет и быть не может», но «мы призваны здесь *достигать*, а не достигнуть...».

3.4. Служебные записки о расколе

«...раскол развращенный, раскол, сдружившийся с трактирной цивилизацией, оставаясь расколом, при ослаблении религиозных интересов веры, – из религиозного превратится в политический, ибо сохранит вкус и привычку отдельности, разобщения и протеста»¹.

И. С. Аксаков

Рассмотрим четыре опубликованные служебные записки Аксакова, посвященные раскольникам и расколу: «Записка о бессарабских раскольниках» (1849), «О расколе и об единоверческой церкви в Ярославской губернии» (1849), «Записка о ярославских раскольниках» (1849), «Краткая записка о странниках или бегунах» (1851)².

1. «*Записка о бессарабских раскольниках*»³. Данная «Записка» была написана в результате служебной поездки Аксакова в Бессарабию. Необходимость командировки была связана с участившимися сношениями заграничных старообрядцев с российскими раскольниками. Создание Белокриницкой иерархии (1846) и открытые претензии на объединение всех старообрядцев поповщинского толка под ее главенством вынудили Российское правительство принять спешные меры к пресечению этих сношений. В такой обстановке в МВД была создана комиссия, по поручению которой Аксаков, предписаниями министра от 19 и 21 октября 1848 г., был командирован в Бессарабию, где под предлогом ревизии сельских хлебных магазинов и еврейских училищ осуществлял секретное поручение по изучению раскола. Перед поездкой Аксаков встречался с чиновником особых поручений при министре внутренних дел Н. И. Надеждиным⁴.

Поездке в Бессарабию посвящены 18 писем Аксакова к родным с 31 октября по 27 декабря 1848 г.⁵. География командировки получила отражение в письмах из Орла, Курска, Харькова, Одессы, Бендер, Кишенева, Скулян, с австрийской границы, из Новоселиц, Сорок и Измаила. Историк Н. В. Варадинов в последнем томе своего труда упоминает о «командировке министерского чиновника» в Бессарабскую область по делам старообрядцев и приводит выдержки из его отчета⁶.

В декабрьском письме к родным Аксаков так характеризует свою позицию по проблеме раскола в Бессарабии: «Я не могу сочувствовать гонениям, возбужденным Министерством; а вижу, что они не только не при-

¹ Аксаков И. С. Отчего так нелегко живется в России? М., 2002. С. 876.

² В ходе подготовки были использованы примечания В. Н. Грекова и Н. А. Смирновой в: Аксаков И. С. Отчего так нелегко живется в России? М., 2002. С. 987–991.

³ Впервые: Русский архив. 1888. Кн. 3. С. 434–451. Перепечатана.: Аксаков И. С. Отчего так нелегко живется в России? М., 2002. С. 849–863.

⁴ Надеждин Николай Иванович (1804–1856), литературный критик, эстетик, профессор Московского университета. С 1843 г., поступив на службу в МВД, Надеждин редактировал «Журнал министерства внутренних дел», а также занимался делами раскола в России и опубликовал работу «О скопческой ереси» (СПб., 1845).

⁵ Аксаков И. С. Письма к родным: 1844–1849. М., 1988. С. 398–458.

⁶ Варадинов Н. В. История министерства внутренних дел: В 8 т. СПб., 1858–1863. Т. 8. С. 591.

несли пользы, а, напротив, сделали ужаснейший вред и посеяли непримиримую вражду к православию. Я думаю ограничиться одним собранием сведений, всегда нужных и любопытных, даже для того, чтобы посудить о сделанном вреде, и этим закончу свое поручение»¹.

В записке Аксаков, писал, что невежество полицейских чиновников в вопросах веры делает их совершенно неспособными к надзору за действиями старообрядцев. Он считал необходимым, чтобы губернаторы убеждали чиновников, имеющих сношения с раскольниками, «соблюдать должное приличие и не оскорблять их бесполезными и даже опасными насмешками»².

Весной 1849 г. Аксаков был направлен в служебную командировку в Ярославскую губернию³, где также имел поручения по делам раскола.

2. *«О расколе и об единоверческой церкви в Ярославской губернии»*⁴. Текст записки датирован 13 июля 1849 г., г. Рыбинск.

3. *«Записка о ярославских раскольниках»*⁵. Записка оформлена в виде рапорта министру внутренних дел, графу Л. А. Перовскому, датирована 30 июля 1849 г. и является дополнением к рапорту Аксакова от 13 июля 1849 г.

В одном из писем к родным Аксаков подробно рассуждает о расколе: «В московском расколе есть еще что-то почтенное, рижский раскол бесстыдно откровенен, а здешний подл в высшей степени; ни один не признается, что он раскольник, все притворяются до такой степени, что иной может ошибиться и почесть их самыми усердными православными... Но такой раскол все же слабее прочих. Притворство есть уже уступка, и мой план – заставить их запутаться в своем собственном двоедушии до такой степени, что раскол для детей их сделается решительно невозможным. Нет, пусть Россия целно подвергается испытаниям и искушениям, посланным ей, а раскол – в смысле известного раскола – только погубит ее. Раскольник в церковь не ходит, а в своей или не имеет возможности быть, или же только развращается в ней. Сорвавшись с якоря православной церкви, раскол стал блуждать так, как заблуждается вообще человеческий ум в делах веры, если он предоставлен самому себе... Раскол, посягнувший на единство церкви, сам по себе не устоит против соблазнов, но, лишившись характера религиозного, он сохранит в себе привычку и вкус отдельного протеста, разрыва с прочею Русью. Впрочем, я говорю про раскол здешний, рижский, отчасти бессарабский. Думаю в скором времени послать министру внутренних дел подробное изложение своего взгляда на

¹ Аксаков И.С. Письма к родным: 1844–1849. М., 1988. С. 444.

² Аксаков И. С. Записка «О бессарабских раскольниках» // Русский архив. 1888. № 3. С. 451.

³ См.: Дунин А. А. И. С. Аксаков в Ярославле // Русская мысль. 1915. № 8. С. 217–231; Талин В. И. С. Аксаков как церковный публицист // Русская будущность. СПб., 1916. Приложение. № 9.

⁴ Рукопись «Записки»: ИРЛИ РАН, ф. 3, оп. 1, ед. хр. 47. Впервые: Аксаков И. С. Полн. собр. соч. В 7 т. Т. 7. М., 1887. С. 848–864. Перепечатана: Аксаков И. С. Отчего так нелегко живется в России? М., 2002. С. 864–876.

⁵ Впервые: Труды Рязанской ученой археографической комиссии за 1888 г. Рязань, 1889. Вып. 3. С. 80–84. Перепечатана: Аксаков И. С. Отчего так нелегко живется в России? М., 2002. С. 877–884.

положение здешних раскольничьих дел, и буду сильно протестовать против так называемой единоверческой церкви»¹.

Как и ранее в Бессарабии, Аксаков осуждал гонения на старообрядцев в Ярославской губернии со стороны государства, и достаточно прочесть письма родным, сравнить его рапорты и докладные записки министру внутренних дел с официальным изданием², чтобы стала понятной степень отличия его взглядов от мнений правительства. В Ярославской губернии Аксаков приводит население целого города Романова-Борисоглебска к православной вере, не прибегая к принуждению.

Аксаков детально изучает каждый случай по делу о расколе, стараясь справедливо оценить сложившуюся ситуацию. Иногда мнение Аксакова шло вразрез со взглядами его начальства. «На этой неделе, отправив в хозяйственный департамент огромную ведомость по ревизии топографической съемки городов, в то же время отправил я и министру в собственные руки записку о расколе и о единоверии в здешней губернии и в Романове-Борисоглебске в особенности. <...> Не знаю, как найдет это все министр. Записка написана очень резко и противоречит несколько его взглядам о единоверии вообще. Я же против единоверческой церкви – решительно, для здешнего раскола»³. Аксаков считает, что если бы попы «действовали всегда так, как предписывает им должность, так раскол в десять раз был бы слабее; а они, напротив, так равнодушны к убеждениям религиозным, что обращают внимание не на качество, а на количество паствы. Я пишу с нынешней почтой борисоглебскому протопопу, говорю ему, что теперь, когда уже мы связали раскольников человеческими узами, необходимо действовать на них постоянно духовным убеждением, увещевать их искренним, жарким словом, чтоб они наложили на себя и духовные узы. Без этого дело человеческой мудрости рушится как раз. Я со своей стороны сделал свое дело, исполнил то, что приходилось на долю правительственной мудрости, но с досадой и грустью вижу, что оно не поддерживается нравственною, духовною, теплою силой. Эта поповская каста требует непременного преобразования. Разумеется, для этих должностей необходимы люди специально образованные, потому что в нашей церкви не простая, отвлеченная вера и не только нравственное учение, но и тысячи обрядов и полудогматов, за которые народ держится крепче, чем за самый догмат, и которые все имеют свою историю и духовную литературу»⁴.

4. *«Краткая записка о странниках или бегунах»*⁵. Текст записки составлялся в 1851 г.⁶. Записка представляет собой извлечение из служебного донесения, поданного Аксаковым министру внутренних дел Л. А. Пе-

¹ Аксаков И. С. Письма к родным: 1849–1856. М., 1994. С. 21.

² Собрание постановлений по части раскола. СПб., 1858.

³ Аксаков И. С. Письма к родным... С. 32.

⁴ Там же. С. 40.

⁵ Рукописная копия докладной записки находится в ИРЛИ, ф. 3, оп. 1, ед. хр. 73. Впервые: Русский архив. 1866. № 4. С. 627–644. Перепечатана: Аксаков И. С. Полн. собр. соч. В 7 т. Т. 7. М., 1887. С. 834–847. См. также: Аксаков И. С. Отчего так нелегко живется в России? М., 2002. С. 885–894.

⁶ См. об этом в письме Аксакова от 8 февраля 1851 г.: Аксаков И. С. Письма к родным: 1849–1856. М., 1994. С. 199.

ровскому, выполненного им по поручению министерства об изучении новой раскольничьей секты.

С августа 1850 по февраль 1851 г. Аксаков был включен в комиссию для следствия об оказавшейся шайке воров и грабителей, в которую председателем прислан граф Ю. И. Стенбок-Фермор – чиновник из министерства внутренних дел. Комиссия графа Стенбока обнаружила в 15 верстах от Ярославля в с. Сопелки ранее неизвестную секту бегунов или «странническое согласие»¹. «Главный предмет исследований комиссии – новая раскольничья секта. На этом основании г. министр внутренних дел признал нужным назначить меня членом комиссии как человека (так сказано в предписании от 25 июля 1850 г. за № 3456) «хорошо знакомого с сектаторскими делами губернии и возложить на обязанность мою преимущественно производство тех изысканий, кои относятся до раскола». Вместе с сим предписано мне было о всех изысканиях и открытиях доносить его сиятельству в подробности»².

Издатель «Русского архива» П. И. Бартенев пишет в примечании к публикации: «Эта краткая записка есть собственно только заключительная статья особого сочинения о странниках или бегунах, которое в свою очередь составляет часть обширной деловой записки (до 600 стр.), составленной И. С. Аксаковым в 1851 году из подлинного дела, которое производилось тогда в Ярославской губернии и которого самому автору пришлось быть участником»³.

Аксаков неоднократно писал родным о своем расследовании: «В этом деле очень замешено старообрядчество и открывается совершенно новая, оригинальная и опасная секта, о которой до сих пор нигде не упоминается. Граф Стенбок очень хороший человек, но мало знаком с религиозными вопросами, и потому все это время в Ярославле я занимался этим делом, и, вероятно, мне придется принять формальное участие во всем, что относится до раскола. Описание этого нового толка будет, по всей вероятности, поручено мне; по крайней мере, граф Стенбок написал об этом министру»⁴.

Сложность проведения следствия состояла в сочетании фактов уголовных преступлений с религиозной деятельностью секты. В августе 1850 г. Аксаков пишет: «Несколько шаек воров, разбойников и конокрадов составляют эту новую секту. В предписании ко мне министра именно сказано, чтоб я обнаружил связь учения раскольничьего с преступлениями и влияние его на народную нравственность. Следовательно, и в комиссии два предмета: гражданские преступления и раскол с его догматической и исторической стороной»⁵.

¹ Копию докладной записки Аксакова министру внутренних дел о секте странников в Ярославской губернии см.: ИРЛИ, ф. 3, оп. 1, ед. хр. 73. Частично опубликована («Русский архив». 1866. № 4); исследование о секте странников в Ярославской губернии (донесения и пр.) см.: Там же, ед. хр. 48.

² Аксаков И. С. Письма к родным: 1849–1856. М., 1994. С. 475.

³ Русский архив. 1866. № 4. С. 627.

⁴ Аксаков И. С. Письма к родным: 1849–1856. М., 1994. С. 153–154.

⁵ Там же. С. 165.

В письме от 28 сентября 1850 г. он подробно рассказывает о своих впечатлениях от увиденного в раскольничьем селе¹. Настроения Аксакова ярко выражены в письме от 30 октября 1850 г.: «Я убедился, что пропаганда раскола становится все сильнее и сильнее, я убежден, что ей суждено еще долго распространяться. Право, скоро Россия разделится на две половины: православие будет на стороне казны, правительства, неверующего дворянства и отвращающего от веры духовенства, а все прочие обратятся к расколу. Берущие взятку будут православные, дающие взятку – раскольники»².

Л. Н. Трефолев считал, что правительственные распоряжения, цель которых клонила к совершенному и быстрому истреблению раскола, не достигли и половины своей цели: «великая задача осталась неразрешенную». Единственным способом борьбы с расколом, по его мнению, может стать лишь религиозное просвещение: «Все же другие прежде испытанные средства будут недействительными, что между прочим доказывает один недавний опыт с сопелковскими странниками»³.

Завершая записку о расколе 1851 г., Аксаков предложил следующие меры: «...я должен сознаться, что не вижу никаких мер, которые, при настоящем порядке вещей, могли бы ослабить значение раскола, как протеста, ибо протест подобного рода может быть уничтожен только отнятием повода к протесту. Впрочем, вот некоторые меры, которые, по моему мнению, были бы не бесполезны. 1) Специальное образование священников для мест, зараженных расколом. <...> 2) ...необходимо привести в порядок все имеющиеся в Министерстве раскольнические документы, книги и рукописи, составить из них особую библиотеку и сделать ее доступною всякому желающему заняться этим изучением»⁴. <...> 3) Позволить печатно всем и каждому, как православному, так и раскольнику, писать и рассуждать о расколе. ... Кроме этого, я убежден, что если б позволено было напечатать историю иной раскольнической секты, сектаторы сами бы устыдились общественного о себе мнения, – и в этом одном было бы гораздо больше пользы, чем в ссылке целой сотни сектаторов в Сибирь или Закавказский край, где ссылки проповедью своею заражают новые места и готовят новые рассадники раскола для России»⁵.

Благодаря двум командировкам – в Бессарабию и в Ярославскую губернию – И. С. Аксаков стал достаточно крупным специалистом по истории раскола.

¹ Аксаков И. С. Письма к родным... С. 170–172.

² Там же. С. 177.

³ Трефолев Л. Странники (Из истории раскола) // Русский архив. 1866. № 4. С. 625.

⁴ Сам Аксаков за время своей ярославской командировки собрал богатую коллекцию старообрядческих рукописей, которые внимательно изучал и использовал в своих записках о расколе. Собранные Аксаковым материалы к изучению старообрядчества см.: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 1. № 109.

⁵ Аксаков И. С. Отчего так нелегко живется в России? М., 2002. С. 893–894.

3.5. Переписка с Министерством внутренних дел о поэме «Бродяга»

«Я *хочу* иметь в службе возможность сохранить под чиновническим мундиром человека честного (в обширном смысле этого слова); *хочу* иметь начальника, способного понять и уважать это требование (а потому и обращаюсь к Вам); *хочу* пользоваться правом говорить правду, без лести, разумеется, но и без резкости и запальчивости (в чем, по совести, не могу не сознавать себя виновным); желаю, наконец, иметь средства существования не по званию помещика»¹.

И. С. Аксаков – графу Л. А. Перовскому, без даты, 1852 или 1853 г.

В опубликованных письмах Аксакова содержится его переписка с министерством внутренних дел о поэме «Бродяга»².

12 ноября 1850 года Аксаков получил письмо следующего содержания: «Министерство Внутренних Дел. Особенная Канцелярия. 3 ноября 1850 года, № 5007. *Совершенно секретно*.

Состоящему при Министерстве Внутренних Дел г. надворному советнику Аксакову. До сведения моего дошло, что Вами написано какое-то стихотворение, под названием «*Бродяга*», предосудительного содержания, и что Вы позволили себе читать это сочинение при некоторых лицах.

Не давая, по одним слухам, веры такому поступку с Вашей стороны, я тем не менее предлагаю Вам, в личное Ваше ограждение, немедленно по получении сего предписания доставить мне, в собственные руки, означенное сочинение, если оно существует, оставаясь в надежде, что, по ближайшем рассмотрении оно, устранился возведенное на Вас обвинение.

Министр Внутренних Дел *граф Перовский*» (с. 202).

Через два дня, 14 ноября, Аксаков из сельца Яковлево Ярославского уезда отправил графу Перовскому свое сочинение в стихах под названием «Бродяга», сопроводив его следующим объяснением: «1) Рукопись моя представляется не только в подлиннике, но в том самом виде, в каком она находилась в III Отделении Собственной Его Величества Канцелярии, где она была рассмотрена и откуда возвращена была мне в конверте, с надписью, в котором я и имею честь ее представить. 2) По поводу этого сочинения в III Отделении предложен мне был вопрос в 11 пункте, на который я тогда же отвечал и, вероятно, удовлетворительно, потому что рукопись моя была возвращена без всякого замечания. 3) Сочинение это еще далеко не окончено; по предположению моему, оно должно состоять из 3 частей, но обе последние части еще не написаны. 4) Я действительно читал «Бродягу» во многих домах в Петербурге, в Москве и в Ярославле, потому что

¹ Аксаков И. С. И. С. Аксаков в его письмах: Эпистолярный дневник 1838–1886 гг.: В 3 т. Т. 2. М., 2004. С. 215–216. В дальнейшем все ссылки на это издание оформлены в тексте, в круглых скобках.

² Автограф: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 5. № 8. Л. 1–19. Впервые: И. С. Аксаков в его письмах. Часть первая. Учебные и служебные годы. М., 1888. Т. II. Письма 1848–1851 гг. С. 393–402. Также см.: И. С. Аксаков в его письмах: Эпистолярный дневник 1838–1886 гг.: В 3 т. М., 2004. Т. 2. С. 202–216.

не полагал и не полагаю, чтоб это сочинение было предосудительного содержания» (с. 203).

Здесь необходимо напомнить, что с 17 по 22 марта 1849 года Аксаков находился в Петербурге в III Отделении под арестом. Вопрос в 11 пункте, предложенный Аксакову, был следующим: «Объясните, какую главную мысль предполагаете Вы выразить в поэме Вашей «Бродяга» и почему избрали беглого человека предметом сочинения?» Аксаков отвечал так: «Оттого, что образ его показался мне весьма поэтичным; оттого, что бродяга, гуляя по всей России, как дома, дает мне возможность сделать стихотворное описание русской природы и русского быта в разных видах; оттого, наконец, что этот тип мне как служившему столько лет по уголовной части хорошо знаком. Крестьянин, отправляющийся бродить вследствие какого-то безотчетного влечения ко всему широкому пространству русского царства (где есть где разгуляться!), потом наскучивший этим и добровольно являющийся в суд – вот герой моей поэмы»¹.

Спустя два с половиной месяца, 29 января 1851 г., Аксакову из Департамента общих дел МВД по части секретаря был направлен следующий ответ: «Рассмотрев возвращаемое при сем в рукописи стихотворное сочинение Ваше под названием «Бродяга», считаю нужным Вас уведомить, что я, как ожидал и прежде, не нашел в нем ни предосудительных мыслей, ни сомнительного направления по цели. Впрочем, рассматривая этот труд в другом отношении, т.е. как занятие, требующее и времени и даже исключительного интереса, не могу не заметить, что человек, посвятивший себя службе и занятый, подобно Вам, исполнением важного поручения, доверием начальства на него возложенного, едва ли сможет найти, без ущерба для службы, довольно свободного времени для литературных или других посторонних занятий. Посему желательно, чтобы Вы, оставаясь на службе, прекратили авторские труды...

Министр Внутренних Дел *граф Перовский*. Директор *Гвоздев*» (с. 203–204).

5 февраля Аксаков из Ярославля отвечает графу Л. А. Перовскому: «Не только правом, но и обязанностью своею считаю объяснить Вашему сиятельству, что не служба терпит от моих литературных занятий, а литературные занятия, нравственное и умственное образование мое принесены в жертву службе. Никто никогда не мог и не может упрекнуть меня в лени или в нерадивом исполнении своего долга, потому что к деятельному служению побуждаюсь я ответственностью – не перед начальством моим, – а перед моею собственною совестью. <...> Предпоследняя глава из «Бродяги» написана была в декабре 1848 г.; последняя через год, в декабре 1849-го, и с тех пор к «Бродяге» не прибавлено ни строчки, хотя с того времени прошло уже почти 14 месяцев...» (с. 204–205).

12 февраля директор канцелярии графа Л. А. Перовского А. А. Гвоздев пишет Аксакову: «Граф Лев Алексеевич по прочтении письма Вашего от 5 сего февраля изволил приказать мне сообщить Вам, милостивый госу-

¹ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Т. II. М., 1888. С. 162–163.

дарь, что его сиятельство находит вообще весь тон этого письма совершенно неприличным. Дозволив себе войти в разбор полученного Вами предписания от министра, Вы отступили от самого основного правила службы – от строгой подчиненности... Весь отзыв Ваш не мог не удивить графа, тем более что в предписании его сиятельства не заключалось для Вас не только какого-либо обвинения, но даже ничего, что могло бы огорчить Вас; к тому же Вы должны были понять, что граф *не требовал* совершенного прекращения Ваших литературных занятий, а только выражал свои суждения об этом предмете» (с. 205–206).

19 февраля Аксаков дает ответ А. А. Гвоздеву: «Принимая в соображение, что письмо, подобное письму ко мне Вашего превосходительства от 12-го сего февраля, могло быть писано только с приказания его сиятельства графа Льва Алексеевича, я не иначе могу себе объяснить это письмо как желанием графа, чтоб я оставил службу. Вследствие сего я с нынешней же почтой представил его сиятельству просьбу об отставке» (с. 206–207).

Вместе с письмом А. А. Гвоздеву Аксаков направляет на имя графа Л. А. Перовского рапорт: «Вследствие неожиданных, весьма важных домашних обстоятельств, лишаясь ныне возможности продолжать долее службу Его Императорского Величества, я имею честь представить при сем Вашему сиятельству просьбу мою на Высочайшее имя об увольнении меня от службы по Министерству Внутренних Дел» (с. 207).

В этот же день Аксаков написал в письме Н. А. Милютину¹: «Другие чиновники играют в карты и ездят на балы, – я же не играю, не танцую, никуда не езжу и не могу дома заняться литературой! <...> Я всегда был убежден, впрочем, что у нас нельзя иначе служить, как с просьбой об отставке в кармане. <...> ...не укладывается моя натура в формы благонаправленного петербургского чиновника, влюбленного в формализм, верующего в свою кропотливую, отвлеченную деятельность, гордо игнорирующего живую жизнь и самодовольно признающую администрацию выше жизни!»².

22 февраля Аксаков направляет еще одно письмо А. А. Гвоздеву: «С своей же стороны я признаю *неудобным* дальнейшее пребывание *мое* в г. Ярославле по фальшивому положению, в котором уже почти два года нахожусь я относительно здешнего военного губернатора, обязанного иметь за мною секретный полицейский надзор, и по многим другим причинам, уже побудившим меня просить у г. министра *чистой отставки*» (с. 209).

27 февраля Ю. Ф. Самарин³ написал из Петербурга письмо Аксакову по поводу его прошения об отставке: «С крайним удивлением и прискорбием узнал я, что Вы подали рапорт об отставке. <...> Не стану повторять Вам то, что говорят обыкновенно для удержания на службе. Скажу Вам только по совести, что Ваш поступок мне кажется необдуманым, незре-

¹ Милютин Николай Алексеевич (1818–1872) – впоследствии товарищ министра внутренних дел (1859–1861), сенатор (1861).

² РГИА. Ф. 869. Оп. 1. № 818. Л. 15, 15 об., 16; Пирожкова Т. Ф. Примечания // И. С. Аксаков. Письма к родным. 1849–1856. М., 1994. С. 552, 553, 554.

³ Самарин Юрий Федорович (1819–1876) – славянофил, публицист.

лым. Наконец, по праву давнишней связи с Вами и с Вашим семейством, прошу Вас убедительно позволить мне разорвать Ваш рапорт и прислать Вам клочки в конверте. Попов, Оболенский, Ханыков, брат Ваш¹ – все одного мнения со мною» (с. 210–211).

5 марта Аксаков из Ярославля пишет ответ Ю. Ф. Самарину: «От всей души благодарю Вас за Ваше участие и за совет Ваш, который – мне так хочется верить – вам дать было нелегко. <...> Я устал душой и телом, болит душа моя от постоянных нравственных тисков, которым я так долго, так добровольно подвергался, которым я просто, с каким-то отчаянным усердием, шел даже навстречу – не ради служебных выгод (я не имею ни жалованья, ни места), но ради воображаемой веры в администрацию, ради страстного желания пользы. <...> Я решительно не согласен дозволить Вам разорвать мой рапорт... Я не хочу, чтобы отношения ко мне моего начальства походили на общие казенные отношения; я хочу иметь право на откровенное, живое слово. Возьмите все мои бумаги, писанные в продолжение девятилетней разнообразно-деятельной моей службы, возьмите все мои рапорты и записки, писанные в министерство: о расколе и о других предметах – везде слышится искренний, а не официально-лживый язык. По одному делу о расколе мне пришлось писать совершенно против мнения, принятого министерством... Я не признаю за министром права обижаться письмом моим. <...> А со мною странное совершается: чем более уходит моя молодость, чем дальше в жизнь, чем зрелее становлюсь я, – тем сильнее и сильнее во мне потребность говорить словом правды, тем живее чувствую я в себе возможность *неблагоразумных, непрактических*, но честных поступков, тем гаже и гаже делается для меня ложь официальности, тем противнее самонадеянная, довольная собою и игнорирующая живую жизнь мания администрации» (с. 211–212).

9 марта С. Т. Аксаков пишет сыну: «Письмецо твое, милый друг Иван, от 5 марта, с приложением подлинного письма Самарина и копии с твоего ответа, мною вчера получено. <...> Я не стану ничего говорить с тобой о письме Самарина и твоём ответе: это бесполезное водотолчение, да и ты находишься в таком состоянии духа, что не способен к принятию самой очевидной истины, если она не согласна с твоим настоящим взглядом и пониманием дела. <...> Смотри, не доведи нас до ужасной крайности: ожидать можно всего. Крепко тебя обнимаю и благословляю» (с. 213–214).

Через некоторое время министр удовлетворяет просьбу И. Аксакова: «Министерство внутренних дел. Департамент общих дел министерства. Отделение 2. Стол 3. 15 апреля 1851. № 1514.

Господину надворному советнику Аксакову. Высочайшим приказом по гражданскому ведомству 5-го текущего апреля № 67 Вы, согласно прошению, уволены от службы. О сем департамент общих дел министерства Вас извещает и вместе с тем просит доставить для написания увольнитель-

¹ Аксаков Григорий Сергеевич (1820–1891).

ного аттестата один лист гербовой бумаги в 90 копеек серебром. Директор Гвоздев. Начальник отделения Арсеньев»¹.

Между бумагами, относящимися к переписке о «Бродяге», нашлось еще одно письмо Аксакова к графу Л. А. Перовскому. Это письмо без даты и с отметкой: *не послано* – было, вероятно, написано через год или два после выхода Ивана Сергеевича в отставку. Приведем из него отрывок: «...с одной стороны неуместная запальчивость была причиной моей отставки; с другой – мысль о силе всякой неправды в нашем современном быту, о безуспешности честной с нею борьбы, о совершенном противоречии административного формализма с самобытными началами русской жизни; наконец ряд глубоких оскорблений, происходивших от столкновения служебных обязанностей с нравственными убеждениями, – все это поколебало во мне верование в пользу моего труда, раздражило характер и содействовало выходу моему из министерства. <...> Я должен был сознаться, что как ни безуспешна кажется борьба с современною неправдою, тем не менее обязан честный человек нести подвиг борьбы до последней крайности; я должен был согласиться, что недостатки административного формализма могут отчасти восполняться личностью самого чиновника в соприкосновениях его с действительностью; что служащему открывается способ приносить пользу обществу уже тем, что, изучая живые стороны народного быта (с которыми ничто не дает столько столкновений, как служба), он может ограждать их самостоятельность – верными объяснениями и ходатайством за них пред административною властью; что наконец, заменяя собою на службе взяточника или бездушного чиновника, он в состоянии сделать частного добра в тысячу раз более, нежели вне службы» (с. 214–215).

При всем служебном усердии и добросовестности Аксаков был довольно необычным чиновником. Он мечтал об отставке буквально «с самого первого дня вступления своего в службу»².

«Служить? иль не служить? да, вот вопрос! // Как сильно он мою тревожит душу!» – вопрос, задаваемый «Будущим чиновником» в юношеской мистерии Аксакова «Жизнь чиновника» (1843), волновал самого автора, постоянно обсуждался в переписке с родными и друзьями во второй половине 1840-х – начале 50-х годов.

Он не был чиновником в общепринятом смысле этого слова: не стремился делать карьеру (дослужился только до надворного советника), не имел иллюзий и честолюбивых мечтаний, простительных в начинающем службу молодом человеке. В первый же год работы в Сенате он в стихотворении «Итак, в суде верховном – виноват!...» насмешливо охарак-

¹ И. С. Аксаков. Письма к родным. 1849–1856 / Изд. подгот. Т. Ф. Пирожкова. М., 1994. С. 476.

² Письмо Аксакова к А. О. Смирновой от 9 апреля 1851 года // Русский архив. 1895. № 12. С. 452.

теризовал эти занятия: «Вкусили мы всю прелесть службы статской, И видим: слишком мало толку в ней, Чтоб ей отдать цвет лучших наших дней».

Но и в министерстве внутренних дел горячо и добросовестно исполняя свои служебные обязанности, Аксаков видел, как мало пользы приносит его рвение, как результаты расследований предаются забвению и на местах все остается по-прежнему. Иногда служебная деятельность Аксакова шла вразрез с установками министерств. Правительство видело одно средство, чтобы покончить с расколом, – насильственное обращение в православную веру. Посланный в Бессарабию, а затем в Ярославскую губернию с целью изучения раскола Аксаков выступил против гонений на старообрядцев, против вмешательства полиции в дела веры, считая – и настойчиво доказывая в рапортах министру, – что правительство само виновато в живучести этого явления своими притеснениями, от которых преследуемые либо бегут за границу, либо из открытых раскольников становятся скрытыми¹.

Почти девять лет своей жизни Аксаков посвятил службе, потому что в условиях николаевской действительности не видел иной возможности применения собственных сил: «Издание журнала почти невозможно, говорить страшно, писать стихи – не деятельность, а занятие случайное, временное. Сидячий труд, кабинетный, для потомства, как делают немцы, работающие по 20 лет над изысканием смысла каких-нибудь крючков, нам невозможен: нужна более живая, общественная деятельность. Поэтому-то пугает меня, привыкшего к деятельности служебной, хоть и подлой, при выходе в отставку отсутствие всякой деятельности...»². Он не бросал службы и по другой немаловажной причине: не желал жить за счет крепостных крестьян.

Но, как мы уже знаем, в феврале 1851 г. Аксаков все-таки сделал решительный шаг – подал рапорт об отставке. Совершенно очевидно, что такой неугомонный человек и неординарный чиновник, вдобавок находившийся после ареста III Отделением под надзором полиции, не мог «вписаться» в ярославское губернское общество, ужиться в городе, который живет сам по себе, а все вопросы и весь волнующийся мир сам по себе. Он навлек на себя недовольство губернатора А. П. Бутурлина, пославшего в министерство внутренних дел донос на сочинителя «предосудительной» поэмы «Бродяга».

Таким образом, поставленный перед необходимостью выбора – служба или литературная деятельность, Аксаков выбрал последнее, и отстоял – пусть ценой отставки – свои права, чувство собственного достоинства и

¹ Подр. см.: Аксаков И. С. Служебные записки о расколе // Аксаков И. С. Отчего так нелегко живется в России? М., 2002. С. 849–894.

² Аксаков И. С. Письма к родным. 1844–1849 / Изд. подгот. Т. Ф. Пирожкова. М., 1988. С. 312.

внутреннюю свободу. Точно так же в 40-е годы Л. А. Перовский предложил В. И. Далю, чиновнику министерства внутренних дел и автору рассказа «Цыганка-воровка», вызвавшего недовольство цензурного комитета, бросить или службу, или литературу. Не имевший средств к жизни В. И. Даль выбрал службу. Аксаков из двух возможных для него сфер деятельности отдал предпочтение литературе. Министерство лишилось незаурядного чиновника, а русское общество приобрело выдающегося журналиста и публициста.

При всей неожиданности уход в отставку был закономерен: служебные занятия, в которые Аксаков имел обыкновение погружаться с головой, мешали литературному труду осознавшего свое призвание человека. Страдая от пошлости провинциального существования, он заявлял, что ни за какие сокровища не согласен жить в провинции постоянно, считал дни до поездки в Москву. И в 1851 году это желание исполнилось. Тем не менее, служба принесла И. Аксакову и много пользы. Служба сталкивала его с великим множеством людей, помогала понять «чужую натуру». Помимо служебного опыта, Иван Сергеевич обогатился знанием практической жизни, народного быта, постиг систему государственного управления.

Р. С. В 1866 г. в письме к Ф. В. Чижову Аксаков вспоминал: «Я был лириком в обер-секретарстве. Тем не менее, после долгой, 15-часовой работы за сенатскими делами, я в награду себе позволял часик, другой позаниматься “поэзией”, и таким образом написал “Бродягу”, который весь сшит из лоскутьев...»¹.

Поэма «Бродяга» впервые была опубликована в «Московском сборнике» за 1852 год (с. 385–427) с указанием: «Отрывки из 1-й части “Бродяги”, очерка в стихах»².

¹ Аксаков И. С. Письмо Ф. В. Чижову // Поэзия: Альманах: Вып. 40. М., 1985. С. 122.

² Подр. см.: Аксаков И. С. И слово правды... Уфа, 1986. С. 69–112; Аксаков И. С. У России одна-единственная столица... М., 2006. С. 63–94; Московский сборник / Изд. подгот. В. Н. Греков. СПб.: Наука, 2014. С. 253–281, 635–648, 1025–1053, 1180 (примеч.).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение № 1

И. С. Аксаков. < Автобиография 1862 года >

28 апреля 1862 г. по просьбе ученого-слависта, в будущем академика В. И. Ламанского И. С. Аксаков напишет автобиографию¹:

«Иван Сергеевич Аксаков родился в *Оренбургской губернии*, Белебеевского уезда в селе Надёжине (Куроедово тож), 1823 года Сентября 26-го. На 3 году был он привезен в Москву, где воспитывался дома до 1838 года. В этом году поступил в Импер<аторское> Училище Правоведения, где и окончил курс в 1842 г., с чином 9 класса. Определился тогда же на службу в Московский Сенат (в Уголовный Д<епартамен>т). В конце 1843 года отправился с Сенатором кн. *Гагариным* на ревизию в Астраханскую губернию, где и оставался около года.

Возвратившись, продолжал службу в Сенате, в звании Секретаря. В Июне 1845 года определился на службу в *Калугу* в качестве Товарища Председателя Уголовной Палаты. В Апреле 1847 года перешел опять в Московский Сенат, Обер Секретарем. В Сентябре 1848 г. поступил на службу в Министерство Внутр<енних> Дел, и тотчас же был отправлен бывшим Министром *Л. А. Перовским* в Бессарабию, по некоторым раскольничьим делам. Объездив в течение 3-х месяцев почти всю Бессарабию, возвратился в начале Января 1849 года в Петербург, где представил Министру отчет о своем путешествии, или Записку о расколе в Бессарабии.

В Марте 1849 года, по Высочайшему повелению был арестован и посажен в *III Отд<еление> Соб<ственной> Его Имп<ераторского> В<еличе-ст>ва Канцелярии*. Там оставался дней семь или восемь. Причина ареста до сих пор неизвестна, и Аксакову не объявлена. Ему предложены были вопросные пункты: о *Славянофильстве*, об его политических мнениях и т. д. – Ответы были написаны довольно резко. Император *Николай Павлович* читал ответы и сделал на полях собственноручно разные замечания и возражения, и потом препроводил эту тетрадь к Графу (ныне Князю) *Орлову*, надписав сверху: “*Призови. Прочти. Вразуми. Отпусти*”. После того Аксаков подвергнут был тайному полицейскому надзору, а Министр Перовский командировал его в Апреле 1849 г. для ревизии Городского Управления в *Ярославской Губернии* и для обсуждения на месте вопросов об единоверии, введению которого противился Ярославский Архиепископ.

С Апреля 1849 г. по Апр<ель> 1851 г. Аксаков находился в Ярославской губернии. В 1840 г.² ему велено было состоять Членом Комиссии, бывшей под председательством Графа Стенбока, для исследования секты Странников. Это исследование, т. е. – описание учения, догматов и проч.

¹ Впервые: Переписка двух славянофилов. [Двусторонняя переписка И. С. Аксакова и В. И. Ламанского] // Русская мысль. 1917. № 3–4. Отд. II. С. 67–70. Также см.: Аксаков И. С. Стихотворения и поэмы. Л., 1960. С. 31–34; Аксаков И. С. У России одна-единственная столица... М., 2006. С. 155–157.

² Описка. На самом деле – в 1850 г.

произведено было самим Аксаковым. Вследствие доноса Ярославск<ого> Военного Губернатора, Ал<ександра> П<етрови-ча> Бутурлина, III Отделению, что Аксаков (с которым он находился в столкновении по службе) читает в Обществе какую-то поэму противозаконного содержания, под названием Бродяга, III Отделение сообщило о том Графу Перовскому, который предписал официально Аксакову представить ему сего “бродягу”; Аксаков и представил его, как следует, при рапорте. Министр скоро возвратил рукопись, не найдя в ней ничего предосудительного, но в предписании своем сделал Аксакову замечание и объявил, что занятие стихотворством неприлично человеку служащему, облеченному доверием Правительства. Аксаков в ответ написал Министру резкое письмо, вышел в отставку и возвратился к своему отцу в Москву, где и занялся литературой.

В 1852 году он издал Московский Сборник, том I, и готовился уже издать II-ой том, но продолжения издания было запрещено, самая рукопись 2-го тома конфискована при Московском Цензурном Комитете. Состоялось Высочайшее повеление: “Ивана Аксакова, *Константина Аксакова, Ивана Киреевского, Алексея Хомякова* и Кн<язя> *Черкасского* – обязать подпискою, чтобы все сочинения свои представляли отныне для цензуры не в Московский Ценз<урный> Комитет, а в Главн<ое> Упр<авление> Цензуры, в Петербурге. Сверх того Ивана Аксакова лишить на будущее время права быть редактором какого бы то ни было издания”. Полицейский надзор был усилен. Аксаков просился в кругосветное путешествие на военном корабле. III Отделение отказало.

Тогда Аксаков принял предложение Русского Географического Общества: описать торговлю на Украинских Ярмарках, – и отправился в конце 1853 года в Малороссию, где и путешествовал до конца 1854 года. Возвратившись в Москву, во время самого разгара войны, Аксаков добровольно вступил в Ополчение, именно в Серпуховскую дружину (в начале 1855 г.), и вместе с дружиною совершил поход до Одессы, а потом в Бессарабию. В Марте 1856 года, при первом известии о мире, он бросил дружину и возвратился в Москву, но в Мае того же года был приглашен Князем *Виктором Васильчиковым* принять участие в следственной комиссии, назначенной по делу о злоупотреблениях Интендантства во время войны. Вследствие этого он отправился в Крым, но, не дождавшись конца Комиссии, он в Декабре 1856 года возвратился в Москву. В Марте 1857 г. он представил Географ<ическому> Обществу свой статистический труд, и уехал за границу, откуда вернулся в конце того же года.

Он хотел было в 1858 г. взять на себя и продолжать издание газеты *Молвы*, в которой брат его Константин был деятельным участником, но попытка эта не удалась, вследствие цензурной истории, возбужденной статьею Конст<антина> Сергеевича в 34 № *Молвы*: “Публика и народ”.

В половине 1858 г. Аксаков принял на себя, но неофициально, редакторство журнала *Русская беседа*, и выдал III и IV томы за этот год. Получив дозволение, после долгих хлопот, издавать газету *Парус*, он в Январе 1859 года выдал два №№ этой газеты, но на 3 № она была запрещена. Про-

должая заниматься редакцией *Р<усской> Беседы*, Аксаков в этом 1859 г. издал 6 томов этого журнала. Издатель, *А. И. Кошелев*, просил Главное Управление Цензуры дозволения передать Аксакову звание официального и ответственного редактора, но Главное Управление нашло это “неудобным” и отказало.

Аксаков в начале 1860 г. уехал за границу и посетил Славянские земли. В конце 1861 г.¹ он был уже в Москве, куда привез тело своего старшего брата, умершего на Острове Занте. – Никаким награждениям знаками отличия не подвергался.

Аксаков написал несколько стихотворений, из которых многие были напечатаны в *Московском Сборнике* 1846 г., 1847 г., 1852 г., в *Русской Беседе* (1856–1860 г.), и в газете *Парус*. Большая часть стихотворений осталась ненапечатанною, по особенным обстоятельствам, от автора независшим.

Более других известна поэма Бродяга, неоконченная и напечатанная в *Моск<овском> Сборнике* 1852 г. и во 2-м № газеты *Парус*.

В 1858 г. напечатано в П<етер>бурге, Императорским Географ<ическим> Обществом, сочинение Аксакова: “Исследование о торговле на Украинских ярмарках” in 4с. Оно удостоено Обществом большой Константиновской медали, а Академиею Наук – половинной премии. В 1857 г. напечатаны в Лондоне, в *Полярной звезде* (без ведома автора) его “Судебные Сцены, или Присутственный день Уголовной Палаты”.

Аксаков Иван принадлежит к той школе, которой организована была *Русская Беседа*. Издавая *Парус*, он имел в виду создать Центральный орган Славянской мысли, что вполне ясно выражено в его объявлении об издании газеты *Парус*, объявлении, переведенном и напечатанном по Польски, Болгарски, Сербски и Чешски. Больше сказать нечего. *Иван Аксаков*».

Приложение № 2

И. С. Аксаков. «Русские сочинения № 2.

О возможности русским иметь народную литературу (Разговор)»²

Первой критической попыткой осмысления национального своеобразия русской литературы является публикуемая ниже статья молодого Ивана Аксакова «О возможности русским иметь народную литературу» (1841?) (автограф хранится в ИРЛИ: Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 68). Она представляет собой по-юношески пылкое обоснование преимуществ русского языка, литературы, философии перед аналогичными явлениями западноевропейской культуры. Написана она была, видимо, в период учебы в Училище правоведения и, судя по содержанию, не позднее 1841 года. (с. 173) <...>

¹ Описка. На самом деле: в конце 1860 г.

² См.: Вихрова Н. Н. Ранний критический опыт И. С. Аксакова // Русская литература. 2011. № 2. С. 178–183. На этих шести страницах размещен текст И. С. Аксакова с постраничными примечаниями.

Хотя рассматриваемая юношеская статья И. Аксакова носила во многом ученический характер, в ней намечен круг важнейших вопросов, связанных с решением проблемы своеобразия русской народности, которая определяла философские и литературно-общественные искания будущих западников и славянофилов. Говоря о «возможности русским иметь народную литературу», молодой автор имел ввиду литературу неподражательную, самобытную, в которой предмет и способ изображения определялись бы русскими национальными особенностями. Русская литература, по мнению Аксакова, в лице лучших своих представителей уже явила миру образцы поэзии, которые не только верно отражают национальный характер, но и по значимости выше европейских. Причем национальную самобытность он видит не только в оригинальных произведениях Пушкина и Гоголя, но даже в переводной поэзии Жуковского.

Таким образом, уже в этой ранней статье И. Аксакова можно выявить его литературно-эстетические приоритеты, отражающие общее движение критической (с. 177) мысли этого времени к самобытности, народности и реализму, а также стремление молодого автора направить свое перо в сторону «положительного» направления, которое впоследствии станет концептуальной идеей его осмысления литературы.

Орфография и пунктуация публикуемого источника приближены к современным, названия произведений заключены в кавычки, зачеркнутые слова – в квадратные скобки, пропуски и сокращения – в угловые, авторские подчеркивания выделены курсивом¹.

* * *

Как посравнить и посмотреть
Век нынешний и век минувший:
Свежо предание, а верится с трудом.
«Горе от ума»

Раз пригласили меня на вечер к одному из моих знакомых. Пришедши к нему, я нашел у него общество довольно многочисленное, но большей частью состоявшее из молодых людей пожилых лет. Я думал найти добрых и простых русских старичков, любящих вспоминать о старине, но как ошибся! Это были люди Екатерининского века, считавшиеся в свое время самыми образованными, принадлежащие к *светской* молодежи тех лет, молодежи, в воспитание которой непременно входило вольнодумие, либерализм и пустословие. Словом, это были живые [люди] остатки XVIII столетия, пережившие свое время, оставшиеся чуждыми новых мыслей и мнений и удержавшие даже на старости лет прежние понятия, не видя, что произошла перемена, что...

¹ Здесь представлено начало и окончание вступительной статьи публикатора юношеской статьи Ивана Аксакова: Вихрова Н. Н. Ранний критический опыт И. С. Аксакова // Русская литература. 2011. № 2. С. 173, 177–178. Благодарю Н. Н. Вихрову за присланную электронную версию этой статьи.

Преобразился мир при громах новой славы!¹.

«Ils n'ont rien oublié – ils n'ont rien appris»², – сказал Наполеон и сколько правды в этих словах!

Известно, что большая часть тогдашней знатной молодежи была воспитана в Париже, и что тогда гнушались всего отечественного, не говоря уже о языке и литературе. Слепцы!

Не так думаем теперь мы, молодое и свежее поколение! Мы поняли и сознали всю силу, все богатство своего родного языка, и не разделяя пристрастных мнений и предрассудков стариков XVIII столетия, смело говорим:

*Suum eni qve!*³

Но я слишком завлекся, пора приступить к делу. Один из почтенных посетителей стал между прочим нападать на нашу [самобытность] литературу и доказывать ее несамобытность, с ним согласились все прочие. Я не выдержал и вступил с ним в жаркий спор. Постараюсь передать его в немногих словах. (с. 178)

Н. Н. Я, право, не понимаю, чем можем гордиться мы, русские. Посмотрите, может ли литература наша выдержать сравнение с французской и английской. Не говорю уже о народной литературе: во Франции последний крестьянин... да что говорить, как начнет рассуждать наш русский мужик с своим грубым варварским языком и голосом, то со мною делается дрожь (тут последовал целый залп французских восклицаний и острот).

Я. Позвольте. Я вижу, что вы не понимаете еще русского характера. Если хотите, я вам объясню его, покажу, что в нем лежат все элементы, необходимые для образования такой литературы, которая может быть гораздо выше и немецкой и...

Все. Сделайте милость. Посмотрим!

Я. Разберем русский характер, не в частностях, а вообще. Вы не найдете в нем ни одной крайности, ни одной резкой черты, которая отделяла бы от других, так как, напр<имер> у французов и пр<очих>. Француз живет больше жизнью эгоистическою, он легок, ветрен, не способен к глубокомысленным исследованиям. *Les nouvelles du jour*,⁴ – вот их пища! В немце преобладает элемент философский, и потому метафизика и высшая

¹ Из стихотворения А. С. Пушкина «К вельможе».

² «Они ничего не забыли, они ничего не поняли» (или: «Они ничего не забыли и ничему новому не научились») (*франц.*). Крылатое выражение, которое ошибочно приписывается Наполеону. Слова из письма (1796) французского адмирала де Пана к известному журналисту времен Великой французской революции Малле дю Пану. Адмирал имел в виду роялистов (от французского слова *royal* – «королевский»). Эти сторонники свергнутой во Франции королевской власти, воспряли духом в период Директории (1794–1799), надеясь на скорую реставрацию монархии. Выражение пережило второе рождение после реставрации Бурбонов на французском престоле (1814–1830) и вошло в историю как иронический комментарий к поведению последних представителей этой династии, вернувшихся на некоторое время к власти.

³ Каждому свое! (*лат.*)

⁴ Новости дня, сплетни (*франц.*)

философия вообще и глубокая поэзия получили у них полное свое развитие. Но зато как смешон для нас, русских, немец в действительной жизни, как мелочен! Англичанин, напротив, живет совершенно в мире действительном, он развил все его отрасли, посмотрите, какое удобство в жизни доставили англичане во всех отношениях. Я не говорю о других свойствах. Посмотрите на русского. Как смышлен наш простой русский мужичок, как часто то, над чем немец ломает голову, русский сделает гораздо скорее и проще. Француз не способен к философии ...

Н. Н. Что вы говорите? А Руссо¹, величайший философ?

Я. Величайший софист, хотите вы сказать? К тому <же> его философия более практическая, а совсем не такая отвлеченная, как у немцев. А каким здравым рассудком, логическим умом наделил господь русского. Логический ум пролагает [начало] путь к философскому началу, след<овательно>, русские способны к философии.

Н. Н. Да где же ваша философия? Укажите нам, где же собственно находится ваша, русская философия?

Я. Не в том дело, чтобы иметь *свою* философию. Философия, как истина, одна и для всех, но дело вот в чем, что мы скорее французов способны принимать эти истины, усвоить их себе. Глубокомысленные и отвлеченные идеи Канта, Фихте, Гегеля² не гармонируют с характером французов, между тем, как они нисколько не противоречат свойствам русского народа.

Н. Н. Что же доказывают ваши слова: что русские не имеют самобытности, что он<и> ни то, ни се, не имеет самостоятельности.

Я. Вы ошибаетесь, извините. Когда мы видим человека с крайностями, мы желаем, чтоб он соединил в себе и прочие достоинства. Что называем мы образованием полным, человеком полным: такое образование, которое соединяет в себе все хорошие стороны человека вообще: таких людей мало. Русский народ соединяет все три хорошие элементы, находящиеся в этих трех народах: разумеется, они еще не успели развиваться. В нем такое богатство способностей, что от невольного сознания их происходит чувство собственной силы, беспечность, мощное спокойствие и равнодушие. Он не любит тратить слов по-пустому, не любит хвастаться. Немец сделает какую-нибудь диковинку, и все дивятся, и все кричат; русский сделает то же самое, но никогда не начнет сам про себя рассказывать, <не> станет хвалить, он скажет вам, что это ничего не значит, что об этом говорить не стоит, так он уверен в своей собственной силе, что для него это нипочем. От того-то происходит такая беспечность. Из всего этого следует, что так как (с. 179)

1. англичане, немцы и пр<очие> имеют свои литературы (я не говорю о литературе народной, принимая это слово в самом тесном значении:

¹ Жан Жак Руссо (1712–1778) – французский философ, писатель, композитор эпохи Просвещения

² Иммануил Кант (1724–1804), Иоганн Готлиб Фихте (1762–1814), Георг Вильгельм Фридрих Гегель (1770–1831) – представители немецкой классической философии.

народную литературу такого рода имеет каждый народ, какое бы ни было его образование, впрочем я после разовью это).

2. так как русские имеют в богатом запасе все эти три элемента, то

3. русские могут иметь литературу более богатую, более разнообразную, чем все другие народы.

Доказав теперь, что нет никакого препятствия в этом отношении – иметь русским народную литературу, мы обратимся к другому предмету – к языку; потом рассмотрим собственно литературу нашего народа во всех степенях развития. Боже мой! Какой глубокий характер у нашего народа. Мы привыкли жить широко, просторно, удобно, видеть и чувствовать все в гигантских размерах, во всех [отношениях] видах сознавать нашу мощь России

От Перми до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной Колхиды,
От потрясенного Кремля
До стен недвижимого Китая...¹.

Имея такое превосходство перед прочими в умственном образовании мы превосходим и в физическом. На необъятном пространстве нашего государства найдете вы и все степени развития природы, и все степени климатов... все, все соединяет в себе глубокая и мощная душа Русская, все стороны жизни человеческой. Примем в соображение, что это еще все в начале, что до сих пор мы видим большею частию только зародыши, что Россия еще государство юное и свежее, а прочие державы уже в зрелом возрасте. Только одна, одна Россия могла сделать такие гигантские успехи на пути просвещения! Что же будет, когда она разовьется во всей своей полноте и силе? Как низко будут стоять [прочие] в сравнении с нею прочие государства! Что же будет? Страшно подумать!

Н. Н. О, молодой человек, вы слишком увлекаетесь, по всему видно, что вы *патриот*, а знаете ли вы, что у образованного человека нет отечества, что он не принадлежит ни к какой нации, что он...

Я. Извините, мы теперь живем не в 18 веке. Слово *патриот* частым и неуместным употреблением получило чрезвычайно пошлое значение. Так обыкновенно называют человека, пристрастного к своей родине. Мы же отдаем должную справедливость каждому: *Suum eni qve!*² Я согласен с вами, что человек образованный теряет, разумеется, свой первоначальный, грубый характер, принимает понятия и мысли, общие всем прочим образованным людям – так, но национальность свою он никогда совершенно не теряет. В литературе тоже два момента, если можно так сказать. Литературу собственно народную имеют все народы; всякий из них имеет свои предания и песни: в этом первоначальном образе литературы резко проявляется характер и дух народа. Как скоро народ начинает образовываться, то литература также принимает большею частию формы, общие образованным

¹ Строки из стихотворения А. С. Пушкина «Клеветникам России».

² Каждому свое (лат.).

нациям: появляются драмы, трагедии, элегии и прочее. На этой ступени литература имеет обыкновенно вид всеобщности, но и тут [она сохраняет] опять в ней проявляется народность, ибо она выражает в родных звуках, выражает то, что никогда на другие языки не может быть передано, что мы часто бессознательно принимаем. Я докажу вам после, что у русских существуют все эти два рода литературы, покажу вам все достоинства народной и – от образования произошедшей, как бы назвать это? Один из немецких ученых называет последнюю литературу национальной, ибо, говорит он, нация предполагает более просвещения, более гражданской организации, нежели слово народ. Представлю вам, что наша литература несколько (с. 180) не подражательна и имеет такие данные, которые могут ручаться нам, что она будет богаче всех известных до сих пор.

N. N. Вы меня закидываете словами. Я хочу доказать вам, что русские имеют мало средств для образования подобной литературы. Посмотрите, какое очарование производят звуки французского языка, итальянского. Немцы, как вы сами говорите, берут превосходство если не звуками, так по крайней мере глубокими мыслями, содержанием. Признаюсь, в наше время мы мало читали немцев.

Я. Как, что? Вы нападаете на наш язык? О, видно, что воспитание парижское глубоко пустило в вас свои корни. Я вам показал, что русский соединяет в себе все почти элементы глубокого духа человеческого, все три разума, о которых говорит психология: практический, теоретический, эстетический, что отличительная черта его есть всеобщность, облеченная в какое-то мощное, свойственное ему одному спокойствие. Я сказал вам, что отечество наше соединяет на своих просторах почти все роды произведений Европы, все степени климата, природы; теперь я докажу вам, что язык наш вполне соответствует характеру нашему. Язык этот соединяет в себе также почти все звуки, встречающиеся в прочих известных и образовавшихся языках. Оттого-то русским так легко учить языки иностранные. Как он богат, глубок, как легко выражает все оттенки мысли. Французский язык не способен ко всем родам стихосложений, а русский наоборот. Для меня в нем больше гармонии, нежели во французском и в итальянском.

Все. Ах, что вы говорите! Образумьтесь!

Я. Да, господа! Я так думаю, и знаю наперед, что удивлю вас. [Я не люблю ничего.] Посмотрите на французскую музыку и потом на немецкую: какая разница! Сладкие, маленькие звуки французской музыки менее проникают в мою душу, нежели величавые, глубокие тоны симфоний Бетховена, Моцарта. Французский язык звонок. Русский звучен. Да возьмите любые стихи Пушкина: какие полные, круглые звуки! Станем разбирать по буквам, беспристрастно будем видеть превосходство нашего языка. Для моего русского уха русский я перед *а*, *у*, *о* гораздо приятнее, гораздо звучнее, нежели *е* и т<ому> п<одобное>: наши страдательные причастия и большая часть прилагательных как много придают силы и гармонии в стихах наших поэтов, напр<имер>

Ах, зачем за меч *воинственный*
 Я свой посох *отдала*
 И тобою, дух *таинственный*,
*Очарована была*¹.

Какое чудесное сочетание рифм в этих стихах! Заметим еще, что наш язык способен ко всем родам поэзии и прозы: легкой, ученой, драматической, ораторской. Я гораздо больше люблю французские песни и куплеты (в которых они неподражаемы), нежели их чопорные, надутые произведения века Людовика XIV-го, не говорю уже о их трагедиях; их кто станет читать после Шекспира? Французы более гоняются за эффектом и фразами. Немцы, наоборот; тяжелы в так называемых легких произведениях. «Моцарт и Сальери», «Сцена из Фауста», «Борис Годунов», «Евгений Онегин» явно свидетельствуют, какие высокие произведения имеем мы в этих столь различных родах литературы. Обратимся опять к языку: звуки его можно уподобить полным тонам органа, мы имеем еще ту выгоду перед прочими, что русский язык находится в живой связи с славянским языком и может черпать из него, как <из> обильного родника, новые слова и усваивать их себе, между тем французский язык, хотя и произошел от латинского, не может уже им пользоваться. Припомним еще, что русский и немецкий языки суть единственные, на которые Илиада переведена гекзаметрами. (с. 181)

Н. Н. Я с вами согласен, что русский язык и богат, и силен. Но что же из этого? Признайтесь, что наша литература чрезвычайно бедна в сравнении с иностранными. Напрасно стараетесь вы ее возвысить: лучшие произведения суть подражательные, сюжет заимствован большею частью из истории Англии, Франции и прочих, и это очень ясно: наша история чрезвычайно скудна происшествиями. У западных народов было рыцарство, средние века, крестовые походы; какая обильная пища для поэта, романиста, историка! Происшествия тех времен, столь близкие народу, отразились в его песнях: оттого-то у них песен политических гораздо более. А у нас!..

Я. Все, что вы говорите, имеет вид правдоподобный, но я постараюсь опровергнуть ваши доводы. Неужели только западное может быть хорошее. Характер наших песен резко отличается от песен прочих народов, они совершенно другого рода, нежели у западных народов, но это нисколько не мешает нашим песням быть превосходными. Политических песен мало, это правда, русский народ по врожденному ему миролюбию доверял беспечно своим государям. К тому же тут причиною то свойство нашего народа, что он не любит ни даром тратить слова, ни даром хлопотать и кричать, подобно французам: ему хорошо, чего же более, нужно – так он восстанет и приведет в действие свои силы. Вспомним 12-е года XVII и

¹ Несколько измененная цитата из «Орлеанской девы» В. А. Жуковского (действие 4, явление 1).

XIX-го столетия! Погодите, придет время, когда истинное просвещение осветит лучом своим народ русский и возбудит растительность всех зародышей, таящихся в нем до сих пор. Чувство политического достоинства России проникнет в сердца, быстрым шагом пойдет развитие нашего отечества, и нельзя измерить даже, каково будет со временем его влияние. Итак, я сказал, что, беспечно доверяя бразды правления своим государям, русский народ стал жить совершенно семейною жизнью, которая во всех свойствах, со всеми своими прелестями отражается в его песнях. Послушайте, какая заунывная грусть в мотивах наших песен, но вместе с тем какая сладкая, отрадная грусть. Любовь главный предмет песен, и хотя в них изображается внутренняя сторона русского духа, также домашняя жизнь, но они нисколько не походят на идиллии, которых, признаюсь, не люблю, но где также изображается семейная жизнь, но в другом роде. Русский чувствует в широких размерах, и потому, какая глубокая нежность, какие сильные чувства видны у него, посмотрите, каковы наши разбойничьи песни, каковы богатырские разгулы, какою широкою кистью изображает он картины природы: *сине* море, *сизую* степь, Волгу-матушку, широкое раздолье. Но у нас есть и политические и исторические песни; нет рыцарей, но есть богатыри, есть свои предания, своя мифология: русалки, леший, водяной, домовый. Чтоб доказать вам, какая это обильная пища для таланта, я укажу вам на одно произведение Казака Луганского: «Ночь на распутье»¹, где он превосходно [изобразил] представил суеверные понятия нашего народа. Читали ль вы собрание русских старинных песен Кириши Данилова?² Вероятно, нет; там встретите вы и Владимира – красное солнышко, и Добрыню, и Алешу Поповича, и Илью Муромца. Слишком долго было бы перечислять все красоты наших песен, скажу только, что везде видны грусть, нежность, сильные чувства разгула, сознания силы. История наша еще не имела своего историка, который рассмотрел бы ее с философской точки зрения, – а какие сокровища он нашел бы, может быть, в ней! Но разве у нас XVI, XVII, XVIII и XIX столетия не обильны происшествиеми своего рода? У нас есть то, чего нет ни в какой истории: самозванцы.

¹ Речь идет о произведении В. И. Даля, писавшего под псевдонимом Казак Луганский: Были и небылицы. Казака Владимира Луганского. В 4 книгах. СПб.: Типография Н. Греча, 1833–1839. Кн. 4: [Ночь на распутье, или Утро вечера мудренее; Старая бывальщина в лицах; Сказка о Георгии храбром и волке; Сказка о нужде, счастии и о правде; Ведьма: Укр. сказка.] СПб.: Тип. 3 отд. Собств. е.и.в. канцелярии, 1839. 198 с.

² Древние российские стихотворения, собранные Киришею Даниловым («Сборник Кириши Данилова») – рукописный сборник фольклорных поэтических текстов с нотами. В Сборнике представлены былины, духовные стихи, исторические песни, баллады, песни сатирические, юмористические 13–18 вв. Впервые частично (26 текстов из 71 без напевов) опубли. А. Ф. Якубовичем (Древние русские стихотворения, М., 1804). Второе изд. рукописи, приобретенное Н. П. Румянцевым для музея, подготовлено К. Ф. Калайдовичем при помощи А. Ф. Малиновского (Древние российские стихи, собранные Киришей Даниловым. М., 1818). Оно включало 61 («кроме непристойных») песню с заново прочитанным текстом и напевами (без подтекстовки), отредактировано Д. И. Шпревицем (повторено в 1878). Это издание оставалось до 60-х гг. XIX в. основным источником знаний русского эпоса. Видимо, это издание имеет в виду И. С. Аксаков. Полный текст Сборника воспроизведен П. Н. Шеффером (СПб., 1901), переиздан в серии «Литературные памятники» (М., 1958, 1977) – без подтекстовки: напевы и тексты – раздельно.

Вы говорите, что большая часть произведений подражательны. Да, было это время, но как не долго оно продолжалось! Теперь разве только одни дамы пренебрегают русским языком и не ведают, какую сокровищницу обладают. Но и (с. 182) это уже выходит из моды. Всякий должен кинуть Ламартина, Гюго¹, читая Пушкина, Жуковского, Батюшкова, Козлова. Дело не в количестве, а в качестве, и в произведениях поэзии мы смело можем соперничать не только с англичанами, но и с немцами... У нас мало романов, но не в этом дело. Лажечников, Загоскин, Марлинский² все-таки занимают первые места и могут служить достаточными образчиками великих успехов русской литературы по этой части. Мы имеем большие выгоды перед прочими народами в том, что нигде нельзя найти такого разнообразия во всех отношениях, как у нас, не нужно ездить в чужие края за впечатлениями. Мы в своем отечестве можем найти и дику северную природу, и снега, и скалы, и роскошную негу юга, и горы высокие, и *синие* степи и быстрые потоки, все, все найдете вы на обширном пространстве нашей империи. Есть произведения в литературе, которые по изложению не могут быть причислены к произведениям чисто народным, хотя предмет содержания заимствован из быта народного. Таковы произведения Гоголя. Сколько чувства и поэзии найдете вы в его «Бульбе». Разумеется, такие произведения не столь доступны и понятны иностранцу, как сочинения Марлинского.

Н. Н. Послушайте, вы, кажется, хвалите Гоголя. Боже мой! Какой низкий сюжет в его повестях, это оскорбляет истинный вкус.

Я. Нисколько. Он изображает нам жизнь народную, дух народный, а в жизни и духе сколько поэзии. *Ubi vita, ibi poetica*³. Разумеется, этот дух проявляется в формах грубых, но нисколько не низких, ибо они облагораживаются здесь поэзией и рукою художника. Для вашего вкуса они оскорбительны, для вас, людей односторонних, воспитанных с ложными понятиями, софизмами Баттё⁴ и Кондильяка⁵. Пусть каждый народ обратится к самому себе, отроет, очистит родные источники. Много найдут они самородного золота, иной больше, другой меньше, а русский народ больше всех: бесчисленны наши источники, неиссякаемы они, неистощимы сокровищницы! Широка, глубока жизнь русская, полною рукою черпай из нее Гений, и, облакая в чистые, поэтические формы, яви на созерцание и удивление векам и народам! Народы Запада! Недалеко то время, когда полити-

¹ Альфонс Мари Луи де Ламартин (1790–1869), Виктор Мари Гюго (1802–1885) – представители французской романтической школы и общественные деятели.

² И. И. Лажечников (1792–1869), М. Н. Загоскин (1789–1952), А. А. Бестужев (псевдоним Марлинский) (1797–1837) – русские писатели, создатели исторического романа. Часто упоминались и в критике В. Г. Белинского, в том числе и в статье «Русская литература в 1840 г.», которую И. С. Аксаков мог прочитать в самом начале 1841 г., когда предположительно работал над публикуемой здесь статьей.

³ Где жизнь, там и поэзия (*лат.*).

⁴ Шарль Баттё (1713–1780) – французский философ и эстетик.

⁵ Этьен Бонно де Кондильяк, аббат (1715–1780) – французский философ и экономист, последователь сенсуализма.

ческое влияние России обхватит вас и язык русский, гремя в устах всех славянских народов, слившихся в одно целое от Одера до Восточного океана, от моря Балтийского до моря Черного, от Моравы до Адриатики, огласит и ваши страны, и вы воздадите должное народу, соединившему в себе все элементы духа человеческого, все стороны, нужные для достижения идеала, недостижимого для одного человека, но более доступного человечеству, которое может отчасти достигнуть его через русский народ скорее, нежели через все прочие!

Я замолчал. Гляжу: большая часть из слушавших меня ушла, другие сели в вист, третьи наконец, хотя и остались, но смотрели на меня с двусмысленной улыбкой. Тогда подошли ко мне трое молодых людей, которых я прежде не заметил. Они взяли меня за руку и с чувством глубокого участия сказали: «Мы поняли вас. Слова ваши нашли себе живой отголосок в наших сердцах: мы сознали, что принадлежим к одному, молодому поколению. Оставим их коснеть в предрассудках: к чему тратить слова попустому и изливать жар душевный пред людьми холодными». Я был утешен!¹ (с. 183).

Приложение № 3

Опись документов и переписки И. С. Аксакова по Министерству юстиции и Министерству внутренних дел (1844–1854)

Используемые сокращения: А. – И. С. Аксаков; Абрамцево – Рукописный фонд Музея-заповедника «Абрамцево» (Московская обл.); Аксаков, 1988 – И. С. Аксаков. Письма к родным. 1844–1849. М., 1988; Аксаков, 1994 – И. С. Аксаков. Письма к родным. 1849–1856. М., 1994; Б. д. – без даты; Гвоздев – А. А. Гвоздев; ИРЛИ – Рукописный отдел Института русской литературы РАН (С.-Петербург); Панин – В. Н. Панин; Перовский – Л. А. Перовский; РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства (Москва); РГИА – Российский государственный исторический архив (С.-Петербург).

Министерство юстиции; Панин Виктор Никитич (1801–1874), граф, министр юстиции Российской Империи (1841–1862).

1844. – А. Материалы, относящиеся к его служебной деятельности. 1. «Отчет по ревизии Астраханского уездного суда». 2. «Отчет по ревизии Астраханского земского суда» (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 5. № 3. 26, 16 л.).

1846–1848. – А. Материалы, относящиеся к служебной его деятельности. Официальная переписка, проекты решения Калужской уголовной палаты, Правительствующего Сената и т. п. (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 5. № 5. 41 л.).

¹ Вставка на полях: Вспомните, что Россия еще не развилась, что мы не могли, не должны были иметь народность, принимая это слово в высшем значении. Мы учимся еще. Я говорю только, что мы имеем семян и дарований более, нежели все прочие народы. Когда такие богатые семена, что же будет, когда они разовьются.

1847. До 8 февр. – А. – Панину. См.: А. – родным от 8 февр. 1847 г. (см.: Аксаков, 1988, с. 352).

1847. 18, 24 окт. – Министерство Юстиции. Канцелярия. Стол 1. Октября 18 дня 1847 года. № 5040. 24 октября 1847 г. Г. состоящему при Департаменте Министерства Юстиции коллежскому асессору Аксакову. Назначив Вас к исправлению должности Обер Секретаря 1-го отделения 6-го Департамента, я предписываю Вам предъявить настоящий ордер Исправляющему должность Обер Прокурора 1-го отделения 6-го Департамента вступить в отправление поручаемой Вам должности. – Министр Юстиции, Статс Секретарь Г. В. Панин (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 5. № 5. Л. 16).

Министерство внутренних дел;

Перовский Лев Алексеевич (1792–1856), граф, министр внутренних дел Российской Империи (1841–1852);

Гвоздев Александр Александрович, директор департамента общих дел Министерства внутренних дел.

1848–1851. – А. Об определении его в МВД чиновником особых поручений (РГИА. Ф. 1284. Оп. 33. № 334. 44 л.).

1848. 21, 26 сент., 1 окт. – Получено 1 октября 1848 г. – Министерство Внутренних Дел. – Департамент общих дел министерства. – Отделение 2-е. – Стол 3. – 26 сентября 1848 г. – № 4056. – Господину Коллежскому Ассессору Аксакову. – Высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 21 текущего Сентября, за № 184, Вы причислены к Министерству Внутренних Дел. – Департамент Общих Дел извещая Вас о сем, предлагает Вам, в следствие приказания Г. Министра, чтобы Вы, по сдаче занимаемой Вами должности немедленно прибыли в С. Петербург, присовокупляя, что о причислении Вас к Министерству извещен вместе с сим от Его Высочайшего Председательства Г. Министра Юстиции. – Вице Директор (подпись) – Начальник Отделения (подпись). (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 5. № 5. Л. 22).

1848. 19 окт. – А. «Докладная записка... министру внутренних дел о запасных хлебных магазинах в Царанских селениях Бессарабской Области». С предписанием Мин<истерства> вн<утренних> дел от 19 октября 1848 г. за № 2799 (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 1. № 42. 8 л.).

1849-1850. – А. Бумаги, относящиеся к исследованию раскола в Ярославской губернии. Выписки из следствия о раскольниках, переписка и др.; рукою А. и др. (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 1. № 90. 102 л. 17 ч.).

1849. – А. Материалы для его биографии. Официальная переписка о раскольниках (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 5. № 6. 62 л.).

1849. 21 янв. СПб. – А. – родным. «21-го января 1849 г. возвратился <из Бессарабии>, представив министру отчет по своим занятиям» (Аксаков, 1988, с. 498). См.: «Записка о бессарабских раскольниках» (Впервые: Русский архив. 1888. Кн. 3. С. 434–451).

1849. 4 февр. СПб. – А. – родным. «Я написал две докладные записки министру, которые отдал переписывать и подам завтра» (Аксаков, 1988, с. 463).

1849. 7 февр. СПб. – А. – родным. «Вчера отвез я министру свои последние записки...» (Аксаков, 1988, с. 465).

1849. 18–22 марта. – А. находился в III отделении. А. были предложены 12 вопросов, на которые он дал подробные ответы (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 5. № 33. Л. 8–18 об.; Аксаков, 1988, с. 497–508).

«Черновик вопросов, предложенных И. С. Аксакову по его арестованию, его ответы и копии отметок императора Николая Павловича на показаниях И. С.» – Автограф И. С. Аксакова, кроме надписи на обложке и заголовка, написанных неизвестной рукой (Абрамцево, рук – 86, 4 л. Д 5,5 х 22).

Николай I дал письменное распоряжение А. Ф. Орлову в отношении Аксакова: «Призови, прочти, вразуми, отпусти» (РГИА. Ф. 1093. Оп. 1. № 379. Л. 8).

1849. 2 мая. СПб. – Л. А. Перовский подписал предписание о направлении А. в Ярославскую губернию.

1849. 16 июля. Рыбинск. – А. – родным. «На этой неделе, отправив в хозяйственный д<епартамен>т <МВД> огромную ведомость по ревизии топографической съемки городов, в то же время отправил я и м<инистр>у в собственные руки записку о расколе и о единоверии в здешней губернии и в Романове-Борисоглебске в особенности» (см.: Аксаков, 1994, 31–33).

1849. 13 июля. – «О расколе и об единоверческой церкви в Ярославской губернии» (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 1. № 47).

1849, 1851. – А. Материалы для научных работ. Переписка о возвращении из Тобольска угличского колокола (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 1. № 105. 4 л.).

1849. 30 июля. Рыбинск. – А. – родным. «Из Петербурга от одного из наших чиновников получил письмо, в котором он пишет, что рапорт мой о раскольниках получен и лежит у министра... <...> С нынешнею почтой посылаю второй и последний рапорт м<инистр>у о раскольниках, также очень важный... <...> Дела ведь просто тьма, а теперь и лето, в которое производятся все топографические работы, и я постоянно должен за ними наблюдать и представлять ежемесячные о них отчеты в департамент» (Аксаков, 1994, с. 36–38).

Также см.: 1850 (?) – А. «Исследования о секте странников в Ярославской губернии». Донесения и пр. (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 1. № 48, 39 л.).

1849. 30 авг. Рыбинск. – А. – родным. «Из Петербурга получил официальную бумагу от министра о назначении мне помощника, какого-то Эйсмонта <Станислав Осипович Эйсымонт>, который еще не прибыл, и частное письмо от одного начальника отделения, который сообщает мне за достоверное, что министр чрезвычайно доволен моими действиями, однако же мои рапорты держит покуда у себя и распоряжений никаких не сделал» (Аксаков, 1994, с. 51–52).

1849. 10 сент. Рыбинск. – А. – родным. «С нынешней почтой отправляю более 10 казенных отношений и рапортов» (Аксаков, 1994, с. 55–56).

1849. 13 сент. Рыбинск. — А. — родным. «Из П<етер>бурга насчет раскольников ничего не пишут, а хозяйственным департаментом я доволен: уважил все мои представления» (Аксаков, 1994, с. 56).

1849. 17 сент. Рыбинск. — А. — родным. «...в городе были три покушения на поджог — не удавшиеся, но встревожившие жителей, которые и учредили караул. По важности этих обстоятельств для Рыбинска я должен был донести об этом м<инист>ру и собственно с целью, чтоб улучшить бедственное состояние полиции, пожарной команды и пожарных инструментов. Копию же с рапорта послал Бутурлину из чистой любезности; губернатор приехал, взял на себя расход, превышавший его власть, и послал в Москву за тремя новыми трубами, а я попросил в министерстве утвердить расход» (Аксаков, 1994, с. 57–59).

1850–1851. — А. Материалы для его биографии. Переписка по поводу произведения «Бродяга» (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 5. № 8. 22 л. 6 писем).

1850. 7 авг. Ярославль. — А. — родным. «От м<инист>ра я получил предписание принять участие во всех занятиях комиссии как член ее, но в особенности заняться тем, что имеет связь с расколом» (Аксаков, 1994, с. 160). Речь идет о комиссии графа Стенбока. Донесения о секте странников, выписки из следственного дела о раскольниках в Ярославской губ. см.: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 1. № 48, 90.

1850. 21 авг. Ярославль. — А. — родным. «...написал письмо к Гвоздеву (директ<ору> д<епараме>нта общих дел), прося его, в случае, если место никем не занято, доложить м<инист>ру о желании моем иметь это место. Письмо вовсе не носит характера просительного и написано, кажется мне, с достоинством» (см.: Аксаков, 1994, с. 162–164).

1850. 11 сент. Ярославль. — А. — родным. «Получил я письмо от Гвоздева, весьма учтивое и любезное, в котором он пишет мне, что Богданов жалованья не получал, и спрашивает: хочу ли я взять место это без жалованья. Я отвечал, что согласен, в надежде, что жалованье мне сыщут, но не знаю, что из того выйдет» (см.: Аксаков, 1994, с. 168–169).

1850. 3 нояб. — Перовский — А. (Аксаков, 1994, с. 470).

1850. 14 нояб. сельцо Яковлево Ярославского уезда. — А. — Перовскому, которому А. отправил свое сочинение в стихах под названием «Бродяга» (Аксаков, 1994, с. 470–471).

1851. — А. Материалы, относящиеся к его служебной деятельности в Ярославской губ. Официальная переписка (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 5. № 9. 5 л.).

1851. 7 янв. Ярославль. — А. — родным. «...на этой неделе я получил совершенно секретное поручение от м<инист>ра (поверить одно донесение Бутурлина), поручение, для которого я ездил сутки на полторы в город Романов, откуда и воротился только вчера ночью. <...> Завтра начнется составление записки, и на этой неделе я пошлю письма о дозволении мне приехать в П<етер>бург по окончании записки, что будет не раньше конца февраля» (см.: Аксаков, 1994, с. 188–191). См.: По результатам комиссии графа Стенбока, заключительная часть сочинения А. о бегунах, «Краткая

записка о странниках или бегунах», была напечатана в журнале «Русский архив». 1866. № 4.

1851. 15 янв. Ярославль. – А. – родным. «Нынче написал небольшое письмо к Грише и к двум директорам департаментов Гвоздеву и Лексу...» (см.: Аксаков, 1994, с. 191–193).

1851. 29 янв. – Письмо Перовского и директора канцелярии графа Л. А. Перовского А. А. Гвоздева – А. (Аксаков, 1994, с. 471).

1851. 5 февр. Ярославль. – А. – родным. «А мне вчера возвратили из министерства “Бродягу”... <...> С нынешней же почтой я отправил в ответ на эту бумагу письмо к Перовскому» (см.: Аксаков, 1994, с. 197–199).

1851. 5 февр. – А. – Перовскому (Аксаков, 1994, с. 471–472).

1851. 11 февр. – Гвоздев – А. (Аксаков, 1994, с. 474).

1851. 12 февр. – Гвоздев – А. (Аксаков, 1994, с. 472–473).

1851. 15 февр. – А. – родным. «Из министерства получил вчера еще новое, но небольшое секретное поручение!» (Аксаков, 1994, с. 200–201).

1851. 19 февр. – А. – Гвоздеву. Вместе с письмом А. направляет на имя графа Перовского рапорт об отставке (Аксаков, 2004, с. 207).

1851. 22 февр. – А. – Гвоздеву (Аксаков, 1994, 475–476).

1851. 5 апр. – Из аттестата А. от 2 июня 1851: «...Приказом уволен, согласно прошению, от службы по домашним обстоятельствам 1851 г. Апреля 5» (РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. № 132. Л. 2 об.).

1851. 15 апр. СПб. – Гвоздев и Арсеньев – А. «Министерство внутренних дел. Департамент общих дел министерства. Отделение 2. Стол 3. 15 апр. 1851. № 1514. Господину надворному советнику Аксакову. Высочайшим приказом по гражданскому ведомству 5-го текущего апр. № 67 Вы, согласно прошению, уволены от службы. О сем департамент общих дел министерства Вас извещает... Директор Гвоздев. Начальник отделения Арсеньев» (Аксаков, 1994, с. 476).

1851. 2 июня. – Аттестат о службе И. С. Аксакова от 2 июня 1851 года // Лист о прописке Аксакова Ивана Сергеевича в Москве с приложением аттестата о службе и уведомления инспекторского департамента Военного министерства об увольнении Аксакова Ивана Сергеевича из ополчения, участвовавшего в Крымской войне 1853 года. Подлинники. 25 марта 1861 г. – 31 августа 1885 г. (РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. № 132. 6 л. Л. 2, 2 об., 3).

Б. д. – А. «О расколе». Набросок статьи. Копия рукою Ольги Сергеевны Аксаковой (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 1. № 72. 4 л.).

Б. д. – А. «Краткая докладная записка... министру внутренних дел о секте странников в Ярославской губернии». Копия (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 1. № 73, 32 л.). – Копия краткой докладной записки министру внутренних дел о секте странников в Ярославской губ. см.: «Краткая записка о странниках или бегунах» (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 1. № 73; Русский архив. 1866. № 4. С. 627–644).

Б. д. <1853. Лето (?)> – А. – Перовскому. Это письмо с отметкой *не послано* – было, вероятно, написано через год или два после выхода А. в отставку (Аксаков, 1888а, 407–409). Т. Ф. Пирожкова датирует это письмо летом 1853 г.

1854. До 2 июня. – Перовский – А. См.: А. – родным от 2 июня 1854: «Перовский также прислал мне официальный ответ ему из военного м<инистерст>ва насчет того, каким образом вообще совершается поступление на службу в армию» (Аксаков, 1994, с. 260–264).

Б. д. – А. – Перовскому. Черновик (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. № 37. 2 л.).

Б. д. – А. – Перовскому. Черновик (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. № 78. 4 л.).

Приложение № 4

И. С. Аксаков. «Моим друзьям, немногим честным людям, состоящим в государственной службе» (декабрь 1851 г.)

Впервые это стихотворение Аксакова было опубликовано в журнале «Русская беседа». 1859. Кн. 5. С. 11. Стихотворение вошло также в сборник «Русская потаенная литература XIX столетия» (Лондон, 1861. С. 227), где оно приписано К. С. Аксакову. При жизни Аксаков опубликовал стихотворение еще раз в газете «Русь» (1884. № 5) с датой «1852 год» и примечанием: «Помещаем это старое стихотворение, писанное 32 года тому назад, как дополнительную справку из собственного архива к передовой статье о старых судах в № 4 “Руси”». Дата дается по «Русской беседе». Там же указано место написания – Ярославль. В 1851 г. Аксаков был в Ярославле до начала апреля, т. е. до входа его в отставку. О некоторых обстоятельствах написания стихотворения см. в воспоминаниях А. С. Хомутова (Исторический вестник. 1886. № 7. С. 54–55). Там же письмо Аксакова о стихотворении. Тема служебной деятельности – одна из характерных для поэзии Аксакова. Он видел в ней как посильный способ практического служения истине и людям, так и единственную возможность избавить дворянство от паразитического образа жизни за счет крепостных крестьян¹.

«В среде бездушной, где закон
Орудье лжи, где воздух смраден
И весь неправдой напоен, –
Один лишь ты мне был отраден,
Ты, малочисленный союз
Мужей без страха и без лести,
Себя добром взаимных уз
Скрепивший для добра и чести!

Досуга праздно не губя,
Вы чужды дерзких замыслов;

¹ См.: Аксаков И. С. Стихотворения и поэмы. Л., 1960. С. 269–270.

Вы не взложили на себя
 Задачи целых поколений.
 Скупой покорствуя судьбе,
 Избравши путь, неяркий с виду,
 Вы обрекли себя борьбе,
 И слабых внемлете мольбе,
 И мстите бедного обиду.

Я знаю – подвиг вам сужден
 Докучный, тесный, ежедневный,
 Но сколько раз прекрасней он
 Печальной праздности душевной,
 Бесплодным преданной мечтам!..
 А вы, средь козней и проклятий,
 Всё тот же пыл несли к трудам...
 Мужайтесь! сил добудут вам
 Благословенья меньших братьев!

Я знаю – мелок ваш удел,
 Но пышен плод усилий дружных:
Невинный в битве одолел –
 Проснулась бодрость в *безоружных*!
 И мог обиженный не раз
 Изведать здесь, в среде разврата,
 Что встретит в каждом он из вас,
 На всякий день, на всякий час,
 В делах добра слугу и брата!

Так пусть же дремлет в тишине
 Тоска несбыточных желаний;
 Зато без праздных ожиданий,
 Вы люди честные вполне.
 Так жизнь скупа! предел так краток!
 Надеждам смелым не созреть!
 И благо всем, кому без взяток
 Придется здесь разов десятков
 Слезу вдовицы утереть,
 Вновь возратить стесненным грудям
 Простор и воздух в душной мгле...
 Так благо вам, хорошим людям,
 За ваше дело на земле!»¹.

¹ Аксаков И. С. Стихотворения и поэмы. Л., 1960. С. 101–102.

**«Передовой боец славянофильства»
О жизни, трудах и наследии К. С. Аксакова**

«...в натуре Константина Сергеевича Аксакова не было ничего схожего с натурою Сергея Тимофеевича. Он, как говорится, *весь был в мать*. Весь нравственный строй его существа, возвышенность помыслов и стремлений, суровость в отношении к себе, строгость требований, элемент доблести и героизма – все это заложено было в него матерью...»¹

И. С. Аксаков

В 2017 г. исполняется 200 лет со дня рождения Константина Сергеевича Аксакова, родившегося 29 марта (10 апреля) 1817 г. в селе Ново-Аксаково Бугурусланского уезда Оренбургской губернии. Константин (или, как звали его родные, Косточка, Конста) – старший сын С. Т. Аксакова (1791–1859) и О. С. Аксаковой, урожденной Заплатиной (1792–1878); старший брат Веры (1819–1864), Григория (1820–1891) и Ивана (1823–1886) Аксаковых. Всего в этой большой семье было 14 детей².

К. С. Аксаков – филолог (лингвист, фольклорист, поэт, переводчик, прозаик, драматург, литературный критик), историк (источниковед), публицист, редактор-издатель, политический и православный мыслитель, философ, идеолог раннего славянофильства и общественный деятель.

Детские годы Кости прошли в южном Предуралье на степных просторах Оренбуржья и Башкирии. Четыре года (1822–1826) аксаковская семья прожила в селе Надёжино (Куроедово, Дмитриевское) Белебеевского уезда Оренбургской губернии³. В настоящее время в селе Надеждино Белебеевского района Республики Башкортостан восстановлен усадебный дом, в котором действует музей семьи Аксаковых. Именно здесь, в глубине России, у Аксакова зародилась любовь к родной земле и ее истории, именно в Надёжине Константину приснились «площадь Красная и Минин Весь в цепях перед Кремлем». Н. М. Павлов придавал этому «вещему сну» важное значение: «Не этот ли самый сон, виденный еще в детстве, в сельской глуши Поволжья, тяготил его и преследовал потом всю жизнь даже до могилы?»⁴.

¹ Аксаков И. С. Очерк семейного быта Аксаковых // Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Ч. 1. Учебные и служебные годы. Т. I. Письма 1839–1848 гг. М., 1888. С. 12.

² Подр. о семье Аксаковых см.: Аксаковы: семейная энциклопедия / редкол.: Каштанов С. М. (отв. ред.) и др. М.: РОССПЭН, 2015. 534 с.; Анненкова Е. И. Аксаковы. СПб.: Наука, 1998. 365 с.; Кошелев В. А. Сто лет семьи Аксаковых. Бирск: Бирск. гос. пед. ин-т, 2005. 380 с.; Кулешов А. С. Наумов О. Н. Аксаковы. Поколенная роспись. М.: Территория, 2009. 211 с.; Поддубная Р. П. Аксаковы. Страницы жизни. Самара: ООО «Офорт», 2016. 656 с.

³ См.: Летопись жизни и творчества С. Т. Аксакова (1791-1859 гг.) / сост.: В.В. Борисова, Е. П. Никитина, Т. А. Терентьева. Уфа, 2011. С. 27-29. URL: [http:// aksakov.do.am/index/letopis/0-21](http://aksakov.do.am/index/letopis/0-21) (Дата обращения 10.01.2017 г.).

⁴ Павлов Н. М. Детский сон К. С. Аксакова // Русский архив. 1888. № 3. С. 164.

В 1826 г. семья Аксаковых переехала в Москву, где Константин прожил за редкими исключениями практически безвыездно в течение почти всей своей жизни. До 15 лет Константин воспитывался дома. Особенно он любил чтение русской истории и в своих играх изображал из нее вместе с братьями и сестрами разные эпизоды в лицах. Первые поэтические опыты Константина не сохранились. Из дошедших до нас стихов самые ранние написаны, когда юному поэту было десять – двенадцать лет.

В 1832–1835 гг. Константин обучается на словесном отделении Московского университета (в то время полный университетский курс проходили именно за три года) и одновременно входит в кружок студентов и молодежи (1832–1837), объединявшихся вокруг Н. В. Станкевича¹. К студенческим годам относится пробуждение серьезного интереса к поэзии. Известно около сорока его стихотворений тех лет. Некоторые из них печатались в «Телескопе», «Молве», позднее – в «Московском наблюдателе»; они обратили на себя внимание читателей и вызвали положительные отзывы В. Г. Белинского.

В год окончания Аксаковым университета появляется его первая публикация – отрывок из не оконченной к тому времени драматической пародии «Олег под Константинополем»², напечатанный в газете «Молва» (литературном приложении к журналу «Телескоп»), главным сотрудником которой был Белинский, представивший читателям нового автора как человека «с необыкновенным поэтическим дарованием». В это же время Константин был увлечен немецким романтизмом, поэтикой метаморфоз, видений, тайн, «роковых встреч», «потусторонним», что и получает отражение в его творчестве. А в июне–октябре 1838 г. даже совершил своеобразную поездку-паломничество в Германию и Швейцарию. Впечатления, вынесенные из этой поездки, укрепили его в страстной приверженности к немецкой культуре.

В 1836–1838 гг. Константин пережил увлечение своей кузиной Машей Карташевской, которой он посвятил две фантастические повести, написанные в гофмановской традиции, – «Облако» и «Вальтер Эйзенберг». Платонические отношения с М. Г. Карташевской были насильственно прерваны родителями, что укрепило целомудренность Аксакова, сделав аскетизм одним из его важнейших жизненных принципов.

В 1839 г. Константин написал обширную статью «О грамматике вообще (по поводу грамматики Белинского)». Однако, уже в начале 1839 г. в отношениях между Аксаковым и Белинским наметилось охлаждение, переросшее затем в противостояние. В то же время все теснее Аксаков начинает сближаться сначала с Ю. Ф. Самариным (зимой 1838–1839 гг.) – вместе с которым они параллельно несколько лет писали магистерские диссертации, а затем, с начала 1840 г., и с лидером «славянофильской партии»

¹ См.: Аксаков К. С. Воспоминания студентства: С прил. портр. К. С. Аксакова, неизд. стихотворения и отклика А. И. Герцена на его кончину. СПб.: Огни, 1911. 42, [1] с.

² Аксаков К. С. Олег под Константинополем: В стихах: Драм. пародия, с эпилогом в 3 д. СПб.: тип. П. А. Кулиша, 1858. [4], IV, [2], 96, [1] с.

А. С. Хомяковым. Аксакову же и Белинскому уже в 1842 г. пришлось выяснять свои отношения в публичной дискуссии по поводу гоголевских «Мертвых душ». На фоне разнотолков о новой поэме совершенно особое место заняла изданная Константином брошюра¹. В разборе этого сочинения Аксаков предположил, что именно Русь есть тайное содержание всей поэмы.

1840-е годы – время напряженных творческих исканий Аксакова, но крайне редких выступлений в печати. Славянофилы не имели ни собственной типографии, ни своего печатного органа, а их, как правило, острополюмические статьи, стихи, послания отпугивали редакторов газет и журналов, распространяясь устно или в рукописном виде.

Со времени полемики с Белинским до появления в 1846 г. магистерской диссертации (цензурное разрешение 12 декабря 1845 г.) Аксаковым не было опубликовано ни одной крупной статьи. Поэтому большое значение имеет поэтическое творчество Аксакова этого периода. Так, в стихотворении 1843 г. «Возврат» поэт говорит, что, оторванные «могучею рукою Мы бросили отечество свое». Теперь же: «Пора домой!», к ждущей родной земле, великой именно «в страдании немом».

Наибольший успех в эти годы выпал на долю стихотворения Аксакова «Союзникам» (1844), ставшего (наряду со стихотворением Н. М. Языкова «К не нашим») своего рода объявлением войны всем «западникам»: «На битвы выходя святые, Да будем чисты меж собой! Вы прочь, союзники гнилые, А вы, противники, – на бой!» В это время Константин явился инициатором оригинальной формы пропаганды славянофильских идей, которая заключалась в отказе от западноевропейских фасонов одежды – сюртуков, шляп, фраков и т. п. – и демонстративном ношении национального платья. Он сшил себе по древнерусским образцам длиннополый зипун – «святославку», и головной убор – «мурмолку, отпустил бороду, считая, что она «есть часть русской одежды», отнятой у нас по приказу Петра I, и, начиная с осени 1843 г., стал появляться на московских улицах и в обществе в таком виде, а порою еще и в сапогах и красной рубахе.

На рубеже 1845–1846 гг. Константин, весьма критически относясь к слову «славянофил», следующим образом обосновал возможность и неизбежность принятия этого прозвища: «Кто не славянин, тот конечно не русский. Кто смеется над какими-то славянофилами или славянолюбцами, тот, конечно, сам славян ненавидит, а кто ненавидит род, ненавидит и вид, кто ненавидит славян – ненавидит и русских». Здесь же Аксаков наметил и пять признаков принадлежности к славянофильскому учению. Общее, что сближает их: «основа всего духовного, разумного и нравственного бытия нашего хранится в нашей Православной Церкви»; сочувствие древней Руси; сочувствие русскому народу; любовь к Москве; сочувствие к «племенам славянским». Именно Аксаков немало способствовал тому, что понятия «славянофил» и «славянофильство» вошли в русскую социально-

¹ Аксаков К. С. Несколько слов о поэме Гоголя: «Похождения Чичикова, или Мертвые души». М.: тип. Н. Степанова, ценз. 1842. 19 с.

политическую лексику, а с конца 1850-х гг. стали общеупотребительными¹.

В апреле 1846 г. в газете «Московские ведомости» (№ 39) появилась по тем временам довольно смелая статья Аксакова «Семисотлетие Москвы». В ней он писал о мессианской роли Москвы в истории России. Москва, по Аксакову, выразила стремление Русской земли слиться в единое целое, храня святую Русь. Одновременно Аксаков выражал нелюбовь к Петру I за уход от Москвы и, разделяя общественные настроения о переносе столицы обратно в Первопрестольную, высказывал твердое убеждение в том, что, несмотря на основание новой столицы, «матушка-Москва» по-прежнему остается истинной и вечной столицей Святой Руси.

В конце 1846 г. Аксаков издает и 6 марта 1847 г. защищает диссертацию на степень магистра русской словесности. В диссертации были намечены контуры социально-политической концепции Аксакова: обосновано положение об «исключительной национальности» русского народа, выражавшейся в любви к отечеству, которую уничтожил Петр Великий и «сознательном возвращении к себе», начало которому положил Ломоносов; высказаны тезисы о великой роли православия в становлении «политического тела» России, идея исторического разделения русской жизни на «земский» и «государственный» элементы, единство которых выразила Москва². Перед молодым ученым открывается дорога на кафедру. В Московском университете вакансий не было, поэтому ему предложили место в Киевском университете. Но покинуть отчий дом было выше его сил. Константин остается в Москве и целиком отдается литературной деятельности.

В 1846–1847 развернулась полемика между К. С. Аксаковым и Ю. Ф. Самариным, с одной стороны, и В. Г. Белинским, К. Д. Кавелиным и другими представителями западников – с другой. Полемика касалась петровских реформ и их последствий для развития России. В этом споре Аксаков занял вполне определенную позицию самого строгого и категоричного критика деяний Петра I и его апологетов.

1848 год – год европейских революций – стал переломным в судьбе славянофильского мыслителя. В письме к Гоголю (1848) по поводу «Выбранных мест из переписки с друзьями» Аксаков сообщал о себе: «<...> я много переменялся <...>. Я оставил Немецкую философию; Русская жизнь и история стали мне ближе; и главное, основное для меня то, о чем вы думаете и говорите – Вера, Православная Вера». Именно после 1848 г. славянофильская идеология в целом претерпела существенные изменения. Если до этого времени славянофилы сознавали себя деятелями по преимуществу литературными, то после 1848 г. направленность их деятельности меняется – литературное славянофильство эволюционирует в социально-

¹ См.: Цимбаев Н. И. Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX века. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. С. 31; Ширинянц А. А., Мырикова А. В., Фурсова Е. Б. Константин Сергеевич и Иван Сергеевич Аксаковы // Аксаков К. С., Аксаков И. С. Избранные труды. М., 2010. С. 12.

² Аксаков К. С. Ломоносов в истории русской литературы и русского языка: Рассуждение кандидата Московского университета Константина Аксакова, писанное на степень магистра Философского факультета Первого отделения. М.: тип. Н. Степанова, 1845. 517, [5] с.

политическом направлении. Именно в это время Аксаков, противопоставляя безбожному, республиканскому, революционному Западу – Россию, высказывает идею о том, что русская самобытность обусловлена единством православной веры и монархического правления.

Аксаков осознает, что ему выпало сыграть роль «передового бойца», быть застрельщиком в борьбе за идеалы нового литературно-общественного движения, о чем прямо скажет в стихотворении «9 февраля (1848 г.)»: «Глас народа зовущий я слышал, И на голос откликнулся я...» В драме «Освобождение Москвы в 1612 году» (начата в 1845 г.), где большое место занимали массовые сцены, народ выступал главным героем и сквозной была мысль: «Глас народа – где божий»¹. Сразу же после премьеры 15 декабря 1850 г. на сцене Московского Малого театра драма была запрещена. Не получает одобрения для постановки и печати и следующее драматическое произведение Аксакова, в которой развенчивалось представление о «темноте» и «невежестве» русского крестьянина в глазах воспитанного за границей барича².

Пристальное внимание цензуры вынуждает Аксакова искать новые сферы приложения своих сил. Он обращается к древнейшему периоду истории России (статьи «Родовое или общественное явление было “изгой”?», 1850; «О древнем быте у славян вообще и у русских в особенности», 1852; «О состоянии крестьян в Древней Руси», 1852–1856; опубл. в 1861 г., и др.). Продолжает филологические исследования – В 1855 г. после цензурных мытарств отдельной брошюрой выходит его статья «О русских глаголах», где помимо чисто филологических тонкостей Аксаков дает и свое понимание более общих вопросов³.

Смерть Николая I и процесс демократизации общественной жизни приводит к ослаблению цензурных преследований славянофилов. Наступило время для публицистической деятельности Аксакова, которая началась в 1855 г. «Запиской (О внутреннем состоянии России)», поданной через посредников Александру II и опубликованной братом Иваном спустя четверть века⁴. В «Записке» Аксаков считал своим долгом сказать «всю истину о России». То есть это было не просто изложение своего понимания «внутреннего состояния» страны, а квинтэссенция его воззрений. В записке содержалась резкая критика «угнетательной системы нашего правительства» и предлагались меры, необходимые для восстановления «древнего отношения государства и земли (народа)»: уничтожение крепостного гнета, созыв представительного – от всех сословий – совещательного Земского Собора, обеспечение свободы слова, мнений и т. д.

¹ Аксаков К. С. Освобождение Москвы в 1612 году: Драма в 5 д. М.: тип. Н. Степанова, 1848. [8], 212 с.

² Аксаков К. С. Князь Луповицкий, или Приезд в деревню: Комедия в 2 д. с прологом. [Писано в 1851 г.]. М.: тип. Л. Степановой, 1856. 88 с.

³ Аксаков К. С. О русских глаголах. М.: тип. Л. Степановой, 1855. 47 с.

⁴ Записка «О внутреннем состоянии России» К. С. Аксакова, представленная Государю Императору Александру II в 1855 году. Дополнение к Записке // Русь. 9 мая. № 26. С. 11–15; 16 мая. № 27. С. 17–20; 23 мая. № 28. С. 12–14.

Эта записка, которую некоторые исследователи считают политическим манифестом не только самого К. С. Аксакова, осуществившего «общую концептуализацию политологии славянофильства», является важнейшим документом социально-политического творчества русского мыслителя. Именно в этой записке разрозненные элементы концепции, идеи, высказанные им ранее в разных работах, были приведены в определенную систему.

Славянофилы получают разрешение на издание собственного журнала «Русская беседа»¹, а затем и газеты «Молва»², самым активным сотрудником которых становится Аксаков. Уже в первых книжках нового журнала появляются его статьи «О русском воззрении» и «Еще несколько слов о русском воззрении» (1856), где остро ставилась проблема самостоятельности «нашей умственной деятельности».

Продолжилась деятельность Аксакова-публициста серией передовиц на страницах газеты «Молва» (№ 1–22), в которых из номера в номер излагались основы славянофильского учения³. Именно здесь Аксаков впервые в русской периодике ввел новую форму подачи журналистского материала – передовую статью. По сути, эти статьи представляли читателю квинтэссенцию славянофильского «русского воззрения». Однако и в этом случае, под воздействием цензурного гнета Константину пришлось остановить издание газеты.

И опять единственными возможными для него остаются лишь две научные сферы деятельности – отечественная история и филология. Он откликается на выход каждого очередного тома «Истории России» С. М. Соловьева, собирает материалы для «Истории очерка Земских Соборов», выступает с обстоятельным «Критическим разбором “Опыта исторической грамматики русского языка” Ф. Буслаева» (1859), увлеченно работает над собственным «Опытом русской грамматики», считая этот труд чуть ли не главным делом своей жизни, но не успевает его завершить⁴.

Наконец, нельзя не упомянуть об инициативе Аксакова по возрождению в 1858 г., после более чем двадцатилетнего перерыва, Общества любителей Российской словесности при Императорском Московском университете и о его активной деятельности в рамках этого Общества⁵.

В апреле 1859 г. умирает С. Т. Аксаков. Привязанность сына к отесиньке была столь велика, что он не смог перенести утраты. Охватившая его невыносимая тоска вскоре перешла в чахотку. Богатырского тело-

¹ См.: Анненкова Е. И. К. С. Аксаков в «Русской беседе» // «Русская беседа»: История славянофильского журнала: Исследования. Материалы. Постатейная роспись. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2010. С. 84–99.

² «Молва». Еженедельная литературная газета. М., 1857. № 1–38. 13 апр. – 28 дек. (См.: Цимбаев Н. И. Газета «Молва» 1857 года (из истории славянофильской периодики) // Вестник Моск. ун-та. Сер. 8. История. 1984. № 6).

³ Аксаков К. С. Учение славянофилов // Русский архив. 1890. № 11. С. 371–407.

⁴ Аксаков К. С. Опыт русской грамматики. Ч. 1. Москва: тип. Л. Степановой, 1860. [4], XII, 176 с.

⁵ См.: Мотин С. В. К. С. и И. С. Аксаковы и Общество любителей российской словесности при Московском университете // Аксаковский сборник. Вып. V. Уфа, 2008. С. 57–67.

сложения, полный сил, здоровья, Аксаков начал таять на глазах, и в августе 1860 г. вынужден был поехать лечиться за границу.

16 мая 1860 г. Иван Аксаков в письме к Н. С. Соханской отдал следующую характеристику брату: «...это человек, никогда, ни разу не сомневавшийся в своих убеждениях, сжившийся с ними так цельно, что не отделить, ни предположить одного без другого нельзя; человек очень добрый и нежный по природе, но по принципам своим неумолимо-строгий и ревниво блюдуший чистоту начал. Он в этом отношении строже всех нас. В нем противоречия между жизнью и словом нет. Жаль только, что сама жизнь, жизнь практическая, бытовая, вообще жизнь, ему почти не знакома. Он меня старше восемью годами почти, но я его старше опытностью, знанием жизни, людей, бывалостью. Характерами мы вовсе не сходны, но я должен сказать по совести, что он несравненно выше меня стоит в нравственном отношении, и несравненно больше меня сделал»¹.

Последние дни Константина прошли на греческом о. Занте (Корфу), в окружении маменьки, двух сестер и брата Ивана. Здесь 7 декабря 1860 г. он и скончался. Прах Аксакова был перевезен родными в Москву и 3 января 1861 г. похоронен рядом с могилой отца.

Говоря о наследии «передового бойца славянофильства» важно отметить, что цензурный гнет, преследовавший Аксакова многие годы, привел к тому, что большая часть его публицистических, исторических, литературно-критических работ, стихотворных опытов так и не попала в печать при жизни автора. Поэтому сразу же после его смерти брат Иван стал готовить к публикации его произведения.

В 1861 г. выходит в свет первая посмертная книга Константина². В ней речь идет о его замечаниях на восемь докладов административного отделения Редакционных Комиссий для составления положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. Критически осмысливая содержание этих документов, Аксаков формулирует собственную программу, которая продолжала начатое в его записке «О внутреннем состоянии России».

В начале 1862 г. вышел из печати 1-й том полного собрания сочинений Константина Сергеевича, в предисловии к которому Иван Аксаков писал: «Мы надеемся, со временем, издать и следующие тома сочинений К. С. Аксакова, именно: 2 том, заключающий в себе статьи разного содержания, преимущественно по современным общественным вопросам, 3 том — который будет содержать его художественные произведения в стихах и прозе; 4 и 5 тома, в которых будут помещены его диссертация о Ломоносове и труды по Русской филологии; 6-й том, в котором будут собраны его письма и сочинения, почему-либо не вошедшие в первые пять томов»³.

¹ Переписка Аксаковых с Н. С. Соханской (Кохановской) // Русское обозрение. 1897. № 3. С. 169.

² Аксаков К. С. Замечания на новое административное устройство крестьян в России. Лейпциг: Ф. Вагнер, 1861. VIII, 116 с. [Изд. и предисл. И. С. Аксакова].

³ Аксаков К. С. Полн. собр. соч. Т. 1. М., 1861. С. VII.

Однако в связи с цензурными ограничениями Ивану удалось издать только три тома. В 1-й том вошли «сочинения исторические», представленные далеко не в полном объеме¹. 2-й том составили магистерская диссертация и статьи по лингвистике². В предисловии к этому тому И. Аксаков пишет: «При существующих у нас цензурных условиях *полное* издание сочинений Константина Сергеевича по отделу публицистики и художественному еще невозможно покуда без тех урезок и переделок “рукою властью”, которых мы, конечно, с своей стороны, допустить не желаем, да и не имеем на это права»³. 3-й том представлен незавершенным «Опыт русской грамматики», подготовленным к изданию П. А. Бессоновым⁴.

В. А. Кошелев отмечает, что «...значительная часть наследия К. Аксакова осталась в незавершенных, не обработанных автором рукописях: подготовка их к изданию требовала больших профессиональных усилий». Ряд таких рукописей сумел подготовить и опубликовать в свих газетах И. Аксаков: «Наша литература» (День. 1861. № 1), «Воспоминания студента» (День. 1862. № 39–40), «О внутреннем состоянии России» (Русь. 1881. № 26–28), «О современном литературном споре» (Русь. 1883. № 7), «О современном человеке» (Русь. 1883. № 8, 12, 13) и др.⁵. В 10 номерах газеты «Русь» за 1880–1882 гг. были опубликованы и стихотворения Константина⁶.

В начале XX века Е. А. Ляцким была предпринята попытка научного издания сочинений К. С. Аксакова, но он успел опубликовать лишь один том, в который вошли художественные произведения раннего славянофила⁷. В СССР были изданы поэтические и литературно-критические произведения К. С. Аксакова⁸. В постсоветское время, в течение двух десятилетий, вышли из печати еще четыре сборника трудов К. С. Аксакова⁹.

В настоящее время, по информации сотрудника Пушкинского Дома А. П. Дмитриева, ученые-филологи из Петербурга под эгидой Института

¹ Аксаков К. С. Полн. собр. соч. Т. 1. Сочинения исторические / изд. под ред. И. С. Аксакова. М.: тип. П. Бахметева, 1861. VIII, 632, II с. (2-е изд., доп. М.: Унив. тип., 1889. 652 с.).

² Аксаков К. С. Полн. собр. соч. Т. 2. Ч. 1. Сочинения филологические. М.: Унив. тип. (Катков и К°), 1875. XII, 661 с.

³ Там же. С. V.

⁴ Аксаков К. С. Полн. собр. соч. Т. 3. Ч. 2. Опыт русской грамматики. М.: тип. П. Бахметева, 1880. 709 с. разд. паг.

⁵ Аксаков К. С. Эстетика и литературная критика / сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. В. А. Кошелева. М.: Искусство, 1995. С. 487.

⁶ См.: Аксаков К. С. Стихотворения / примеч. И. С. Аксакова. М.: Тип. «Об-ва распротр. полезных книг», 1909. 72 с.

⁷ Аксаков К. С. Сочинения Константина Сергеевича Аксакова / ред. и примеч. Е. А. Ляцкого. Т. 1. Пг.: Огни, 1915. Т. 1. [2], 656 с.

⁸ Аксаков К. С. Стихотворения // Поэты кружка Н. В. Станкевича / сост. С.И. Машинский. М.-Л., 1964. С. 281–486; Аксаков И. С., Аксаков К. С. Литературная критика / вступ. ст., и коммент. А. С. Курилова. М.: Современник, 1981. 383 с.

⁹ Аксаков К. С. Эстетика и литературная критика / сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. В. А. Кошелева. М.: Искусство, 1995. 525, [1] с.; Аксаков К. С. Государство и народ / сост. и коммент. А.В. Белова, предисл. А. Д. Каплина; отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2009. 608 с.; Аксаков К. С., Аксаков И. С. Избранные труды / сост., авторы вступ. ст. и коммент. А. А. Ширинянц, А. В. Мыркова, Е. Б. Фурсова. М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. 888 с.; Аксаков К. С. Ты древней славою полна, или Неистовый москвич [сборник] / вступ. ст. и коммент. Е. Ю. Филькина. М.: Русский мир, 2014. 507, [2] с. [16] л. ил.

русской литературы РАН ведут кропотливую работу по подготовке к изданию нового собрания сочинений К. С. Аксакова. Первый том – том художественных произведений, подготовленный Е. И. Анненковой и М. Д. Кузьминой на основе издания 1915 г., но значительно дополненный (включены неиздававшиеся юношеские произведения, записные книжки, новонайденные в архивах стихотворения и их варианты), с текстами, заново выверенными по автографам, уже в скором времени будет доступен читателям.

Самой большой работой о К. С. Аксакове на русском языке до сих пор остается книга дореволюционного исследователя С. А. Венгерова¹, среди англоязычных изданий выделяется труд, опубликованный в 1982 г.² Много внимания жизни, творчеству и наследию К. С. Аксакова уделено в публикациях Н. И. Цимбаева, Е. И. Анненковой, В. А. Кошелева. За два последних десятилетия защищены четыре диссертации, посвященные К. С. Аксакову, три из которых опубликованы в виде монографий³, подготовлено учебное пособие⁴. Также важное значение имеют вступительные статьи к сборникам К. С. Аксакова и статьи биобиблиографического характера в разнообразных научных словарях и энциклопедиях⁵.

Завершим наш обзор жизни и трудов К. С. Аксакова цитатой из речи И. С. Аксакова: «В них троих, Хомякове, Константине Аксакове и Самарине, явилось, сложилось и завершилось славянофильство – как личное дело, как отдельный стан в литературе и обществе, как особый период в нашей народной жизни, указавший и выработавший основы дальнейшего развития русской мысли»⁶.

¹ Венгеров С. А. Собр. соч.: в 5 т. Т. 3. Передовой боец славянофильства: Константин Аксаков. СПб.: Прометей, 1912. [8], 248 с.

² Christoff P. K. K. S. Aksakov. A study in ideas. Princeton (N.J.): Princeton univ. press, 1982. IX, 475 p.

³ Карушева М. Ю. Славянофильская драма: [Драматургия А. С. Хомякова и К. С. Аксакова]. Архангельск: Изд-во Помор. междунар. пед. ун-та, 1995. 255 с.; Степанова Ю. А. Политическая концепция К. С. Аксакова / Каф. истории социально-политических учений, Филос. фак., МГУ им. М. В. Ломоносова. М.: Изд. Воробьев А. В., 2008. 136 с.; 43. Кунильский Д. А. Достоевский и братья Аксаковы: спор о русской литературе. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. 151 с.; Ожерельев К. А. Художественная картина мира в лирике К. С. Аксакова и И. С. Аксакова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2014. 22 с.

⁴ Русская социально-политическая мысль XI – начала XX века. К. С. Аксаков: учебное пособие / под общ. ред. А. А. Ширинянца; сост., вступ. ст. и коммент. А. А. Ширинянц, А. В. Мыриковой. М.: «Политическая мысль», 2011. 212 с.

⁵ Ширинянц А. А., Мырикова А. В., Фурсова Е. Б. Константин Сергеевич и Иван Сергеевич Аксаковы // Аксаков К. С., Аксаков И. С. Избранные труды. М., 2010. С. 5–114; Курилов А. С. Аксаков Константин Сергеевич // Русские писатели: Биобиблиографический словарь: в 2 т. Т. 1 (А–Л) / под ред. П. А. Николаева. М.: «Просвещение», 1990. С. 18–22; Каплин А. Д. Аксаков Константин Сергеевич // Славянофилы. Историческая энциклопедия / сост. и отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2009. С. 23–38.

⁶ <Речь И. С. Аксакова о Ю. Ф. Самарине, сказанная в заседании Московского славянского комитета 18 апреля 1876 г.> // В память Юрия Федоровича Самарина. 18 марта 1876 года. М.: В Университетской типографии, 1876. С. 43.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Биография Ивана Аксакова известна хорошо, но к пониманию его внутреннего мира, его судьбы мы только начинаем приближаться»¹.

В. Н. Греков

Итак, мы рассмотрели двадцать семь с половиной лет из жизни и творчества И. С. Аксакова – по сути, время его становления как человека и как личности. Впереди его еще ждут три с половиной десятилетия весьма непростой, порою драматической жизни и борьбы за славянофильские идеалы.

Остановимся на самых важных фактах, выделенных из его биографии и творчества, и попытаемся их кратко прокомментировать.

Сначала факты из ранней биографии Аксакова – до его обучения в Училище правоведения: решающее влияние родителей и старшего брата Константина на становление личности и мировоззрения; предсказание отесиньки о том, что «Иван будет великий писатель»; 10-летний рубеж в жизни Ивана, когда он страстно увлекся чтением газетных политических статей; в 1836 г. начинается его полувековая переписка (первое письмо, точнее приписка к письму, написана около 9 мая; хотя, возможно, обнаружатся и более ранние эпистолярные опыты Ивана); в 1838 г. Иван по итогам экзаменов был принят сразу в 4-й класс Училища правоведения, хотя далеко не все родные от него ожидали этого. Иван поступил и окончил училище спустя два года после Григория, хотя, как известно, разница между ними составляла 3 года и 9 месяцев.

За четыре года Аксаковым в Училище правоведения были изучены следующие общие и юридические дисциплины: богословие; логика; наука о душе (мы бы сказали сейчас – психология); энциклопедия, или пропедевтика права; римское право; государственное право; уголовное право; межевые законы; судебная медицина; экономия политическая; судебная практика гражданская; судебная практика уголовная; физика; технология; алгебра; история; география; словесность, русская преимущественно; правописание; латынь; французский язык; немецкий язык; английский язык; рисование; чистописанье; фехтованье; пение; музыка; танцы; гимнастика. Также известно, что в училищные годы Иван самостоятельно изучал древнегреческий язык.

Первые два учебных года Аксаков находился в училище одновременно с братом Григорием (в этом были свои несомненные плюсы) – выпускником 1840 г., и еще почти два года с младшим братом Михаилом, который скончался на руках Ивана 5 марта 1841 г. Отпечаток аристократизма, с которым выпускники покидали училище, определяли не столько социальным происхождением учащихся, сколько элитарным духом и характером самого заведения.

¹ Греков В. Н. «Московский сборник» И. С. Аксакова в контексте русской культуры // Московский сборник / изд. подгот. В. Н. Греков ; отв. ред. А. П. Дмитриев. СПб.: Наука, 2014. С. 844.

В эти годы продолжается, а по сути – начинается его активная переписка с родными: родителями, братьями и сестрами: в архивах сохранилось 85 училищных писем родным, которые ожидают своей публикации. Отдельным сочинениям училищного периода повезло больше – в постсоветское время были опубликованы т. н. «Пушкинский дневник», юношеская критическая статья и выпускная работа, посвященная уголовному процессу.

После выхода из Училища правоведения почти девять лет Аксаков прослужил на различных должностях при двух министерствах. В течение шести лет состоял чиновником при Министерстве юстиции – сначала секретарем во 2-м отделении 6-го департамента Правительствующего Сената в Москве; потом в конце 1843 г. он был сделан членом ревизионной комиссии в Астрахани под началом князя П. П. Гагарина, где находился до ноября 1844 г.; летом 1845 г. назначен товарищем председателя Уголовной палаты в Калуге; в мае 1847 г. назначен обер-секретарем 1-го отделения 6-го департамента Сената в Москве; наконец осенью 1848 г. он оставил эту должность и перешел в Министерство внутренних дел – чиновником по особым поручениям при министре графе Л. А. Перовском.

Находясь в течение многих лет вне дома, Иван два раза в неделю по почтовым дням, а иногда и чаще, писал родным обстоятельные письма. За период с января 1844 г. по март 1851 г. исследователем Т. Ф. Пирожковой в 1988 и 1994 гг. опубликованы 359 писем родным с научными комментариями!

Письма Аксакова – это своеобразная хроника происходящего с ним и вокруг него. Вдова Ивана Сергеевича Анна Федоровна, подготовившая и выпустившая в 1888 г. два тома его писем, отмечала, что «... почти в каждом письме встречается или глубокая мысль, или прекрасное выражение, которых из общего, из окружающих их ежедневных подробностей вылучать нельзя и которых не передать жалко». Письма адресованы всей семье в целом, хотя Аксаков обращался прежде всего к родителям. Писал Иван и отдельным членам семьи, прежде всего брату Константину. Письма Аксакова пронизаны ощущением времени, они полны его очевидных примет. Все важнейшие события в социально-политической и культурной жизни России и Европы 1840–1850-х гг. XIX в. нашли отражение в его переписке.

Как отмечают исследователи, основной период поэтического творчества Аксакова приходится на 1844–1853 гг., т. е. в основном именно на годы службы. В это время он одновременно был и чиновником и поэтом, обер-секретарем и лириком. Параллельно в его жизни сосуществовали два процесса – процесс служебной деятельности и поэтического творчества. И эти параллельные, пересекаясь, создавали душевное напряжение давали пищу для творчества (смотри первый большой поэтический опыт «Жизнь чиновника»).

Поэма «Зимняя дорога» (1845) для Аксакова явилась своеобразным истоком его славянофильского творчества. Она была написана и вышла в свет в начале формирования раннего славянофильства. По сути дела, Иван стоял, в том числе и благодаря брату Константину, у истоков этого движения – вспомните его ранний критический опыт 1841 года. В середине 40-х

годов он был, если так можно сказать, одним из самых младших славянофилов (поправимся – кандидатов в славянофилы) среди старших славянофилов. Впереди еще предстоял тернистый путь сквозь четыре сложнейших десятилетия российской истории. К середине 80-х годов И. С. Аксаков предстает уже «последним могиканом славянофильства» – старейшим из ранней славянофильской плеяды. Он достойно пронес поднятое знамя от раннего славянофильства к позднему, соединив две эпохи в развитии этого движения – от середины 40-х до середины 80-х годов, став своеобразным мостом и, одновременно, центром среднего славянофильства, пришедшегося на 60-е–70-е годы XIX столетия.

Указом Правительствующего Сената 12 июля 1845 г. Аксаков был определен в должность товарища председателя Уголовной палаты в Калуге. В письме к родным от 22 марта 1847 г. Иван подводит итоги своего пребывания в Калуге: «...я много подвинулся в знании жизни, много, очень много передумано, прожито, приобретено и утрачено в эти полтора года, проведенные мною в Калуге», а в письме от 25 марта добавляет: «С уголовной частью я свыкся, имею почти 5-летний запас опытности: это дает смелость, резкость и самостоятельность моим суждениям... <...> Уголовные дела принесли мне много пользы. Держа меня постоянно в связи с практическою жизнью, они знакомят меня и с внутренним бытом народа, и разнообразием случаев раскрывают много сторон разнообразной души человека».

Годы службы Аксакова пришлись на царствование Николая I. Поражение революции 1848 года во Франции привело к реакции в России. Последующие годы были довольно тяжелыми в жизни Ивана. Это было время несостоявшихся исторических надежд, утраты веры в успешность человеческих стремлений: «Все последнее время, весь 1848 год постоянно разбивались мои с таким трудом усвоенные верования, и теперь не осталось для меня ни одной человеческой истины, о которой нельзя было бы сказать и про и contra; я потерял всякую веру и в ум человеческий, и в наши выводы и соображения, и в логику, и в жизнь». Именно в эти годы Аксаков написал стихотворения полные горести и душевной скорби: «Усталых сил я долго не жалел...», «После 1848 года» («Пережита тяжелая година»), «Опять тоска! Опять раздор!», «Клеймо домашнего позора...»

Высочайшим приказом 21 сентября 1848 г. Аксаков в чине коллежского асессора был причислен к министерству внутренних дел, где прослужил до 5 апреля 1851 г. За два с половиной года службы чиновником по особым поручениям при министре внутренних дел Аксаков совершил две командировки: небольшую в Бессарабию, где под предлогом ревизии сельских хлебных магазинов и еврейских училищ осуществлял секретное поручение по изучению раскола; и почти двухлетнюю в Ярославскую губернию, где проводил ревизию городского хозяйства губернии и занимался секретным поручением министра по изучению проблем раскола.

В период службы в МВД Аксаков, наряду с поэтическим творчеством (в первую очередь речь идет о поэме «Бродяга»), пишет и свои первые публицистические статьи и целый ряд служебных записок о расколе. Во время пребывания своего в Ярославле, уездных городах и селах Яро-

славской губернии Аксаков написал несколько статей: 1) «Об общинной жизни в губернских городах», 2) «О ремесленном устройстве в некоторых селениях Ярославской губернии», 3) «Ответ крестьян помещику о работе на фабриках» и 4) «Мирской приговор Рыбинской Ловецкой слободы, Ярославской губернии».

18 марта 1849 г. Иван Сергеевич был подвергнут III отделением пятидневному аресту. Поводом к аресту Аксакова, как объясняет издатель его писем, была близость его с Ю. Ф. Самариным, резкость некоторых выражений в семейных письмах, попавших в руки тайной полиции, и, наконец, неосновательное подозрение, возникшее в официальных сферах, что начавшееся в Москве славянофильское направление, находится в связи с панславистским учением на Западе. В результате этого важнейшего в его жизни события («передряги») мы получили уникальную возможность познакомиться с еще только формирующимися славянофильскими взглядами «младшего из старших» славянофилов и его интерпретацией славянофильского учения.

Вспоминая эту историю 9 сентября 1958 г. в письме к Н. С. Соханской, Аксаков так писал о государе Николае I: «Со мною лично он поступил очень благородно, т. е., в силу своей системы с вопиюще незаконностью арестовав меня через III (т. е. жандармское) отделение, сам занялся рассмотрением моих письменных ответов на предложенные мне вопросы, сам написал некоторые замечания, возражения и опровержения моих мнений, и, отсылая всю эту тетрадь к графу Орлову, написал ему четыре слова, не лишенные парадной красоты: “Призови, прочти, вразуми и отпусти”. Я был выпущен с великим почетом, но его система преследовала меня до самой его кончины, т. е. созданные им жандармы тяготели на мне надзором, доносами и т. д.»

Статья Аксакова «О служебной деятельности» и «Ответ» на нее К. С. Аксакова были написаны в апреле – мае 1849 г. Статью-письмо Ивана Аксакова, по нашему мнению, можно квалифицировать в качестве, если не первого, то одного из самых ранних опытов его славянофильской публицистики. На наш взгляд, важно обратить внимание, что содержание статьи заметно шире названия – она далеко не только о служебной деятельности. Это становится ясно, если выделить ключевые идеи, высказанные им в статье: «служебная деятельность в России лишена всякой жизненной почвы, она есть высшее выражение формализма»; «мудрено служить без веры в администрацию»; «положительная служебная деятельность для нас невозможна»; «мы совершенно оторваны от живой жизни народа, мы утратили сокровище народного инстинкта»; «что совместимо с христианством, то хорошо и должно быть народно, что нет – то ложно, хотя и народно»; «наше стремление к народности должно быть стремлением к бытовому, жизненному христианству»; «любовь к народным явлениям должна проходить через христианскую оценку»; «брат мой Константин любит, сам того не зная, может быть, не старую и не современную Русь, а Русь идеальную».

Благодаря двум командировкам Аксаков стал весьма крупным специалистом по истории раскола. В монографии рассмотрены четыре опуб-

ликованные служебные записки Аксакова, посвященные расколу: «Записка о бессарабских раскольниках» (1849), «О расколе и об единоверческой церкви в Ярославской губернии» (1849), «Записка о ярославских раскольниках» (1849), «Краткая записка о странниках или бегунах» (1851).

Завершая записку о расколе 1851 г., Аксаков предложил следующие меры: «...я должен сознаться, что не вижу никаких мер, которые, при настоящем порядке вещей, могли бы ослабить значение раскола, как протеста, ибо протест подобного рода может быть уничтожен только отнятием повода к протесту. Впрочем, вот некоторые меры, которые, по мнению моему, были бы не бесполезны. 1) Специальное образование священников для мест, зараженных расколом. <...> 2) <...> необходимо привести в порядок все имеющиеся в Министерстве раскольнические документы, книги и рукописи, составить из них особую библиотеку и сделать ее доступною всякому желающему заняться этим изучением. <...> 3) Позволить печатно всем и каждому, как православному, так и раскольнику, писать и рассуждать о расколе. <...> Кроме этого, я убежден, что если б позволено было напечатать историю иной раскольнической секты, сектаторы сами бы устыдились общественного о себе мнения, – и в этом одном было бы гораздо больше пользы, чем в ссылке целой сотни сектаторов в Сибирь или Закавказский край, где ссыльные проповедью своею заражают новые места и приготавливают новые рассадники раскола для России».

Почти девять лет своей жизни И. С. Аксаков посвятил службе, потому что в условиях николаевской действительности не видел иной возможности применения собственных сил. Он не бросал службы и по другой немаловажной причине: не желал жить за счет крепостных крестьян.

В феврале 1851 г. Аксаков сделал решительный шаг – подал рапорт об отставке. Совершенно очевидно, что такой неугомонный человек и неординарный чиновник, вдобавок находившийся после ареста III Отделением под надзором полиции, не мог «вписаться» в ярославское губернское общество, ужиться в городе, который живет сам по себе, а все вопросы и весь волнующийся мир сам по себе. Он навлек на себя недовольство губернатора А. П. Бутурлина, пославшего в министерство внутренних дел донос на сочинителя «предосудительной» поэмы «Бродяга». Поставленный перед необходимостью выбора – служба или литературная деятельность, Аксаков выбрал последнее, и отстоял – пусть ценой отставки – свои права, чувство собственного достоинства и внутреннюю свободу.

При всей неожиданности уход в отставку был закономерен: служебные занятия, в которые Аксаков имел обыкновение погружаться с головой, мешали литературному труду осознавшего свое призвание человека. Заметим, что служба принесла Аксакову и много пользы: она сталкивала его с великим множеством людей, помогала понять «чужую натуру». Помимо служебного опыта, Иван Сергеевич обогатился знанием практической жизни, народного быта и, наконец, постиг систему государственного механизма и управления.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адо В. И. Выступление И. С. Аксакова против Берлинского конгресса 1878 г. и отклики на него в России и Болгарии // История СССР. – 1962. – № 6. – С. 125–139.
2. Аксаков И. С. Зимняя дорога. (*Licentia poetica*). Март. Радонежье. 1845 г. – [М.], тип. А. Семена, [1846]. – 32 с.
3. [Аксаков И. С.] Судебные сцены. Отрывок из книги «Самые достоверные записки чиновника очевидца». – Лондон: Вольная русская книгопечатня, 1857. – 100 с. [Авторство И. С. Аксакова установлено по изданию «Сводный каталог русской нелегальной и запрещенной печати XIX века. М., 1971. С. 4].
4. Аксаков И. С. Исследование о торговле на украинских ярмарках / И. С. Аксаков, д. чл. Имп. Рус. геогр. о-ва. – СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1858. – [10], 384, IV с., с табл.
5. [Аксаков И. С.] Самые достоверные записки чиновника-очевидца. Присутственный день уголовной палаты. Судебные сцены, изложенные отставным надворным советником, бывшим секретарем Правительствующего Сената, бывшем товарищем председателя Уголовной палаты, бывшим обер-секретарем Правительствующего Сената, бывшим чиновником Министерства внутренних дел // Полярная звезда. Кн. 4. – Лондон, 1858. – С. 9–106.
6. [Аксаков И. С.] Жизнь чиновника: мистерия в трех действиях // Русская потаенная литература XIX столетия. Стихотворени : Ч. 1 / С предисл. Н. Огарева. – Лондон: Trübner & Co, 1861.
7. Аксаков И. С. Краткая записка о странниках или бегунах // Русский архив. – 1866. – № 4. – С. 627–644.
8. Аксаков И. С. Судебные сцены, или Присутственный день Уголовной палаты // Заря. – 1871. – № 4. – Апрель.
9. Аксаков И. С. Федор Иванович Тютчев: (Биографический очерк) / С гравированным портретом Тютчева. – М.: тип. В. Готье, 1874. – 408 стб. (Русский архив. 1874. Кн. 10).
10. [Аксаков И. С.] Присутственный день уголовной палаты: Судебные сцены из записок чиновника очевидца. – Лейпциг: Е. Л. Каспрович, 1874, (напеч. в Наумбурге в тип. Г. Пеца). 120 с. (Международная библиотека; Т. 5). 2-е изд. Лейпциг: Е. Л. Каспрович, 1875.
11. Аксаков И. С. О старых судах (по поводу усилившихся нападений в газетах и обществе на новый суд) // Русь. – 1884. – № 4. – 15 февраля.
12. [Аксаков И. С.] Сборник стихотворений И. С. Аксакова († 27-го янв., 1886 г.). С портр. авт. / [Предисл.: От А. Ф. Аксаковой]. – М.: тип. Т. И. Гаген, 1886. – [8], 176, IV с., 1 л. портр. На тит. л.: Москва, 1886 г., марта 7-го дня. Прил. к № 33-му газ. Русь.
13. [Аксаков И. С.] Сборник стихотворений И. С. Аксакова († 27-го янв. 1886 г.). С портр. авт. 2-е изд., без перемен. – М.: тип. М. Г. Волчанинова (б. М. Н. Лаврова и К°), 1886. – [4], 180 с., 1 л. портр.

14. Иван Сергеевич Аксаков, неизданные его стихотворения: 1841–1844: Астрахань / Сообщ. барон Ф. А. Бюлер. – [СПб.]: тип. В. С. Балашева, ценз. 1886. – 16 с.

15. Аксаков И. С. Биография Федора Ивановича Тютчева. – М.: тип. М. Г. Волчанинова (б. М. Н. Лаврова и К°), 1886. – 327 с., 1 л. фронт. (портр.).

16. Аксаков И. С. Собрание сочинений: Т. 1–7. – М.: Типография М. Г. Волчанинова, 1886–1887.

17. Аксаков И. С. О расколе и об единоверческой церкви в Ярославской губернии // Аксаков И. С. Сочинения в 7 т. Т. 7. – М., 1887. – С. 848–864.

18. Аксаков И. С. Записка «О бессарабских раскольниках» // Русский архив. – 1888. – № 3. – С. 434–451.

19. Аксаков И. С. Записка «О ярославских раскольниках» // Труды Рязанской ученой археографической комиссии за 1888 год. – Рязань, 1889. Вып. 3. – С. 80–84.

20. И. С. Аксаков в его письмах. Часть первая. Учебные и служебные годы. – М., 1888. Т. I. Письма 1839–1848 гг. – [2], 466, 100, [1] с., 1 л. портр.

21. И. С. Аксаков в его письмах. Часть первая. Учебные и служебные годы. – М., 1888. Т. II. Письма 1848–1851 гг. – [4], 409, [1], 56 с.

22. Аксаков И. С. Сочинения. 2 изд. Т. 2, 3, 4. – СПб.: тип. А. С. Суворина, 1891, 1900, 1903.

23. И. С. Аксаков в его письмах. Часть первая. Учебные и служебные годы. – М., 1892. Т. III. Письма 1851–1860 гг. – [4], XXIV, 514, 166 с., [1] л. портр.

24. Аксаков И. С. Отрывок из книги: Самые достоверные записки чиновника очевидца. Присутственный день Уголовной Палаты. (Судебные сцены) // И. С. Аксаков в его письмах. Часть первая. Учебные и служебные годы. Т. III. Письма 1851–1860 гг. – М., 1892. – Приложение. С. 17–91.

25. И. С. Аксаков и А. О. Смирнова. Письма И. С. Аксакова 1845–1880 // Русский архив. – 1895. – № 12. – С. 423–480.

26. И. С. Аксаков в его письмах. Часть вторая. Письма к разным лицам. – М., 1896. Т. IV. Письма 1858–1886 гг. – IV, [2], 297, 31, [2] с., [4] л.

27. [Аксаков И. С.] Статья, предназначавшаяся к помещению в третьем номере газеты «Парус» // Литературный вестник. Издание русского библиологического общества. – Т. VII. – Кн. 3. – 1904. – С. 4–8.

28. [Аксаков И. С.] Хроника «Новый год» // Русский Библиофил. – 1916. – № 5. – С. 68–71. (Статья предназначалась для № 1 «Молвы» за 1858 г.).

29. Аксаков И. С. Стихотворения и поэмы / общ. ред. А. Г. Дементьева; вступ. ст. А. Г. Дементьева и Е. С. Калмановского; подг. текста и примеч. Е. С. Калмановского. – Л.: Советский писатель, 1960. – 298 с.

30. Аксаков И. С., Аксаков К. С. Литературная критика / вступ. ст., и коммент. А. С. Курилова. – М.: Современник, 1981. – 383 с.

31. Аксаков И. С. Письмо Ф. В. Чижову // Греков В. Движение добра // Поэзия: Альманах: Вып. 40. – М., 1985. – С. 118–125.
32. Аксаков И. С. «И слово правды...» Стихи, пьесы, статьи, очерки / Предисл., сост. и коммент. М. А. Чванова. – Уфа: Башк. кн. изд-во, 1986. – 316 с.
33. И. С. Аксаков. Письма к родным. 1844–1849 / изд. подгот. Т. Ф. Пирожкова. – М.: Наука, 1988. – 704 с.
34. Аксаков И. С. Письма из провинции. Присутственный день в уголовной палате. – М.: Правда, 1991. – 543 с.
35. Аксаков И. С. О служебной деятельности в России. Письмо к чиновнику // Человек. – 1993. – № 3. – С. 70–72.
36. И. С. Аксаков. Письма к родным. 1849–1856 / изд. подгот. Т. Ф. Пирожкова. – М.: Наука, 1994. – 654 с.
37. Аксаков И. С. Биография Федора Ивановича Тютчева. Репр. воспр. изд. 1886 г. – М.: АО «Кн. и бизнес», 1997. – 327 с.
38. Иван Сергеевич Аксаков и его «Биография Федора Ивановича Тютчева»: Комментарий / [Науч. ред., авт. сопровод. ст., с. 5–43, В.Н. Касаткина; Авт. сопровод. ст. и коммент., сост. указ. и альбома ил. Г. В. Чагин]. – М.: АО «Кн. и бизнес», 1997. – 175 с.
39. Аксаков И. С. Еврейский вопрос: Ст. из газет «День», «Москва» и «Русь»: 1862–1883 гг. – М.: Социздат, 2001. – 156 с.
40. Аксаков И. С. Отчего так нелегко живется в России? / сост., вступ. ст., примеч. В. Н. Грекова. – М.: РОССПЭН, 2002. – 1007 с.
41. Аксаков И. С. Самодержавие не есть религиозная истина (1869 г.) // Аксаков И. С. Отчего так нелегко живется в России? – М., 2002. – С. 897–900.
42. Аксаков И. С. Служебные записки о расколе // Аксаков И. С. Отчего так нелегко живется в России? – М., 2002. – С. 849–894.
43. И. С. Аксаков в его письмах: Эпистолярный дневник 1838–1886 гг. с предисл., коммент. и воспоминаниями А. Ф. Аксаковой: В 3 т. / сост., подгот. текста, примеч., указ. имен Т. Ф. Прокопова. – М.: Русская книга, 2003–2004. – 560, 576, 608 с.
44. Аксаков И. С. У России одна-единственная столица... : Стихотворения и поэма. Пьеса. Статьи, очерки, речи. Письма. Из воспоминаний и мнений об И. С. Аксакове. Венки И. С. Аксакову. Москва И. С. Аксакова (путеводитель) / Сост., вступ. ст., путеводитель, примеч. Г. В. Чагина. – М.: Русский мир, 2006. – 512 с.
45. Н. Н. Страхов. Переписка / сост. М. И. Щербакова; Группа славянских исследований при Оттавском университете и Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН. – <Оттава> 2007. – VIII, 192 с.
46. Аксаков И. С. Наше знамя – русская народность / Сост. и коммент. С. Лебедева. – М.: Ин-т рус. цивилизации, 2008. – 640 с.
47. Аксаков И. С. О державности и вере. – Минск: Белорус. правосл. церковь, 2010. – 608 с.

48. Аксаков И. С. Собрание сочинений: В 12 т. Т. 1: Славянский вопрос. Кн. 1, 2 / Изд. подгот. А. П. Дмитриев и Д. А. Федоров; редкол.: Е. И. Анненкова, Д. А. Бадалян, А. П. Дмитриев (зам. гл. ред.), Б. Ф. Егоров (гл. ред.), С. В. Мотин, Д. А. Федоров; Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Центр по изучению традиционалистских направлений в русской литературы Нового времени. – СПб.: Росток, 2015. – 639, 768 с.
49. Иван Сергеевич Аксаков: библиогр. указ. (1836–2014) / сост.: П. И. Федоров, С. В. Мотин; сост. фотоприложения: Г. О. Иванова; вступ. ст. С. В. Мотина; под ред. А. П. Дмитриева; Башк. гос. пед. ун-т им. М. Акмуллы, Мемориальный дом-музей С. Т. Аксакова, Уфимский юридический ин-т МВД России, Библиотека БГПУ им. М. Акмуллы. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2014. – 260 с.
50. Аксаков Иван Сергеевич: материалы для летописи жизни и творчества: В 6 вып., 12 ч. / под ред. С. В. Мотина. – Уфа: УЮИ МВД России, 2009–2015. – 3122 с.
51. Аксаков К. С. Несколько слов о поэме Гоголя: «Похождения Чичикова, или Мертвые души». – М.: тип. Н. Степанова, ценз. 1842. – 19 с.
52. Аксаков К. С. Ломоносов в истории русской литературы и русского языка: Рассуждение кандидата Московского университета Константина Аксакова, писанное на степень магистра Философского факультета Первого отделения. – М.: тип. Н. Степанова, 1845. – 517, [5] с.
53. Аксаков К. С. Освобождение Москвы в 1612 году: Драма в 5 д. – М.: тип. Н. Степанова, 1848. – [8], 212 с.
54. Аксаков К. С. О русских глаголах. – М.: тип. Л. Степановой, 1855. – 47 с.
55. Аксаков К. С. Князь Луповицкий, или Приезд в деревню: Комедия в 2 д. с прологом. – М.: тип. Л. Степановой, 1856. – 88 с.
56. Аксаков К. С. Олег под Константинополем: В стихах: Драм. пародия, с эпилогом в 3 д. – СПб.: тип. П. А. Кулиша, 1858. – [4], IV, [2], 96, [1] с.
57. Аксаков К. С. Опыт русской грамматики. Ч. 1. – М.: тип. Л. Степановой, 1860. – [4], XII, 176 с.
58. Аксаков К. С. Замечания на новое административное устройство крестьян в России. – Лейпциг: Ф. Вагнер, 1861. – VIII, 116 с. [Изд. и предисл. И. С. Аксакова].
59. Аксаков К. С. Полн. собр. соч. Т. 1. Сочинения исторические / изд. под ред. И. С. Аксакова. – М.: тип. П. Бахметева, 1861. – VIII, 632, II с. (2-е изд., доп. – М.: Унив. тип., 1889. – 652 с.).
60. Аксаков К. С. Полн. собр. соч. Т. 2. Ч. 1. Сочинения филологические. – М.: Унив. тип. (Катков и К°), 1875. – XII, 661 с.
61. Аксаков К. С. Полн. собр. соч. Т. 3. Ч. 2. Опыт русской грамматики. – М.: тип. П. Бахметева, 1880. – 709 с. разд. паг.

62. Аксаков К. С. Учение славянофилов // Русский архив. – 1890. – № 11. – С. 371–407.
63. Аксаков К. С. Стихотворения / примеч. И. С. Аксакова. – М.: Тип. «Об-ва распротр. полезных книг», 1909. – 72 с.
64. Аксаков К. С. Воспоминания студентства: С прил. портр. К. С. Аксакова, неизданные стихотворения и отклика А. И. Герцена на его кончину. – СПб.: Огни, 1911. – 42, [1] с.
65. Аксаков К. С. Сочинения Константина Сергеевича Аксакова / ред. и примеч. Е. А. Ляцкого. Т. 1. – Пг.: Огни, 1915. – Т. 1. [2], 656 с.
66. Аксаков К. С. Стихотворения // Поэты кружка Н. В. Станкевича / сост. С. И. Машинский. – М.-Л., 1964. – С. 281–486.
67. Аксаков К. С. Эстетика и литературная критика / сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. В. А. Кошелева. – М.: Искусство, 1995. – 526 с.
68. Аксаков К. С. Государство и народ / сост. и коммент. А. В. Белова, предисл. А. Д. Каплина; отв. ред. О. А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2009. – 608 с.
69. Аксаков К. С., Аксаков И. С. Избранные труды / сост., авторы вступ. ст. и коммент. А. А. Ширинянц, А. В. Мырикова, Е. Б. Фурсова. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. – 888 с.
70. Аксаков К. С. Ты древней славою полна, или Неистовый москвич [сборник] / вступ. ст. и коммент. Е. Ю. Филькина. – М.: Русский мир, 2014. – 507, [2] с. [16] л. ил.
71. Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем [с включением всей переписки с 1832 по 1852 гг.] / Изд. подгот. сотрудники музея «Абрамцево» АН СССР Е. П. Населенко и Е. А. Смирнова. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. – 294 с., 4 л. ил.
72. Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем: Со включением всей переписки с 1832 по 1852 г. / [Предисл.: Н. М. Павлов]. – М.: тип. М. Г. Волчанинова, 1890. – IV, 206 с.
73. Аксаков С. Т. Собрание сочинений: в 4 т. – М., 1955–1956.
74. Аксаковские чтения: (материалы XIV Международных Аксаковских чтений. Уфа, 26–27 сентября 2013 г.) / отв. ред.: д.ф.н., проф. В. В. Борисова; Башк. гос. пед. ун-т им. М. Акмуллы. – Уфа, 2013. – 324 с.
75. Аксаковы: семейная энциклопедия / редкол.: Каштанов С. М. (отв. ред.) и др. – М.: РОССПЭН, 2015. – 534 с.
76. Алексеев А. И. Музы и право. – М.: НОРМА, 2003. – 175 с.
77. Анненков П. В. Литературные воспоминания / [Вступ. статья, подгот. текста и примеч. В. П. Дорофеева]. – М.: Гослитиздат, 1960. – 686 с.
78. Анненкова Е. И. К. С. Аксаков – фольклорист: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена. – Л., 1975. – 27 с.
79. Анненкова Е. И. Аксаковы. – СПб.: Наука, 1998. – 365 с.

80. Анненкова Е. И. К. С. Аксаков в «Русской беседе» // «Русская беседа»: История славянофильского журнала: Исследования. Материалы. Постатейная роспись. – СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2010. – С. 84-99.
81. Анненкова Э. А. Императорское Училище правоведения. – СПб.: ООО «Издательство «Росток»», 2006. – 384 с.
82. Анненкова Э. А. Императорское Училище правоведения // Пространство и время. – 2013. – № 1 (11).
83. Анненкова Э. А., Голиков Ю. П. Принцы Ольденбургские в Петербурге. – СПб.: Росток, 2004. – 480 с.
84. Арсеньев К. К. Воспоминания об Училище правоведения // Русская старина. – 1886. – № 4.
85. Артикул воинский: С кратким толкованием и с процессами. – [СПб.]: При Имп. Акад. наук, 1796. – [4], 385 с.
86. Аттестат о службе И. С. Аксакова, 2 июня 1851 года / публ. С. В. Мотина // Аксаковские чтения: материалы XI Всерос. научн. конф. Уфа, 2 окт. 2009 г. – Уфа: Вагант, 2009. – С. 82–90.
87. Атякшев М. В. Идея христианской общественности в позднем славянофильстве: И. С. Аксаков, Н. Н. Страхов, П. Е. Астафьев, Л. А. Тихомиров: дис. ... канд. филос. наук / Российский гос. гуманитар. ун-т. – М., 2013. – 117 с.
88. Бабст И. К. [Рец. на кн.: «Исследование о торговле на украинских ярмарках» (1858)] // Атеней. – 1858. – № 37, 38.
89. Бабчёнкова Е. Г. Поэзия И. С. Аксакова в русской музыке // Аксаковские чтения: материалы XIV Международных Аксаковских чтений / Отв. ред. д.ф.н., проф. В. В. Борисова; Башк. гос. пед. ун-т им. М. Акмулы. – Уфа, 2013. – 108–112.
90. Бадалян Д. А. И. С. Аксаков и газета «Русь» в общественной жизни России: дис. <...> канд. ист. наук / С.-Петерб. ин-т истории РАН. – СПб., 2010. – 297 с.
91. Бадалян Д. А. «Колокол призывный»: Иван Аксаков в русской журналистике конца 1870-х – первой половины 1880-х годов. – СПб.: ООО «Издательство «Росток»», 2016. – 360 с.
92. Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 1–22. – СПб., 1888–1910.
93. Баршев Я. И. Основания уголовного судопроизводства, с применением к российскому уголовному судопроизводству / Соч. орд. проф. уголов. и полиц. законов в Имп. С.-Петерб. ун-те, д-ра прав Я. Баршева. – СПб.: тип. 2 отд-ния Собств. е. и. вел. канцелярии, 1841. – [4], II, XVIII, 297 с.
94. Белевцева Н. П. Книги, принадлежавшие Аксаковым, в мемориальной библиотеке музея-усадьбы «Мураново» // Аксаковские чтения. Материалы конференции 1983 года. – Абрамцево, 1988. – С. 53–62.

95. Борисов А. В. Министры внутренних дел России. 1802 – октябрь 1917: Санкт-Петербургский ун-т МВД России; Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности. – СПб.: Фонд Университет, 2002. – 350 с.
96. Бутовский Л. Воспоминания об Императорском Училище Правоведения. Посвящаются товарищам третьего выпуска, 12 июня 1842 г. – СПб., <1883>. – С. 3–8.
97. В память Юрия Федоровича Самарина. 18 марта 1876 года. – М.: В Университетской типографии, 1876. – С. 39–44.
98. Валитов А. Р. Федор Тютчев и Иван Аксаков: Поэт и его биограф: дис. ... канд. филол. наук / Яросл. гос. пед. ун-т. – Ярославль, 2002. – 190 с.
99. Варадинов Н. В. История министерства внутренних дел: в 8 т. – СПб., 1858–1863.
100. Венгеров С. А. Собр. соч.: в 5 т. Т. 3. Передовой боец славянофильства: Константин Аксаков. – СПб.: Прометей, 1912. – [8], 248 с.
101. Вихрова Н. Н. И. С. Аксаков и «Пушкинский вопрос» в русской литературе: дис. ... канд. филол. наук / Новгород. гос. ун-т. – В. Новгород, 1999. – 232 с.
102. Вихрова Н. Н. Пушкин в дневнике молодого Ивана Аксакова // Русская литература. – 1999. – № 2. – С. 169–181.
103. Вихрова Н. Н. Ранний критический опыт И. С. Аксакова // Русская литература. – 2011. – № 2. – С. 173–183.
104. Вопросы, предложенные Аксакову III отделением, и его ответы на них // И. С. Аксаков в его письмах. Часть первая. Учебные и служебные годы. Т. 2. Письма 1848–1851 годов. – М., 1888. – С. 147–163.
105. Герцен А. И. Собр. соч.: в 30 т. Т. 26: Письма 1856–1859 годов. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 543 с.
106. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. 12: Письма. 1842–1845 / Ред. Г. М. Фридлиндер. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1952. – 718 с.
107. Государственный совет в России. 1801–1901. – СПб., 1902.
108. Греков В. Н. «Московский сборник» И. С. Аксакова в контексте русской культуры // Московский сборник. – СПб.: Наука, 2014. – С. 843–916.
109. Греков В. Н. И. С. Аксаков – журналист, 40-60-е годы XIX века: дис. <...> канд. филол. наук / Моск. гос. ун-т. – М., 1988. – 306 с.
110. Гудков Г. Ф., Гудкова З. И. С. Т. Аксаков. Семья и окружение. Краеведческие очерки. – Уфа: Башк. кн. изд., 1991. – 373 с.
111. Дементьев А. Г., Калмановский Е. С. Поэзия Ивана Аксакова // Аксаков И. С. Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель, 1960. – 5–30 с.

112. Дмитриев А. П. Первоначальный вариант статьи И. С. Аксакова «О служебной деятельности (письмо к чиновнику)» и «ответ» на нее К. С. Аксакова // Аксаковские чтения: (материалы XIV Международных Аксаковских чтений. Уфа, 26–27 сентября 2013 г.) / отв. ред.: д.ф.н., проф. В. В. Борисова; Башк. гос. пед. ун-т им. М. Акмуллы. – Уфа, 2013. – С. 130–141.
113. Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч.: в 9 т. Т. 3. – М.–Л., 1962. – 543 с.
114. Дунин А. А. И. С. Аксаков в Ярославле // Русская мысль. – 1915. – № 8. – С. 217–231.
115. Записка «О внутреннем состоянии России» К. С. Аксакова, представленная Государю Императору Александру II в 1855 году. Дополнение к Записке // Русь. – 9 мая. № 26. – С. 11–15; 16 мая. № 27. – С. 17–20; 23 мая. № 28. – С. 12–14.
116. Императорское Училище Правоведения и Правоведы в годы мира, войны и смуты / сост. Н. Л. Пашенный (78-го вып.). – Мадрид: издание Комитета правоведской кассы, 1967. – 457 с.: ил.
117. Калмановский Е. С. Противоречия творческого сознания: Поэзия И. Аксакова // Русская литература. – 1994. – № 1. – С. 58–71.
118. Каплин А. Д. Аксаков Константин Сергеевич // Славянофилы. Историческая энциклопедия / сост. и отв. ред. О. А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2009. – С. 23–38.
119. Каплин А. Д. Глава 4. «Пора домой!» – «Русским надо быть русскими...»: Константин Сергеевич Аксаков (1817–1860) // Славянофилы, их сподвижники и последователи / отв. ред. О. А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2011. – С. 180–246.
120. Карушева М. Ю. Славянофильская драма: [Драматургия А. С. Хомякова и К. С. Аксакова]. – Архангельск: Изд-во Помор. междунар. пед. ун-та, 1995. – 255 с.
121. Китаев В. А. Из истории идейной борьбы в России в период первой революционной ситуации: (И. С. Аксаков в общественном движении начала 60-х гг. XIX в.). – Горький: Горьк. гос. ун-т, 1974. – 72 с.
122. Козлова А. А., Мельников И. И. «О характере уголовного процесса» – рукопись И. С. Аксакова 1842 года // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: материалы курсантско-студенческой конференции, г. Уфа, 15 мая 2008 г. В 2 ч. Ч. 2 / под общ. ред. Р. В. Нигматуллина. – Уфа: УЮИ МВД России, 2008. – С. 3–7.
123. «Колокол». Издание А. И. Герцена и Н. П. Огарева. 1857–1867: Систематизир. роспись статей и заметок / М-во культуры РСФСР. Гос. публичная ист. б-ка. – М.: Изд-во Всесоюз. кн. палаты, 1957. – 554 с.
124. Конюченко Т. Статистические сведения о личном составе, воспитанниках и хозяйственной части Императорского училища правоведения

за 50 лет его существования / собраны правителем дел училища Т. Конюченко. – СПб.: Гос. тип., 1886. – X, 171 с.

125. Корнев А. В., Борисов А. В. Правовая мысль и юридическое образование в дореволюционной России: учебное пособие. – М., 2005. – 285 с.

126. Корф М. А. Записки. – М.: Захаров, 2003. – 719 с.

127. Кошелев В. А. Сто лет семьи Аксаковых. – Бирск: Бирск. гос. пед. ин-т, 2005. – 380 с.

128. Кулешов А. С. Наумов О. Н. Аксаковы. Поколенная роспись. – М.: Территория, 2009. – 211 с.

129. Кунильский Д. А. Ф. М. Достоевский и братья К. С. и И. С. Аксаковы: Проблема восприятия русской литературы: дис. ... канд. филол. наук / Петрозавод. гос. ун-т. – Петрозаводск, 2011. – 223 с.

130. Кунильский Д. А. Достоевский и братья Аксаковы: спор о русской литературе. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. – 151 с.

131. Курилов А. С. Аксаков Константин Сергеевич // Русские писатели: Биобиблиографический словарь: в 2 т. Т. 1 (А–Л) / под ред. П. А. Николаева. – М.: «Просвещение», 1990. – С. 18–22.

132. Лебедев С. Предисловие // Аксаков И. С. Наше знамя – русская народность. – М.: Институт русской цивилизации, 2008. – С. 5–66.

133. Летопись жизни и творчества С. Т. Аксакова / сост. В. В. Борисова, Е. П. Никитина. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2010. – 236 с.

134. Литературное наследство. Том 62: Герцен и Огарев. Кн. II. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – 894 с.

135. Лобанов М. П. С. Т. Аксаков. – М.: Мол. гвардия, 2005. – 354 с., 16 л. ил. (Серия: «Жизнь замечательных людей»).

136. Майков Вал. Н. Критические опыты. (1845–1847). – СПб.: журн. «Пантеон лит.», 1889. – 4, 736 с.

137. Майков Л. Письма С. Т., К. С. и И. С. Аксаковых: <Предисловие> // Русское обозрение. – 1894. – Т. 28. – № 8.

138. Майский И. М. Испания 1808–1917: исторический очерк. – М., 1958.

139. Манн Ю. В. Семья Аксаковых: историко-литературный очерк. – М.: Дет. лит., 1992. – 384 с.

140. Месяцослов и Общий штат Российской империи на 1842 год. Ч. I. – СПб.: При Императорской Академии Наук, <1842>.

141. Мещерский В. П. Воспоминания. – М.: Захаров, 2001. – 688 с.

142. Молчанов М. М. Александр Николаевич Серов в воспоминаниях старого правоведа // Русская старина. – 1883. – № 8.

143. Молчанов М. М. Полвека назад: Первые годы Училища правоведения в С.-Петербурге / Изд. один из 1407 кончивших в оном курс, выпуска 1845 г. – СПб.: тип. Е. Евдокимова, 1892. – [2], IV, 3–91 с., 22 л. портр.

144. Московский литературный и ученый сборник на 1847 год. М.: В типографии Семена. 1847. 6, XVIII, 708, 146, 32, 16 с.
145. Московский сборник. Т. 1. Сочинения: К. С. Аксакова, И. С. Аксакова, И. Д. Беляева, И. В. Киреевского, П. В. Киреевского, А. И. Кошелева, С. М. Соловьева, А. С. Хомякова. – М.: тип. Александра Семена, 1852. – [2], XII, [448] с., 1 портр.
146. Московский сборник: [т. 1, 2] / Изд. подгот. В. Н. Греков. – СПб.: Наука, 2014. – 1307 с., [17] л. ил.; 23 см. – (Литературные памятники / Российская акад. наук).
147. Мотин С. В. К. С. и И. С. Аксаковы и Общество любителей российской словесности при Московском университете // Аксаковский сборник. Вып. V. – Уфа, 2008. – С. 57–67.
148. Нароков М. С. Уголовная палата: пьеса в 4 действиях: (Сюжет заимствован у И. С. Аксакова). – М.: Искусство, 1939. – 156 с.
149. Нижник И. С., Сальников В. П., Мушкет И. И. Министры внутренних дел Российского государства (1802–2002). Биобиблиографический справочник. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 584 с.
150. Никитенко А. В. Записки и дневник: в 3 т. – М.: Захаров, 2005. – 640, 608, 592 с.
151. Никольский А. Иван Сергеевич Аксаков // Аксаков И. С. У России одна-единственная столица. – М., 2006. – С. 452–465.
152. Огарева-Тучкова Н. А. Воспоминания [о Герцене и Огареве] / [Подготовка текста, вступ. статья и примеч. В. А. Путинцева]. – М.: Гослитиздат, 1959. – 382 с., 15 л. ил.
153. Ожерельев К. А. Художественная картина мира в лирике К. С. Аксакова и И. С. Аксакова: дис. ... канд. филол. наук. – Омск, 2014. – 178 с.
154. Органы и войска МВД России. Краткий исторический очерк. – М.: Объединенная редакция МВД России, 1996. – 464 с.
155. Осоват А. Л. Аксаков Иван Сергеевич // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 1. – М., 1989. – С. 29–32.
156. Ответы И. С. Аксакова на вопросы III Отделения // И. С. Аксаков Письма к родным. 1844–1849. – М., 1988. – С. 497–508.
157. Павел Юлий. Пять книг сентенций к сыну. – М.: Зерцало, 1998. – 285 с.
158. Памятная книжка Императорского Училища правоведения на учебный 1870–1871 год. – СПб., 1870. – XV, 40, 177 с., 1 табл.
159. Папков А. А. Жизнь и труды принца Петра Георгиевича Ольденбургского: Ко дню пятидесятилетия Училища правоведения сост. А. Папков, бывший воспитанник Училища. – СПб.: Гос. тип., 1885. – [4], VIII, 184 с.
160. Переписка Аксаковых с Н. С. Соханской (Кохановской) // Русское обозрение. – 1897. – № 2–12.

161. Переписка двух славянофилов. [Двусторонняя переписка И. С. Аксакова и В. И. Ламанского] // Русская мысль. – 1917. – № 3–4. – Отд. II. – С. 67–70.

162. Переписка И. С. Аксакова и Ю. Ф. Самарина (1848–1876) / подгот. изд. Т. Ф. Пирожковой, О. Л. Фетисенко и В. Ю. Шведова; вступ. ст. Т. Ф. Пирожковой; подготовка текстов Т. Ф. Пирожковой и О. Л. Фетисенко; примеч. Т. Ф. Пирожковой и В. Ю. Шведова. – СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2016. – 712 с.: [16] с. ил.

163. Пирожкова Т. Ф. «Много я ездил по России...» // Аксаков И. С. Письма из провинции. Присутственный день в уголовной палате. – М., 1991.

164. Письма А. И. Герцена и Н. П. Огарева к Ив. С. Аксакову // Мурановский сборник. Вып. 1. – Изд. Музея имени поэта Ф. И. Тютчева в Муранове, 1928. – С. 86–104.

165. Письма И. С., К. С. и С. Т. Аксаковых к И. С. Тургеневу. С введением и историко-литературными комментариями Л. Н. Майкова. – М.: Унив. тип., 1894. – 152 с.

166. Письма И. С. Аксакова к Ф. А. Бюлеру. Публикация В. Г. Бухерта // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. – М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. [Т.] IX. – С. 181–192.

167. Письма русских писателей к А. С. Суворину / Подготовил к печати проф. Д. И. Абрамович. – Ленинград, Государственная публичная библиотека, 1927. – С. 3–20, 195–197.

168. Поддубная Р. П. Аксаковы. Страницы жизни. – Самара: ООО «Офорт», 2016. – 656 с.

169. Полярная звезда на 1858 год, издаваемая Искандером и Н. Огаревым. Книжка четвертая. – Лондон: Вольная русская типография, 1858. – 318 с.

170. Порох В. И. И. С. Аксаков в борьбе за свободу слова и печати. – Саратов: Изд-во ФГБОУ ВПО «Саратовская гос. юридическая акад.», 2014. 177, [2] с.

171. Порох В. И. И. С. Аксаков и царизм (конец 40 – начало 60-х годов) // Освободительное движение в России. Вып. 13. – Саратов, 1989.

172. Порох В. И. Общественно-политическая и литературно-издательская деятельность И. С. Аксакова в годы первой революционной ситуации: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Рост. гос. ун-т. – Ростов н/Д, 1974. – 21 с.

173. Порох И. В., Порох Вл. И. Герцен и И. Аксаков на рубеже 50–60-х годов XIX века // Революционная ситуация в России в середине XIX века: деятели и историки. – М.: Наука, 1986. – С. 85–102.

174. Ранние славянофилы: А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, К. С. и И. С. Аксаковы / сост. Н. Л. Бродский. – М.: т-во И. Д. Сытина, 1910. – LXVI, 206 с.

175. Речь И. С. Аксакова, произнесенная 22-го июня 1878, в Московском славянском благотворительном обществе. – Berlin: В. Behr (Е. Вок), 1878. – 24 с.

176. Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. 1875–1878. Документы. – М.: «Индрик», 2008. – 448 с.

177. Русская потаенная литература XIX столетия. Стихотворения: Ч. 1 / С предисл. Н. Огарева. – Лондон : Trübner & Co, 1861. – LXLVI, 427, XII с.

178. Русская социально-политическая мысль XI – начала XX века. К. С. Аксаков: Учебное пособие / под общ. ред. А. А. Ширинянца; сост., вступ. ст. и коммент. А. А. Ширинянц, А. В. Мырикова. – М.: «Политическая мысль», 2011. – 212 с.

179. Самарин Ю. Ф. Сочинения: Т. 1–10, 12. – М., 1877–1911.

180. Свод законов Российской Империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный: в 15 т. [Т. 15]: Свод законов уголовных. – СПб., 1832.

181. Семенов П. П. История полувековой деятельности императорского Русского географического общества 1845–1895. В 3 ч. – СПб.: Тип. В. Безобразова, 1896. – Ч. 1. XXX, 468 с., [1] л. портр.

182. Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания / Изд. подгот. С. В. Житомирская. – М.: Наука, 1989. – 789 с., [9] л. ил.

183. Смирнова-Россет А. О. Записки, дневник, воспоминания, письма. – М., 1929.

184. Собрание постановлений по части раскола. – СПб., 1858. – 776 с. разд. паг.

185. Сперанский М. М. Императорское Училище правоведения // Русская старина. – 1885. – № 12.

186. Стасов В. В. Училище правоведения сорок лет тому назад 1836–1842 // Русская старина. – 1880. – № 12; 1881. – № 2, 3.

187. Сташневa М. А. Социально-политическая программа газеты И. С. Аксакова «Русь» (1880–1886 гг.): дис. <...> канд. ист. наук / Нижегород. гос. архит.-строит. ун-т. – Н. Новгород, 2011. – 259 с.

188. Степанова Ю. А. Политическая концепция К. С. Аксакова / Каф. истории социально-политических учений, Филос. фак., МГУ им. М. В. Ломоносова. – М.: Изд. Воробьев А. В., 2008. – 136 с.

189. Степченко В. А. Отражение в творчестве Аксаковых 1830–1880-х гг. трансформации помещичьего хозяйства России: дис. <...> канд. ист. наук / Омский гос. ун-т путей сообщения. – Омск, 2014. – 211 с.

190. Стояновский Н. И. Воспоминание о 5-м и 7-м декабре 1860 года : Воспоминания написано для товарищей, воспитанников Императорского Училища правоведения. – СПб.: тип. Правительствующего сената, 1860. – 36 с.
191. Стояновский Н. И. Краткий очерк об основании и развитии Императорского Училища правоведения. – СПб., 1885.
192. Суд и судьи в избранных фрагментах из Дигест Юстиниана / пер. с лат. – М.: Статут: Римская акад. правосудия, 2006. – 733 с.
193. Сухомлинов М. И. И. С. Аксаков в сороковых годах // «Исторический вестник». – 1888. – № 2.
194. Сухомлинов М. И. И. С. Аксаков в сороковых годах // Аксаков И. С. У России одна-единственная столица... – М., 2006. – С. 366–383.
195. Сюзор Г. Ко дню LXXV юбилея Училища правоведения 1835–1910 гг. : Исторический очерк / Сост. воспитан. 61 вып. Георгий Сюзор. – СПб.: Гос. тип., 1910. – [2], 514 с.
196. Талин В. И. С. Аксаков как церковный публицист // Русская Будущность. – СПб., 1916. – Приложение. № 9.
197. Тесля А. А. «Последний из „отцов”»: биография Ивана Аксакова. – СПб.: «Владимир Даль», 2015. – 799 с.
198. Трефолев Л. Странники (Из истории раскола) // Русский архив. – 1866. – № 4.
199. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. – СПб.: Типография второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1845. – XIV, 592 с.
200. Уортман Р. С. Властители и судии : развитие правового сознания в императ. России / авториз. пер. [с англ.] М. Д. Долбилова при участии Ф. Л. Севастьянова. – М.: Новое лит. обозрение, 2004. – 516 с.
201. Фурсова Е. Б. И. С. Аксаков: апология народности и самодержавия / под ред. С. В. Перевезенцева. – М.: Изд-во «Социально-политическая мысль», 2006. – 244 с.
202. Фурсова Е. Б. Политические принципы консерватизма в творчестве И.С. Аксакова (1823-1886): дис. ... канд. полит. наук / Моск. гос. ун-т. – М., 2006. – 189 с.
203. Холден Э. Петр Чайковский. – М., 2003. – 671 с.
204. Хомутов А. С. Отрывок из воспоминаний // Аксаков И. С. У России одна-единственная столица... – М., 2006. – С. 387–394.
205. Цимбаев Н. И. И. С. Аксаков в общественной жизни России 1860-х годов: автореф. дис. <...> канд. ист. наук / Моск. гос. ун-т. – М., 1972. – 15 с.
206. Цимбаев Н. И. И. С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. – 264 с.
207. Цимбаев Н. И. Газета «Молва» 1857 года (из истории славянофильской периодики) // Вестник Моск. ун-та. – Сер. 8. История. – 1984. – № 6. – С. 14–24.

208. Цимбаев Н. И. Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX века. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. – 274 с.

209. Цимбаев Н. И. Историософия на развалинах империи. – М.: Изд. дом Междунар. ун-та в Москве, 2007. – 616 с.

210. Чайковский М. Жизнь Петра Ильича Чайковского. По докум., хранящимся в Архиве им. покойного композитора в Клину: В 3 т. С прил. портр., снимков и факс., исполн. фото-цинкогр. способом. [Т. 1–3]. – М.; Лейпциг: П. Юргенсон, 1900–1902.

211. Чванов М. А. «Печальник славянства»: к 180-летию Ивана Сергеевича Аксакова // Наш современник. – 2003. – № 12. – С. 117–135.

212. Шенрок В. И. Аксаков и его семья: биографический очерк // Журнал министерства народного просвещения. – 1904. – № 10. – Отд. 2. – С. 335–418.

213. Ширинянц А. А., Мырикова А. В., Фурсова Е. Б. Константин Сергеевич и Иван Сергеевич Аксаковы // Аксаков К. С., Аксаков И. С. Избранные труды. – М., 2010. – С. 5–114.

214. Эйдельман Н. Я. Тайные корреспонденты «Полярной звезды». – М.: Мысль, 1966. – 309 с.

215. Эйдельман Н. Я. Свободное слово Герцена. – М.: Эдиториал УРСС, 2009. – 528 с.

216. Christoff P. K. K. S. Aksakov. A study in ideas. – Princeton (N.J.): Princeton univ. press, 1982. – IX, 475 p.

217. Lukashevich S. Ivan Aksakov (1823–1886). A Study in Russian Thought and Politics. – Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press, 1965. – 191 p., [1] l. portr. (Harvard Hist. Monogr.; 57).

СОДЕРЖАНИЕ

Введение. Вехи биографии, труды и публикации И. С. Аксакова.....	3
Глава 1. Детство, отрочество и юность И. С. Аксакова (1823–1842)....	23
1.1. Домашнее воспитание в семье: первые пятнадцать лет жизни.....	23
1.2. Императорское Училище правоведения и обучение в нем.....	31
1.3. «О характере уголовного процесса»: выпускное сочинение 1842 года.....	41
Глава 2. Чиновник-правовед на службе при Министерстве юстиции (1842–1848).....	52
2.1. «Аттестат о службе И. С. Аксакова, 2 июня 1851 года».....	52
2.2. Зимняя дорога. (Licentia poëtica). Март, 1845 года. Радонежье.....	58
2.3. Служба в качестве товарища председателя Калужской уголовной палаты, 1845–1847 гг.....	68
2.4. «Судебные сцены» И. С. Аксакова, опубликованные А. И. Герценом в «Полярной звезде» в 1858 году.....	76
Глава 3. Чиновник по особым поручениям при министре внутренних дел (1848–1851).....	84
3.1. Чиновник по особым поручениям при министре внутренних дел Л. А. Перовском.....	84
3.2. «Передряга» 18–22 марта 1849 года.....	90
3.3. Статья И. С. Аксакова «О служебной деятельности» и «Ответ» на нее К. С. Аксакова.....	101
3.4. Служебные записки о расколе.....	110
3.5. Переписка с Министерством внутренних дел о поэме «Бродяга»..	115
Приложения.....	122
Приложение № 1. И. С. Аксаков. <Автобиография 1862 года>.....	122
Приложение № 2. И. С. Аксаков. «Русские сочинения № 2. О возможности русским иметь народную литературу (Разговор)».....	124
Приложение № 3. Опись документов и переписки И. С. Аксакова по Министерству юстиции и Министерству внутренних дел (1844–1854)....	133
Приложение № 4. И. С. Аксаков. «Моим друзьям, немногим честным людям, состоящим в государственной службе» (декабрь 1851 г.).....	138
Приложение № 5. «Передовой боец славянофильства». О жизни, трудах и наследии К. С. Аксакова.....	140
Заключение.....	149
Список использованной литературы.....	154

Научное издание

Мотин Сергей Витальевич

**РОССИЙКИЙ СЛАВЯНОФИЛ
НА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СЛУЖБЕ.
И. С. АКСАКОВ – СОТРУДНИК МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ И
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ**

Монография

Редактор Е. А. Ермолаева

Подписано в печать 27.03.2017

Гарнитура Times

Уч.-изд. л. 9,7

Тираж 40 экз.

Заказ № 44

Формат 60х84

Усл. печ. л. 10,2

*Редакционно-издательский отдел
Уфимского юридического института МВД России
450103, г. Уфа, ул. Муксинова, 2*

*Отпечатано в группе полиграфической и оперативной печати
Уфимского юридического института МВД России
450103, г. Уфа, ул. Муксинова, 2*